

ISSN 0321-0367

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

1
1984

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Корань Л. Д.</i> Аб эстэтычнай рэакцыі чытача на аповесць А. Адамовіча «Карнікі»	3
<i>Черота И. А.</i> Восприятие творчества М. А. Шолохова в Югославии	6
<i>Середенко Л. С.</i> Принципы создания образа декабриста М. С. Лунина в советской литературе	8
<i>Скоропанова И. С.</i> Лирический герой поэзии А. Тарковского	11
<i>Лантева А. Л.</i> Проблема характера в поэме С. Наровчатова «Василий Буслаев»	15
<i>Шабловская И. В.</i> Автор. История. Роман («Похождения brave солдата Швейка» Я. Гашека)	17

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Міхей М. В.</i> Да пытання аб сінтаксічнай сувязі галоўных членаў двухсастаўнага сказа	21
<i>Прыгодзіч М. Р.</i> Шматслоўныя кампазіты ў беларускай мове	24
<i>Клімуць С. В.</i> Да ўжывання слоў <i>столькі, гэтулькі, колькі, некалькі</i> ў сучаснай беларускай мове	27
<i>Сарока У. А.</i> 3 семантычнай гісторыі народных найменняў прадметна-бытавой лексікі (На матэрыяле беларускага фальклору і старабеларускіх помнікаў)	30
<i>Мечковская Н. Б.</i> Риторика Макария 1617—1619 годов в книжно-письменной культуре восточного славянства (в связи с публикацией памятника)	34
<i>Нгуен тхи Хоай Няп.</i> Вьетнамская лексика в русских текстах	39
<i>До тхи Бак Нинь.</i> Орфоэпические отклонения на слоговом уровне в русской речи вьетнамцев	43
<i>Гончарова Н. А.</i> Способы выражения побудительного значения у глагола <i>face</i> (На материале классической и постклассической латыни)	46
<i>Ханна Вадас-Возьны.</i> К вопросу о межъязыковой интерференции	49
<i>Васючкова О. И.</i> О влиянии нетерминологической семантики слова на его употребление в качестве термина	51
<i>Нешигой В. В.</i> Критерий однородности лексического состава частотного словаря	54

ЖУРНАЛІСТЫКА

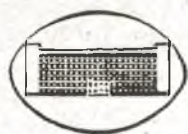
<i>Плавник А. А.</i> Этапы и тенденции развития Белорусского телевидения	57
<i>Слука О. Г.</i> О некоторых проблемах журналистского образования в социальных странах	60

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Дементьева Л. Е.</i> Профессиональная готовность к эстетическому воспитанию как элемент эстетической культуры будущего учителя	63
<i>Вольнец Т. Н.</i> Использование ежегодников «Новое в русской лексике» при изучении современного русского языка	66
<i>Босько В. А.</i> НОТ в кружковой работе	69
<i>Поликарпов В. А.</i> Об экспериментальном изучении понимания	71
<i>Смирнова Н. М.</i> Развитие общеобразовательной школы в Германской Демократической Республике	74
<i>Турайкевич Н. К., Дунаевская Г. Е.</i> Обучение студентов-заочников переводу литературы по специальности на немецкий язык	76

РЭЦЭНЗІІ

<i>Ключенович И. М. В. А. Шошин.</i> Литература народов СССР	78
<i>Супрун А. Е.</i> Der altrussische Kondakar	79

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

№ 1
КРАСАВІК

ПСІХАЛОГІЯ

Галоўны рэдактар М. Д. ЦІВО
Нам. галоўнага рэдактара В. Р. РУДЗЬ
Адказы сакратар П. М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (адказы рэдактар),
Р. І. ВАДЭЙКА, А. А. ВОЛК, І. К. GERMAHOBИЧ (адказы
сакратар), В. В. КАЗЛОВА, І. П. КАХНО, Ф. І. КУЛЯШОЎ,
М. У. ПІСКУНОЎ, В. П. РАГОЙША, А. Г. СЛУКА, Б. В.
СТРАЛЬЦОЎ (нам. адказнага рэдактара), П. І. ТКАЧОЎ,
М. Я. ЦІКОЦКІ, І. В. ШАБЛОЎСКАЯ, Л. М. ШАКУН (нам.
адказнага рэдактара), П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА
Серия IV, № 1, 1984

Издательство «Университетское»
220048, Минск, проспект Машерова, 11
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар С. В. Балянко
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 07.02.84. Падпісана да друку 17.04.84. АТ 08520. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0.
Ум. фарб.-адб. 7,52. Ул.-выд. арк. 8,01. Тыраж 900 экз. Заказ 770.
Цана 80 кап.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі пр., 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1984

Л. Д. КОРАНЬ

АБ ЭСТЭТЫЧНАЙ РЭАКЦЫІ ЧЫТАЧА НА АПОВЕСЦЬ А. АДАМОВІЧА «КАРНІКІ»

Пытанні, звязаныя з чытацкай эстэтычнай рэакцыяй, уваходзяць у склад навуковага вывучэння праблем мастацкага ўспрыняцця. Як вядома, вартасці літаратурнага твора трэба вызначаць у залежнасці ад яго катарсічнага ўздзеяння на чытача. Між тым уласна тлумачэнні эстэтычных перажыванняў з'яўляюцца толькі рацыяналізацыяй падсвядомых працэсаў, па сваёй прыродзе незразумелых суб'екту і схаваных ад яго ў сваім працяканні і сутнасці¹. Таму мэтазгодна псіхалогію твора элімінаваць ад яе адзінкавага канкрэтнага дзеяння і вывучаць як безасабовую. Атрыманая такім шляхам эстэтычная рэакцыя будзе безасабовай у тым сэнсе, што яна не будзе належаць нікаму асобнаму чалавеку і не будзе адбіваць ніякага індывідуальнага працэсу ва ўсёй яго складанасці².

Аповесць А. Адамовіча «Карнікі» — арыгінальная спроба на ваенным матэрыяле даследаваць, акрамя ўсяго іншага, псіхалогію непрадвызначанага здрадніцтва, псіхалогію звычайнага чалавека, які, трапіўшы ў безвыходнае становішча, здаецца, нечакана нават для сябе робіцца праджнікам і катом. Успрыняцце дзеючых асоб у такой прозе і самой прозы падобнай накіраванасці (параўн., напрыклад, «Блакадную кнігу» таго ж А. Адамовіча і Д. Граніна як своеасаблівы доказ ад процілеглага) пазбаўлена апоры на інерцыю эстэтычных рэакцый, на звыклыя ўяўленні аб ваенным палоне, здрадзе і да т. п. Пра ўплывы папярэдняга літаратурнага вопыту (за выключэннем, бадай, «Сотнікава» В. Быкава) гаварыць тут будзе не зусім дакладна: добра вядомая нам проза выбару калі і мае справу з дэзерцірамі і перабежчыкамі, то істотна адрозніваецца ракурсам адлюстравання. І з пункту гледжання вонкавага адбітку спосаба арганізацыі матэрыялу аснова аповесці «Карнікі» дакументальная, а знешне буйным планам даецца псіхалогія ў маналогіях, — ужо гэтая самая агульная супярэчнасць аб'ектыўнага і суб'ектыўнага пачаткаў у кнізе даволі энергічная.

Найбольш нязвыклым на першы погляд у аповесці А. Адамовіча здаецца тое, што псіхалогія персанажаў у ёй аголена проста прыгнятальна ў адносінах да псіхікі чытача, да нейкіх маральных першаасноў наогул. Для аўтарскага аналізу ўнутранага свету і стану чалавека няма сакраментальных абмежаванняў, і чытач увесь час знаходзіцца як бы пад псіхалагічным прымусам. Адлік пачынаецца з не ва ўсім пакуль што зразумелага ўзроўню падсвядомага, які ў невялікай ступені вызначае нашы паводзіны.

На апошняй вайне асабліва цвяроза ўбачылася, што універсальнай і гарантаванай ад збояў праграмы паводзін чалавека ў небяспецы не існуе. Да канца сябе не ведае ніхто, пакутам жа, болю, страху смерці падудаленыя ўсе. Маючы на ўвазе гэтую залежнасць усіх ад умоў пэўнага і пры тым зусім нядаўняга часу, чытач вольны ў сваім стаўленні да персанажаў: «аб'ектывацца», глядзець збоку ці суперажываць свядома. Напомнім, што размова ідзе аб сітуацыях, у адносінах да якіх ужо нармальны інстынкт самазахавання спяшаецца ўстанавіць дыстанцыю; у «Карніках» гэта спачатку становішча ваеннапалоннага з усімі вынікамі з яго, потым суцэльны здзек канцлагернага існавання, неспадзяваны па сіле ўцёск фа-

шысцкай машыны на асоби, і ў рэшце рэшт «будні» карнага батальёна, дзе кожны дзень трэба забіваць, каб выжыць. Неспрыяльны для чытацкага суперажывання матэрыял адразу фарміруе пэўную ўстаноўку.

Аднак падкрэслім тут, што суперажыванне з'яўляецца перадумовай мастацкага ўспрыняцця наогул. Па псіхалагічных заканамернасцях чытач абавязкова, усвядомлена ці не, але выяўляе ў перажываннях персанажаў, у абставінах дзеяння сітуацыі і адчуванні, блізкія яго асабістым, жыццёвым. Зрэшты, прысутнасць у мастацкіх перажываннях жыццёвага вопыту ў самым агульным выглядзе адзначалася яшчэ з арыстоцэлевых часоў. Нам для разумення эстэтычнай рэакцыі чытача на аповесць А. Адамовіча ў першую чаргу неабходна звярнуць увагу на наступнае. Вядома, што акрамя чыста мастацкага, «фіктыўнага» (другаснага ў адносінах да непасрэднага) суперажывання ўяўнаму герою ў рэцыпіента мастацкага твора, дзякуючы штодзённаму вопыту, можа ўзнікнуць новая складаная эмоцыя — суперажыванне самому сабе³. Такая эмоцыя ўзнікае пры фрагментарным, як правіла, уздзеянні нашых жыццёвых уражанняў на суперажыванне ўяўнаму герою. Прычым уласны штодзённы вопыт далёка не заўсёды дакладна ўсведамляецца — з-за розных, натуральна, прапорцый, — але іменна ён у многім вызначае мастацкае ўздзеянне твора.

Лёгка зразумець дыскамфорт чытача перад такімі неспадзяванымі для яго кнігамі, як, напрыклад, «Блакадная» і тым больш «Карнікі»: у «Блакаднай кнізе» пры ўсёй праўдзе аб духоўных і фізічных выпрабаваннях людзей на мяжы іх магчымасцей на першым плане падаецца трываласць чалавечага духу, а яго разбурэнне, адступленні ад маральных нормаў, выкліканыя страшнымі ўмовамі блакаднага жыцця, не акцэнтуюцца; у «Карніках» суадносіны адваротныя, паказана найперш, як бялагічнае ў чалавеку скарыстоўвае для сваёй перамогі над свядомасцю гнуткі псіхалагічны апарат. Многія лічаць абедзве кнігі занадта цяжкімі для ўспрыняцця твораў, існуе і своеасаблівы парог жорсткасці, які не ўсе пераадоляюць, каб дачытаць іх да канца. І гэта не дзіўна: у падобных кнігах, у дадатак да «далікатнасці» самога прадмета, відавочна выступае структура, разрэз гістарычнай з'явы — вядомая «бяскончая група паралелаграмаў сіл»⁴. У сітуацыі крытычнай і такой, якая апісана ў «Карніках» або ў некаторых эпізодах «Блакаднай кнігі» (асабліва звязаных з Юрам Рабінкіным, з Г. А. Князевым і інш.), яснае разуменне чалавекам свайго сціплага і адначасова незаменнага месца ў сутыкненні мноства асобных воляў не можа не быць жорсткім, бо яно пазбаўляе яго ўсякіх ілюзій і ў дадатак ад яго ж, звячэйнага, недасканаласці, патрабуе дасканаласці, максімуму. І яшчэ адно: да добра распрацаванай у пэўным кірунку нашай ваеннай літаратуры і звыклай ужо для чытача праблемы выбару ў аповесці А. Адамовіча нечакана прапануюцца адносіны абвострана асабовыя. Выбар наш заўсёды адназначна-станоўчы. Але чытач судзіць, маючы магчымасць — няхай не заўсёды яна рэалізуецца, аднак яна дадзена, задавая — выразна да невыносных падрабязнасцей уявіць сябе самога ў блакадзе або ў канцэнтрацыйным лагеры. Судзіце, але і самі судзімыя будзеце. У такой прозе цана выбару адчуваецца кроўна; неабходна не проста рашыць маральную задачу, трэба рашыць яе, маючы на ўвазе сваю псіхіку і сваё падсвядомае. На першы погляд прасцей, з падказкай справа з карнікамі: многія з іх былі, вядома, некалі звычайнымі васемнаццаці-дваццацігадовымі нашымі людзьмі і пасля вайны нікога не забівалі, жылі больш-менш сціпла, працавалі, як усе, толькі гэта ўжо не мае значэння перад фактам іх службы ў батальёне Дзірлевангера (дарэчы тым самым, што спаліў Хатынь). А як аднесціся да блакаднікаў, тых, хто не вытрымліваў?

Мы прапанавалі студэнтам 5-га курса філалагічнага факультэта БДУ, якія прачыталі аповесць «Карнікі», некалькі пытанняў; пры гэтым мы мелі на ўвазе, што большасцю галасоў псіхалагічных ісцін здабыць нельга (і правільную самаацэнку дасць не кожны), але пра нейкія агульныя заканамернасці, тыпы рэагавання на прачытанае меркаваць з апытвання магчыма. Пытанні перад групай студэнтаў (20 чал.) былі пастаўлены такія:

1. Ці не здалася Вам кніга зацягнутай? (Так — х; не — у)
2. Ці не склалася ў Вас уражанне, што аўтар перабольшвае, згушчае змрочныя фарбы? (Так — х; не — у)
3. Ці сустракаюцца ў персанажаў перажыванні, падобныя да Ваших, жыццёвых? (Так — х; не — у)

4. Ці правамернае такое супастаўленне — Вашых пачуццяў з перажываннямі персанажаў? (Так — х; не — у)

Вынікі атрымаліся наступныя: 1) па тыпу уухх адказалі 50 % апытаных; 2) па тыпу ххуу — 10 %; 3) 40 % адказалі не настолькі паслядоўна: а) уууу — 10 %; б) ухху — 5 %; в) ууху — 25 %.

Такім чынам, першая група чытачоў аповесці найбольш чуйна рэагавала на яе змест, спалучаючы з першасным успрыняццём (суперажываннем, тут спецыфічным, уяўнаму герою) успрыняцце больш глыбокае, пазнаваўчае (суперажыванне самому сабе). Ёсць падставы гаварыць пра так званы канцэптуальны або сістэмны ўзровень успрыняцця⁵, пра дзейнасць суб'екта мастацтва па рэфармаванню свайго ўнутранага свету, пра нейкія катарсічныя моманты ў гэтай дзейнасці, г. зн. можна меркаваць пра пэўную плённасць працы пісьменніка. У другой групы эстэтычная рэакцыя аказалася вельмі і вельмі істотна збеднёнай. Аб чытачах трэцяй групы трэба сказаць, што дастаткова акрэслена вызначыць свае адносіны да зместу аповесці ім цяжка, імі дваістыя механізмы эстэтычных эмоцыі і рэакцыі ўсведамляюцца невыразна, або ва ўсякім выпадку ім не ўдаецца канчаткова пераадолець даволі абмежаваную інстынктыўную ўстаноўку.

Сваю цікавасць для раскрыцця чытацкай рэакцыі на аповесць А. Адамовіча маюць прыведзеныя ніжэй прыватныя моманты, якія ўрэшце сведчаць пра наяўнасць псіхалагічнага стэрэатыпу: злачынца ёсць злачынца, астатняе — «псіхаложніцтва». Як відаць з вынікаў нашага апытвання, 15 % чытачоў (2 + 6 гр.) лічаць, што аўтар проста «перажывае» (выказвалася і ўражанне аб натуралістычнасці «Карнікаў»). Тут склалася прыкладна такое меркаванне: логіка аўтара ясная, уласна кажучы, яна адзіна правільная; значыць, так грунтоўна капацца ў амаль падсвядомым, перагружаць аповесць падобнымі характарамі і лёсамі, апісаннямі падобных гвалтаванняў і забойстваў залішне — бо ўсё ж гэта не дакументальны, а мастацкі твор. Думка чалавека, які яўна хутчэй судзіць, чым пазнае, хутчэй абыякавага, чым гуманнага.

Даволі значная частка ўдзельнікаў апытвання не знаходзіць у перажываннях асноўных персанажаў аповесці якіх-небудзь знаёмых з асабістага жыццявага вопыту пачуццяў (20 % : 2 + а гр.). І яшчэ большая колькасць чытачоў адмаўляецца прызнаць правамерным такое супастаўленне — сваіх пачуццяў з перажываннямі персанажаў (50 % : 2 + 3 гр.). Гэта, маўляў, усё роўна, што спытаць чалавека, ці не злачынца ён. Абразліва. А чаму б і не спытаць, ці вытрымаў бы ён, ці прыкідваў наогул на сябе сітуацыю, або — «са мной нічога падобнага ў прыныцы здарыцца не можа»? А. Адамовіч наўмысна прымушае чытача засяродзіць сваю ўвагу іменна на самым цяжкім і змрочным, прапануе яму іменна гэты, самы няўтульны пункт гледжання, каб даць крытэрыі ад процілеглага, даць магчымасць і так яшчэ ацаніць і выпрабаваць свой чалавечы патэнцыял. Ад таго ж вострага адчування няўтульнасці прапанаваанай пазіцыі прырачаць і так: у нас другія абставіны. Але ж і спаганяецца з нас, дзякуй богу, пакуль яшчэ не крывёю. Даводзяць таксама, што нельга параўноўваць тых, хто перанёс, напрыклад, блакаду з тымі, хто не ведае, што гэта такое. Ну дык чаму б і не праверыць сваю волю, свядомасць спекулятыўна, калі рэальна канцэнтрацыйны лагер нас не экзаменаваў, калі такія вышыннае нагрукі выпалі іншым? Атрымліваецца, што ўвогуле за руку не схоплены — не злодзей. Безумоўна, успрымаць факт існавання карнікаў як абразлівы для чалавечай прыроды справядліва. Але ад гэтага факта і не адхрысцішся. Задача А. Адамовіча-мастака якраз і заключалася ў тым, каб прымусіць чытача псіхалагічна актыўна зреагаваць на дакументальны ў сваёй аснове змест аповесці; пры гэтым пісьменнік меў на мэце маральнае выхаванне чалавека нашага часу, маральную загартоўку тых, хто жыў ужо ў экстрэмальным атамным свеце. Сам А. Адамовіч лічыць, што «калі мы не можам і не будзем гаварыць, што ў нас вырастаў такі чалавек (карнік — Л. К.), то значыць усё-такі мы не выпрацавалі дастатковага імунітэта ў сваіх людзях, каб іх вось гэтая захапіўшая машына, падпарадкаваўшая сабе машына (фашысцкая — Л. К.), пра якую мы тут гаворым і пішам, каб яна не змагла з іх зрабіць уласныя вінцікі, шурупчыкі з гэтых людзей»⁶. У цытаце падкрэслім слова «імунітэт» — іменна да выпрацоўкі імунітэта павінна імкнуцца чытацкая рэакцыя на аповесць «Карнікі».

Успомнім цяпер сфармуляваны Л. С. Выгоцкім закон эстэтычнай рэакцыі: яна заключае ў сабе афект, які развіваецца ў двух супрацьлеглых

напрямках і які ў заключным пункце, нібы ў кароткім замыканні, знаходзіць сваё знішчэнне. Гэты працэс Выгоцкі называе катарсісам⁷. Пры чытанні «Карнікаў» аснову катарсічнай афектацыі ўтварае тая супярэчнасць, паводле якой даводзіцца бачыць чалавека і забойцу адначасова, у адной асобе. Развіваючыся, гэтая супярэчнасць дыялектычна ператвараецца ў супярэчнасць двух несумяшчальных сутнасцей, і адна з іх знішчаецца. У карніках гіне духоўнае, антыномія вырашаецца. Адпаведна і чытацкае адчуванне напружанай і непрыемнай дваістасці развіваецца да афекта і да яго «кароткага замыкання», знішчэння — да ачышчальнага ўражання. Першапачатковы, у многім падсвядомы чытацкі негатывізм заканамерна супадае з канчатковай ацэнкай. Але цяпер ужо, прайшоўшы круг маральнай работы, гэтая ацэнка набыла вагу няспрошчанага пераканання.

Такім чынам, псіхалагічны змест апавесці А. Адамовіча «Карнікі» для паўнацэннага ўспрыняцця патрабуе ад чытача адказнай работы думкі і пачуцця. Пры гэтай умове кніга выклікае паглыбленую да катарсічных якасцей эстэтычную рэакцыю; у пэўнай ступені дасягаецца мэта літаратуры — дзейсна ўплываць на асобу і яе адносіны з рэчаіснасцю.

¹ Гл.: Выготский Л. С. Психология искусства.— М., 1968, с. 32.

² Гл.: Там жа, с. 17, 18, 40.

³ Гл.: Берхин Н. Б. Общие проблемы психологии искусства.— М., 1981, с. 40.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395.

⁵ Гл.: Мейлах Б. Художественное восприятие (Аспекты и методы изучения).— Вопросы литературы, 1970, № 10, с. 45.

⁶ Магнітафонны запіс гутаркі з А. Адамовічам.

⁷ Гл.: Выготский Л. С. Назв. работа, с. 272.

И. А. ЧЕРОТА

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА М. А. ШОЛОХОВА В ЮГОСЛАВИИ

Процесс рецепции творчества М. А. Шолохова в Югославии имеет более чем полувековую историю. На сербскохорватский язык переведены все его произведения, большинство из них переведены также на словенский, македонский и другие языки народов Югославии. Далеко не полные подсчеты показывают, что общее количество переводов (вместе с публикациями в периодических изданиях) — более 200 единиц, в том числе три собрания сочинений и около 60 отдельных изданий. К творчеству знаменитого советского мастера слова обращались более 30 переводчиков; литературоведческих, литературно-критических и публицистических материалов, посвященных М. А. Шолохову, насчитывается более 280.

Тем не менее проблема восприятия творчества М. А. Шолохова в Югославии до сих пор разработана недостаточно. Из советских исследователей к ней первым обратился К. И. Прийма¹. Кроме его обстоятельного очерка, из работ советских авторов можно назвать лишь небольшие статьи А. Г. Мецерыковой² и А. Д. Романенко³. Некоторые аспекты выделенной проблемы рассмотрены в работах югославских ученых Александра Флакера⁴ и Витомира Вулетича⁵, наиболее широкому кругу вопросов о рецепции творчества М. А. Шолохова в Югославии посвящена книга американского слависта Роберта Прайса⁶. До сих пор ни советское, ни зарубежное литературоведение не имеет работ, в которых бы освещалась вся история восприятия творчества М. А. Шолохова культурами народов Югославии и в комплексе анализировался творческий опыт советского мастера как действенный фактор процесса развития инонациональных литератур.

Актуальными в этом аспекте являются следующие задачи: выявить закономерности истории знакомства югославов с Шолоховым и провести периодизацию этого процесса; систематизировать и подробно рассмотреть всю совокупность материалов югославского шолоховедения; проанализировать факты влияния творческого опыта советского писателя на писателей Югославии; изучить переводы и различные издания; составить полную библиографию переводов и материалов югославского шолоховедения.

Остановимся на некоторых из них подробнее. Анализ фактов, отражающих процесс рецепции творчества М. А. Шолохова в Югославии, позволяет нам предложить следующую периодизацию: I период — 1930 — 1941 годы; II — 1941 — 1948; III — 1949 — 1955; IV период — с 1956 года по настоящее время. Хронологические рамки и особенности каждого

периода определяются прежде всего историческими условиями, влиявшими на степень активности интереса к произведениям советского писателя, на характер оценок и подход в осмыслении как художественных, так и идейных достижений.

В 1930—1941 годы в Югославии начиналось знакомство с выдающимся представителем советской литературы. За это время на сербскохорватский и словенский языки переведен рассказ «Семейный человек» (печатался 8 раз); на сербскохорватском дважды издана первая книга «Тихого Дона», а отрывки этого романа переведены и на словенский; на словенском в отрывках, а на сербскохорватском отдельным изданием увидела свет первая книга «Поднятой целины»; прямо или косвенно обсуждению творчества М. А. Шолохова посвящены около 50 материалов югославской печати. При всем этом представление о Шолохове у югославских читателей было еще далеко не полным и не всегда правильным. В характеристиках творчества автора «Семейного человека» и «Тихого Дона» нередко акцент делался на экзотике, региональности; в ряде случаев значение шолоховского опыта сужалось и автора великой эпопеи критика представляла как писателя крестьянского; чрезмерно подчеркивалась зависимость советского мастера от традиций русской литературы XIX века. Определялось это многими причинами: и спецификой национального восприятия, и недостаточным высоким уровнем методологии критики, но в наибольшей степени — политическими условиями, напряженностью идеологической борьбы. В связи с этим нельзя не отметить, что тон югославской критике в оценках творчества М. А. Шолохова нередко задавали эмигрантская печать и ряд критиков-белоземляков, сознательно искажавших суть искусства социалистического реализма.

Уже в первые годы проникновения в Югославию шолоховские произведения не только удивляли силой эстетического воздействия, но и активно сражались за новые идеи, за новую жизнь.

Характерной особенностью второго периода является развитие прогрессивных тенденций, проявившихся в 30-е годы. Период второй мировой войны для югославских народов — это не только борьба против фашистской оккупации. Это одновременно и путь революции. Интерес к Шолохову во время войны и в первые послевоенные годы обусловлен важнейшими историческими задачами, вставшими перед народами Югославии. Шолохов для них не только художник, получивший широкую известность, но и воин, патриот, «отечества достойный сын». В 1941—1945 годы слово Шолохова «приравняется к штыку» — переводятся на сербскохорватский язык «Военнопленные» и «Наука ненависти», а на словенский — отрывок из романа «Они сражались за Родину». Произведения М. А. Шолохова занимают одно из первых мест среди переводов 1945—1948 годов: на основных языках народов Югославии они издавались 20 раз. Но главное, безусловно, не в количестве, а в интенсивности процесса освоения, оперативности переводов и многоплановости вхождения в культуру братских народов.

С 1949 по 1955 год очевидно нарушение тенденций, сложившихся ранее: в этот период произведения советского писателя мало издаются, редко появляются исследовательские материалы о нем, а то, что печатается, подчинено не литературоведческим целям. Несмотря на это, объективно именно период 1949—1955 годов является временем наиболее ощутимого влияния творческих открытий М. А. Шолохова на югославских авторов. Обращение именно к Шолохову закономерно и потому, что его произведения глубоко и многопланово отразили процессы и проблемы, свойственные Югославии, и потому, что к этому времени «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Донские рассказы» были широко известны и восприняты как образец художественного осмысления истории.

Начиная с 1956 года, когда отношения Югославии и СССР становятся более тесными и плодотворными, когда талант М. А. Шолохова получает высокое признание во всем мире, интерес югославов к выдающемуся советскому писателю еще более возрастает. За период с 1956 года по настоящее время его произведения публикуются около 160 раз, выходят три собрания сочинений, 10 сборников избранных произведений. Практически все, что опубликовано на русском языке, становится достоянием югославских читателей. По неполным подсчетам, в югославской печати за это время появляется более 200 материалов, посвященных Шолохову. И этот процесс продолжается.

Исключительный интерес для исследования представляет такой аспект

рассматриваемой проблемы, как отношение к произведениям М. А. Шолохова югославской критики. Прежде всего следует отметить, что оно никогда не было пассивно-созерцательным — оценки творчества выдающегося мастера социалистического реализма всегда были связаны с отношением к важнейшим политическим, идеологическим и эстетическим проблемам. Выше указывалось на некоторые моменты, характерные для начального периода знакомства югославов с творчеством М. А. Шолохова. Острой полемикой, борьбой идей характеризуется и подход критики более позднего времени, вплоть до наших дней.

Особое значение для исследования проблемы «Шолохов и Югославия» имеет вопрос о влиянии опыта советского писателя на югославских авторов, поскольку он является наиболее убедительным доказательством вхождения в инациональный литературный процесс. На этот счет существует немало утверждений критиков, есть и не замеченные, не освещенные пока факты. Тем не менее вопрос этот сложен: факты, квалифицируемые как результат влияния, могут быть обусловленными историко-типологическим сходством; традиции литературных взаимосвязей, с одной стороны, увеличивают вероятность усвоения опыта отдельного писателя, но с другой — предполагают воздействие литературы в целом; национальная специфика идейно-эстетических задач на разных этапах истории югославского общества вызывала не только сближение с опытом советской литературы, но и отталкивание от него. Кроме того, длительное время в югославской критике утвердившимся было мнение, которое может быть выражено словами П. Зарича: «Наша революция не имела своего Шолохова»⁷.

При всем этом анализ большого ряда фактов доказывает отражение опыта М. А. Шолохова в литературе народов Югославии, непосредственно в романах «Село за семью ясенями» Славко Яневского, «Прорыв» и «Глухой порохов» Бранко Чопича, «Далеко солнце», «Разделы» и «Время смерти» Добрицы Чосича, «За светлыми горизонтами» Мишко Краньца и др. Обращение югославских писателей к опыту выдающегося советского мастера не ограничивается ни отдельными произведениями, ни жанром, ни какими-то хронологическими рамками.

В целом можно с уверенностью утверждать, что творчество М. А. Шолохова более полувека является значительным фактором литературной жизни Югославии. Переводы каждого из его произведений были событиями большой важности, а интерес к ним с момента первого выхода не ослабевает до сих пор. Для югославской критики творческие достижения Шолохова играли важную роль в формировании эстетических критериев и методологических принципов. Наличие в литературах народов Югославии тенденций, близких творческим поискам советского писателя, создало благоприятные условия для освоения его художественных открытий.

¹ См.: Прийма К. «Тихий Дон» сражается.— М., 1975, с. 234.

² Мещерякова А. «Тихий Дон» в литературе Югославии.— Вестн. Московского ун-та. Филология, 1978, № 5, с. 9.

³ Романенко А. Шолохов в Югославии (Некоторые новые материалы).— Дон, 1981, № 4, с. 144.

⁴ Flaker A. Jugoslovenske književnosti i djela Mihaila Solohova.— Kolo, 1967, br. 10, s. 248—249.

⁵ Вулетић В. Шолохов код Срба и Хрвата.— Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, кн. IX, 1966, с. 279.

⁶ Price R. Mixel Soloxov in Jugoslavia: Reception and Literari impact.— New York, 1973.

⁷ Цит. по кн.: Художественный опыт литератур социалистических стран.— М., 1967, с. 250.

Л. С. СЕРЕДЕНКО

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ДЕКАБРИСТА М. С. ЛУНИНА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первые воспоминания современников о М. С. Луние относятся ко второй половине XIX — началу XX веков. Публицистические произведения и письма декабриста не были доступны широкому читателю в то время, когда автор находился на каторге и в ссылке, когда перо стало его единственным оружием в борьбе с самодержавием. Лунин как политический бо-

рец и памфлетист оживает на страницах «Полярной звезды» А. Герцена в 60-е годы XIX века. И лишь в 20-е годы XX столетия под редакцией С. Штрайха издаются его статьи и письма. Многие историки (М. Азадовский, С. Гессен, С. Окунь) обращались к освещению его личности. Но художественных произведений, где бы Лунин был в центре повествования, кроме рассказа О. Д. Форш «Верный спутник», в советской литературе не было. Только в 70—80-е годы появились книги, посвященные необычной и яркой судьбе декабриста, Н. Эйдельмана «Лунин» (1970), В. Гусева «Легенда о синем гусаре» (1976), Н. Растрепина «Орлиный клик» (1980), С. Ермолинского «Голубая звезда» (1981). Авторы названных произведений, создавая художественный образ реального человека, использовали архивные материалы, документы, факты, на основе которых выстраивался сюжет повествования о жизни М. Лунина. Книги этих авторов отличаются друг от друга и широтой охвата исторического материала, и в художественном отношении, и способами раскрытия героического характера.

Книга «Лунин» явилась удачей не только в биографическом жанре, но и в историко-революционной прозе в целом. Н. Эйдельман, совмещая в одном лице историка, исследователя и писателя, раскрывает образ своего героя, с одной стороны, постигая внутреннюю логику характера, его интеллектуальную, эмоциональную силу и глубину, с другой, исследуя его личность в контексте эпохи, в связи с историческими событиями, с социальными, философскими, политическими идеями того времени. Главным в создании образа декабриста является строго документированное повествование. Идет поиск героя, реконструкция индивидуальности на основании бесчисленных источников: писем, воспоминаний современников, официальных документов, извлеченных из архивов. Композиционное построение, вдумчивое прочтение материала, который отшлифовывает грани личности декабриста, заостряют внимание не только на событиях жизни, а, главное, на причинах, мотивах поступков и решений, на итогах, в свою очередь являющихся вновь отправным моментом действия. Вероятно, поэтому, обращаясь к созданному Н. Эйдельманом образу Лунина, историки и литературоведы находят общие точки соприкосновения, но приходят к различным выводам. Так, в статье-рецензии К. Шилов считает, что более всего «Лунин» — это историческое исследование, научная биография. «Книга Н. Я. Эйдельмана, во многом использующая материалы монографии С. Б. Окуня, не просто первая отличная популяризация лунинских материалов. Это — глубоко научная, в основе своей, популяризация, включающая и гипотезы, и публикации новых документов»¹. Авторы сборника «Утверждение личности» Г. Цурикова и И. Кузьмичев подчеркивают принадлежность произведения именно к области художественной литературы: «Книга на грани художественного и научного постижения мира. И хотя «Лунин» Н. Эйдельмана — это, конечно, не повесть, даже в самом условном и расширенном понимании, книга, безусловно, относится к области художественной литературы, при всей необычности для беллетристики ее стилистических и композиционных приемов»².

Можно определить произведение Н. Эйдельмана «Лунин» как историко-документальный роман-биографию, если рассматривать его в рамках неканонического романа. Исследование многогранной, многомерной личности М. Лунина связывается не только с процессом становления и развития его характера и самосознания, но и с решением многих возможных вариантов, догадок проявления его человеческой натуры в сложных жизненных ситуациях. Бунт сильной личности содержал в себе различные пути реализации, но главным явилось участие в заговоре, в создании тайных обществ, принятие обвинений осужденных по второму разряду и неугасимая сила борьбы до последнего часа жизни, которая нашла свое продолжение в народном подвиге А. Герцена и революционеров 60-х годов.

Появившаяся несколько лет спустя повесть В. Гусева «Легенда о синем гусаре» стала новым этапом художественного поиска личности декабриста. Критик В. Кардин в статье «Допрашивая архивы» выделяет в повести В. Гусева прежде всего то, что автор пытается постичь сложный внутренний мир героя, проследить линию судьбы близкого друга многих известных декабристов. «Если декабристы вообще были «белыми воронами», то Лунин из повести В. Гусева «белая ворона» вдвойне — настолько не похож на сотоварищей. Психология «белой вороны» наиболее сложна и парадоксальна»³.

«Легенда о синем гусаре» окрашена романтической стиливой тональностью. Факты, события плавно, последовательно связаны без очеркового упоминания о предшествующем, скучных перечислений, необходимых для того, чтобы ввести читателя в центр действия. Блестящий гусар, дуэлянт, отважный воин, декабрист-мыслитель, революционер, знакомый с лучшими просвещенными людьми XIX века, близкий в равной степени к царскому окружению и ссыльнокаторжным, человек удивительной судьбы Лунин на страницах повести обретает живую плоть и душу. Достоверность, документальность в создании образа сочетается у автора с особым видением героя, элементами вымысла, фантазии. Романтический порыв к светлому, справедливому, самопожертвование, отказ от личного счастья становятся зримыми чертами Лунина из «Легенды...».

Не раз прозвучит в повести вопрос: «Кто вы, Лунин?» Но четкого ответа на него нет. Недостаточно для Анны Потоцкой, матери Натали, признания Лунина, что он причастен к тем страшным петербургским событиям 14 декабря, поэтому не имеет права рисковать судьбой ее дочери. Неполным кажется ответ Лунина ревизору Пушину, когда он по долгу службы оказался в Акатуйской тюрьме, смог увидаться и говорить с узником, пытался понять, почему декабрист по-прежнему бросает вызов власти, почему, пройдя через горнило страданий, не извлекает из них никаких уроков. В их беседе, полусерьезной, полусветской прозвучит философское, неконкретное объяснение: «Истинных причин наших действий никто не знает, даже мы сами, я таков, и всё, а вы таковы — и хоть разбейся».

В. Гусев видит своего героя «человеком ума и духа», который утверждает: «Делая нечто, я должен сознавать, что это сейчас отвечает моему чувству истины». Еще не совершив самого дела, принимает кару, не открыв настоящего применения своим силам, ожидает найти его в будущем. Но главный выбор в жизни был сделан, когда оказался в рядах осужденных декабристов. Многие не ожидали его здесь увидеть, а для него, Лунина, все ясно, оправданно. «Но где же мне быть?» — вот единственное, верное, то, что сейчас отвечает чувству истины.

Поиск самого себя, угнетающее сомнение, желание постичь суть вещей — постоянные спутники Лунина. Сознывая свою исключительность, видя непонимание со стороны окружающих, он пытается найти разгадку, разомкнуть круг одиночества. Стремление донести до читателя понимание конкретной личности в ее целостности, раскрыть героический характер во всех противоречиях сочетается у В. Гусева с особым взглядом на личность декабриста, ставшего в «Легенде...» образом романтического непобедимого борца, рыцаря чести, добра и справедливости.

Н. Растрепин и С. Ермолинский предпочли рассказать о своем герое в рамках привычной, ставшей почти традиционной исторической повести. Для «Орлиного клика» характерно неторопливое, незамысловатое повествование, последовательно передающее основные события жизни М. Лунина начиная с 1814 года, когда русские войска взяли Париж, и кончая его смертью в Акатуе. Автор не скрывает своих симпатий к герою, выделяет его отличительные черты: непреклонность, верность до конца своим убеждениям, мужество в неравной борьбе с царизмом. На первом плане — передача поступков, основных моментов биографии, изображение декабриста в водовороте исторических событий, в тесном дружеском окружении людей, разделяющих его политические убеждения, и в столкновении с представителями власти. Переходом Лунина к новой точке зрения от первоначального дерзкого и решительного замысла убить царя к убеждению, что нужна прежде всего «ясная программа» и «хорошо организованная дружина», ставится проблема уровня развития личности. В описании жизни на каторге и в ссылке проблема заостряется: Лунин считает, что декабристы после поражения, после долгих лет заключения ответственны за начатое дело и должны продолжить борьбу. Но до решения проблемы далеко, потому что не выявлены причины, мотивы поведения героя.

Скрытые завесой времени отношения Лунина и Натали Потоцкой на страницах повести расшифровываются почти буднично. Великий князь Константин, покровительствуя своему адъютанту, сочувствует его привязанности к Потоцкой, способствует расположению к нему матери Натали. Прекрасная панна тайно встречается с Луниным в парке. Но эпизод свидания обедняет образы. Подобные сцены так часто встречаются в других произведениях, так похожи друг на друга обстановкой, поведением персонажей, что грозят главным героям утратой индивидуальности. Попытка постичь,

разгадать незаурядную личность, представить убедительно сложный путь ее развития разрешена автором больше с событийной, сюжетной стороны, нежели в глубоком психологическом проникновении в логику характера.

В «Голубой звезде» С. Ярмолинского точка отсчета событий — весна 1841 года, когда над Луниным, отбывшим каторгу и прожившим пять лет на поселении, готовится заговор. Через мало значащее, второстепенное лицо повести, генерала Копылова, кратко обрисовывается личность главного героя, события его жизни в ссылке. О самом ярком, интересном в биографии Лунина узнаем из беглого пересказа. В повести пересекаются несколько линий: первая — жизнь Лунина в ссылке, вторая — служба чиновника Успенского, исполнителя поручений генерала-губернатора Рулберта, образа явно непривлекательного; третья — воспроизведение героического прошлого декабриста. Драматизированная сцена ареста Лунина становится кульминацией действия. Но разговор-поединок декабриста и царского чиновника недостаточно убедителен: трудно поверить, что преуспевающему, но довольно ничтожному Успенскому Лунин, понимая причины и последствия этой встречи, мог говорить о высоком предназначении человека, о своем понимании смысла жизни. Перемещение центра рассказа от Лунина к Успенскому нарушает структуру восприятия образа.

Образ декабриста М. С. Лунина, созданный названными авторами, обнаруживает различные принципы изображения характера реального исторического человека. М. Лунин интересно, значительно предстает в изображении Н. Эйдельмана и В. Гусева, несмотря на явное различие в формах повествования, документальной и художественной, так как главным у этих писателей стали раскрытие причин, мотивов поведения героя, постижение внутренней логики его характера, исследование личности в контексте эпохи.

¹ Освободительное движение в России, 1971, № 1, с. 131.

² Цурикова Г., Кузьмичев И. Утверждение личности. — Л., 1975, с. 34.

³ Вопросы литературы, 1977, № 7, с. 48—49.

И. С. СКОРОПАНОВА

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ПОЭЗИИ А. ТАРКОВСКОГО

Лирика А. Тарковского обращается к жизни человеческого духа как главному предмету изображения. Генетически она восходит к творчеству Ф. Тютчева с его интеллектуальной эмоциональностью, напряженным психологизмом, впитывает художественные достижения символистов, цементируется идеей самоусовершенствования личности.

Произведения художника зримо запечатлели путь его духовных исканий на протяжении полувека творческой биографии (20 — 70-е годы). Между тем в стихотворениях почти нет реалий его внешней, повседневной жизни, конкретных биографических фактов и сведений. Тарковского интересуют процессы, происходящие во внутреннем мире человека. Но и их изображение получает у художника преимущественно опосредованное преломление: за счет использования развернутых метафорических картин, символов, аллюзий. Как бы отрешаясь от несущественного, второстепенного, Тарковский выдвигает на первый план диалектику духовного самоопределения и созревания личности. Центральный образ его поэзии — образ лирического «я», эволюцию которого можно раскрыть, пользуясь словами М. Шолохова, как процесс «увеличения души». Для характеристики этого образа поэт прибегает к исповеди, самоанализу, воспоминаниям, нравственно-философским размышлениям.

В стихотворении «До стихов» автор воспроизводит юношески-романтическое представление о своем будущем, неразрывно связанное с мыслями о творчестве. Вся предстоящая жизнь виделась ему праздником, судьба воспринималась в образе «неопалимой купины», предощущение красоты и богатства мира обжигало душу. Не случайно строки произведения как бы теснят друг друга, не давая перевести дыхание, — синтаксис стихотворения великолепно передает владеющее героем настроение все более нарастающих ожиданий и надежд.

Это идеализированное мироощущение, показывает Тарковский, не совпало с реальным ходом жизни: стать настоящим поэтом, крупной, значи-

тельной личностью оказалось задачей невероятной сложности, потребовавшей от художника пересоздания всего себя.

Лирическое «я» раннего Тарковского не носило отпечатка резкой индивидуальности, неповторимой человеческой судьбы. Власть традиционных средств выражения, восходивших, с одной стороны, к одической поэзии XVIII века, с другой — к смутной, «вневременной» образности символистов, подавляла самобытное начало творчества художника, лишала его оригинальных черт. Собственное «я» представлялось Тарковскому слишком несовершенной копией искомого и должного для того, чтобы обратить на него внимание читателей, и становление творческой индивидуальности художника началось с критического самоанализа.

Одним из первых произведений Тарковского, в котором средствами косвенной образности давалось отражение лирического «я» поэта, стало стихотворение «Дом». Прибегая к аллегории, художник уподобляет судьбу героя произведения неприглядному дому на задворках. Все здесь — обратное тому, чего жаждет душа: отгороженность от большого мира, убогость обстановки, однообразие впечатлений, скудность красок. Облик дома, как зеркало, отражает неустроенность и неудачливость его хозяина:

В дом вошел я, как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор,
Стол поставил и дверь притворил спозаранку,
Очутился в коробке, открытой во двор ¹.

Не идеализируя лирического героя, поэт в то же время показывает его человеком, который не смирился со своим положением. Задыхаясь и изнемогая в доме-коробке, как в тюрьме, он выражает стремление вырваться отсюда. В искверканности судьбы герой Тарковского обвиняет самого себя.

Представление о характере этой вины конкретизирует стихотворение-исповедь «25 июня 1939». Оно состоит из двух частей. Первая воссоздает атмосферу, в которой прошла молодость героя, отданная наслаждению жизнью, упоению ее щедростью и красотой. Здесь господствует настроенное праздничности, приподнятости, эмоциональной взволнованности. Оно передает одухотворенно-романтическое мироощущение лирического героя, безмятежно-оптимистическое состояние его духа.

Вторая часть — контрастно противоположна первой. Из произведения исчезает яркая цветовая гамма, уходят приметы, поэтизирующие пленительную прелесть мира. Лирический герой показан в опустевшем доме наедине со своими мыслями. Как бы в далеком прошлом оказывается переполнявшее его душу чувство безмятежного ликования, и все сильнее ощущается тревога о том, что главная цель жизни — творческая высота — остается недостигнутой. Нарастая к финалу, эта тревога выливается в двукратно повторенное и выделенное курсивом самообвинение: *«Что сделал я с высокою судьбою, // О боже мой, что сделал я с собою!»* Вина лирического героя как будто не так уж велика: он отнеслся к жизни, как к пиру, на который человек призван наслаждаться. Но раз такая жизнь не приблизила к искомой цели, герой Тарковского считает молодость растраченной напрасно.

Все отчетливее звучит в произведениях художника мотив неудовлетворенности собой, невозможности примириться с собственным несовершенством и невоплощенностью. Самообвинение переходит в самоотрицание: «И веки пальцами я раздираю дико, // И тело хочет жить, и разве это — я?»

Отказываясь узнать свое «я» в «не-я», герой Тарковского начинает искать себя истинного, т. е. такого, каким хотел бы быть в идеале. В аллегорическом плане процесс этих поисков раскрывает стихотворение «Стань самим собой»:

Ты вывернешься наизнанку,
Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешаешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны.

И все и всех найдешь в порядке.
А ты — как ряженный на святки —
Играешь в прятки сам с собой,
С твоим искусством и судьбой.

Путь духовного самопознания и развития представлен в произведении в виде развернутых метафорических картин, историко-литературных ана-

логий, нравственно-философских размышлений. Прояснению облика лирического героя способствует его сопоставление с Гамлетом, осуществившим выбор в пользу борьбы со злом ценой нравственной победы над собой. Однако герой стихотворения напоминает себе Гамлета, еще не принявшего окончательное решение, раздумывающего, колеблющегося. Он стоит перед необходимостью вступить в борьбу с самим собой, освободиться от собственных слабостей и иллюзий, приобрести новые духовные и нравственные качества. Тарковский не скрывает того, что это дается с мучительным трудом. И все же жажда совершенства, обновления мыслей, настроений взамен приевшихся — побеждает.

Этапы развития лирического «я», стремящегося к нравственному и творческому самоусовершенствованию, становятся основным «сюжетом» поэзии Тарковского. Содержание его внутренней жизни начинает определять ежедневный, черновой, не рассчитанный на награду или успех труд над собой («Я долго добивался», «Ночная работа», «Кузнец», «Деревья»). Каждый шаг вперед требует колоссального напряжения всех душевных сил, сопровождается сомнениями в необходимости отказа от всех благ бытия, молчаливого, никому не известного самопожертвования. Но эта напряженная внутренняя работа оказывается не напрасной: происходит постепенное укрупнение масштабов личности лирического героя, меняются его мироощущение и отношение к жизни. Особенно зримо диалектика совершающихся с ним перемен отражена в стихотворении «Только грядущее». Процесс «увеличения души» героя соотносится здесь со строительством большого города, очертания которого раздвигают внутренний мир человека, ранее суженный пределами одной комнаты:

Я собственной томился теснотой,
Хотя и раздвигался, будто город,
И слободами громоздился.

Я
Мост перекинул через речку.
Мне
Рабочих не хватало. Мы пылили
Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей срывали.

И во многих других произведениях Тарковского его лирическое «я» предстает в процессе перестройки, перековки, безостановочного роста и движения вперед. Путь самоусовершенствования, по представлениям поэта, бесконечен, а духовные потребности личности — беспредельны.

Важнейшим условием расширения масштабов внутреннего мира лирического героя становится его приобщение к нетленным ценностям общечеловеческой культуры: философии, литературы, искусства. Осознавая себя полноправным наследником духовных богатств человечества, он впитывает их в себя как лично ему принадлежащее достояние, в подвижнической жизни их создателей видит норму собственного существования. Лирический герой Тарковского испытывает благоговение перед теми, кто при жизни был палим духовной жаждой, шел трудными, неизведанными дорогами, прокладывая путь потомкам. Кровную близость людям, деятельность каждого из которых составила эпоху в развитии человечества, Тарковский раскрывает в стихотворениях «Вы, жившие на свете для меня», «Феофан Грек», «Загадал головоломку», «Григорий Сковорода», «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог» и других. В некоторых случаях лирическое «я» поэта становится как бы «двойником» великого человека. Так, в стихотворении «Сократ» сквозь призму личности героя отчетливо проступает сам автор с устоявшимися в его сознании этико-философскими представлениями, нравственными законами.

Монолог Сократа начинается с определений со знаком минус. Он противопоставляет себя как людям, видящим силу и счастье в обладании властью, почестями, богатством, так и — униженным, бессловесным, бесправным рабам. Обе эти формы социального неравенства и нравственного уродства неприемлемы для героя. В противовес им выдвигается идеал свободного, гуманного, просвещенного человека, душа которого открыта всему возвышенному и прекрасному. В равной мере герою и автору принадлежат слова: «Я плоть от вашей плоти, высота // Всех гор земных и глубина морская,» — отражающие ориентированность на поднебесные высоты и бездонные глубины бытия.

В стихотворение вторгается один из ключевых для лирики Тарковского мотивов: осознанного, целеустремленного самосозидания личности по меркам людей будущего, к которым художник относит титанов человеческого духа всех времен и народов. Обретая бессмертие, они становятся неотъемлемой частью грядущего, вечными современниками человечества. Вот почему в представлении поэта прошлое, настоящее и будущее духовно неразделимы.

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль
над степью;
Бурьян чадил, кузнечик баловал,
Подковы трогал усом и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах,—

пишет Тарковский в стихотворении «Жизнь, жизнь». Герой этого произведения дан как персонифицированное воплощение связи всех поколений, их грандиозных усилий по преобразению мира, неустанному движению вперед, в будущее. Не случайно лирическое «я» поэта как бы непроизвольно переходит в «мы», отождествляя себя с теми, кто приближает грядущее. Герой произведения убежден в своей неотделимости от будущих веков, куда придет и грандиозными делами своими, и живой пульсацией крови в жилах потомков. Это будет его бессмертием, торжеством над временем, оправданием всей жизни,— утверждает художник.

Все более укрупняясь, лирическое «я» Тарковского начинает выступать олицетворением всего человечества. Как могучий титан, ногами упирающийся в Землю, головой достигающий звезд, показан герой стихотворения «Посредине мира». Своей мыслью он объемлет мега- и микромир, дерзает найти связующие начала минувших и будущих времен:

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост—
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Герой произведения — мыслитель и творец, стремящийся проникнуть в тайну жизни и смерти, сделать мир более совершенным. Он стоит вровень с грандиозными вселенскими явлениями, оперирует глобальными философскими и историческими категориями.

Когда-то лирический герой поэта задышался в доме-коробке. Теперь пространственно-временное измерение, в котором протекает его бытие, — безгранично. Эту перемену наиболее отчетливо отражают философские произведения художника («Жизнь, жизнь», «Посредине мира», «Орбита», «И это снилось мне, и это снится мне» и другие). Человек в системе мироздания, жизнь и смерть, смерть и бессмертие — вот круг проблем, решаемых их героем. Он предстает перед читателем во весь духовный рост, поражая мощью интеллектуальной энергии, напряженным биением мысли и сердца. Масштабность личности, соотнесенной «со всей беспредельностью Природы и Истории»², роднит героя философской лирики Тарковского с лирическим героем Тютчева. Правда, поэзия Тарковского менее богата оттенками душевных переживаний, зато путь движения лирического «я» к вершинам человеческого духа получил в ней законченное художественное отображение.

В творчестве Тарковского плодотворно преломилась идея самоусовершенствования и самосозидания личности. Не исчерпывая всего многообразия поэзии художника, она явилась той путеводной звездой, которая указала дорогу к духовной высоте, нравственной бескомпромиссности, творческой неуспокоенности, в конечном счете, к самому себе — истинному.

¹ Произведения А. Тарковского цитируются по сб.: Вестник.— М., 1969; Стихотворения.— М., 1974; Зимний день.— М., 1980.

² Поэты тютчевской плеяды.— М., 1982, с. 12.

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРА В ПОЭМЕ С. НАРОВЧАТОВА «ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ»

Непреодолимый интерес к отечественной истории, стремление по-новому воплотить «художественно нераскрытое в полную силу» натолкнули Сергея Наровчатова на мысль обратиться к новгородским былинам о Василии Буслаеве.

Новгородчина органично вошла в личную и творческую судьбу поэта. Здесь, на Волховском фронте, он впервые ощутил неразрывную связь собственного бытия со многими поколениями русских ратников, громивших чужеземцев. Его фронтовая лирика обогатилась образами и ассоциациями, навеянными национальной историей и древнерусской литературой. К героическому прошлому Родины поэт продолжает обращаться и в послевоенные годы. Так появляются стихотворения «Сказка» и «Иван-город», талантливые этюды к большому историческому полотну — поэме «Василий Буслаев».

Новгородский удалец привлек внимание Наровчатова яркой своеобычностью. Безбожник и бунтарь, он устраивает жестокий кулачный бой на улицах родного города и побивает «новгородских мужиков»; отправляясь на «покаяние» в Иерусалим, бражничает с морскими разбойниками; грустит над вещами предсказаниями мертвой головы, совершает неслыханное «святотатство» — купается, подобно Христу, нагим в библейской Иордань-реке и, наконец, погибает, пытаясь перескочить камень с запретительной надписью.

В безрассудных и на первый взгляд случайных «подвигах» новгородца С. Наровчатова сумел разглядеть не только отражение реально существовавших социально-бытовых конфликтов далекой нам эпохи, но и поиски человеком предела дозволенного. Отрицание Василием очередного земного или «небесного» авторитета поднимает его всякий раз на новую духовную высоту и одновременно приближает к заранее предопределенной гибели. В былинах «буслаевского цикла» зеркально отразились кричащие противоречия средневекового мировоззрения, когда еще не до конца осознанный, но могучий порыв к освобождению от религиозных и феодальных пут сочетался со страхом «неотвратимой кары» за этот порыв, когда бесстрашная человеческая мысль возносилась под облака, а колени привычно пригибались к земле.

Итак, для человека русского средневековья последняя черта, та роковая грань, безнаказанно переступить которую не дано никому, — это вызов судьбе и «высшим» силам. А каков же этот предел для современного сознания, для людей, стоящих на пороге третьего тысячелетия? На этот вопрос призвана была ответить поэма-притча С. Наровчатова: «Я вот недавно забрался в XII век, написал поэму о Василии Буслаеве... Общество и человек — вот идея этой поэмы, исторической по материалу, но современной по своим задачам»¹.

Бережно сохраняя поэтический дух новгородских сказаний, С. Наровчатов в соответствии со своим замыслом смело трансформирует былинный сюжет: в поэме Васье сходят с рук все его дерзости и кощунства. Конфликт разрешается в иной плоскости, где герою противостоят уже не бесплотные потусторонние силы, а могучий богатырь — вечевого (или, как говорили тогда в Новгороде, «вечный») Колокол, олицетворение новгородской государственности, «людского закона».

В поэме С. Наровчатова в отличие от народного эпоса, где «за кадром», как правило, остается психологическая мотивировка поступков, вскрываются истоки Васькиного «нигилизма». Буслаев — плоть от плоти независимого, вольнолюбивого Новгорода. И хотя он «вежеству с малых лет учен», основное образование, видимо, получил на улицах родного города. Здесь «збякий гость из Индии» ведет торг с «надменным Альбионом», а «правовверные» арабы, «христолюбивые» крестоносцы, иудеи и пьяные попы легко расстаются с «непокупным добром» — религиозными святынями. Терпимость (правда, до определенных пределов) присуща и «отцам города» («Ну, а Новгороду, что до Васькиных дел? // Был бы смел, да умел, да во всем успел»). И возмущены они не столько его «подвигами», сколько тем,

...что старцам градским из далеких сторон
Дорогих даров не сылал в поклон,
Божьей церкви не слал он десятую часть,
И земную забыл он и вышнюю власть! ²

Буслаев — принципиальный противник всякой власти, того, от века установленного порядка, при котором «всяк сверчок знай свой шесток». Главный же враг Василия бестелесен и многолик, его не одолеть в чистом поле, в честном бою, потому что он сидит в каждом, может даже в самом богатыре. Враг этот — рабская приниженность, трусость, корысть, эгоизм. В этой связи трудно согласиться с мнением критика Г. Червяченко, полагающего, что «Буслаев хочет свободы только для себя»³. У Наровчатова Васяка давно пользуется полной свободой: «Как хочу, так живу, так и кончу свой век». Но «максималисту» Буслаеву этого мало, ведь его задача — полное (и причем немедленное!) освобождение всех.

Ключевой эпизод поэмы — столкновение богатыря с Колоколом — знаменует его последнюю попытку уничтожить еще одного идола толпы. Первый идол — страх «божьего суда» (вспомним Васькино купание в Иордане, презрительный плевок в сторону «пустой» головы). Второй идол — власть денег (в поэме «богатый гость» Буслаев раздает все накопленные богатства). Но щедрыми дарами не насытить людскую алчность, озорством и богохульством не осилить суеверного страха. И в бессильном иступлении Васяка бросает вызов третьему идолу — Колоколу, и в его лице самому Господину Великому Новгороду: «Великий Новгород кличу на бой! // Испытать судьбу, потрянуть судьбой!»

Введение в поэму образа Колокола в качестве противовеса безудержному буслаевскому своеволию — большая творческая удача художника. Для любящего народ вообще и конкретно не дорожащего ничем Буслаева Колокол — лишь «первый страж» ненавистного ему порядка. А для новгородцев — это общегородская святыня, символ народного веча:

Здесь порой прощенья у голи
Просит набольший и богатый
Вековой новгородской воли
Грозный колокол громкий глашатай (с. 422).

Столкновение Василия с Новгородом описывается в поэме при помощи устойчивых оборотов, идущих непосредственно от былинной традиции («Как рукой махнет — станет улица; // Двинет пальцем одним — переулочек»). Но параллелизм словесных формулировок здесь лишь подчеркивает неоправданную жестокость затеянной Буслаевым драки. «Напрасное горенье, // Напрасное боренье», — врывается в поэтическую ткань произведения авторский голос, предвосхищающий трагическую развязку.

Как силен и красноречив Буслаев в роли обличителя и ниспровергателя «устоев и основ», так неубедительна и по-детски беспомощна его «положительная программа». Нет в Васькиных призывах внутреннего стержня — ясно осознанной, великой цели, а «без гвоздя и доска не держится», поэтому и обречен анархистский буслаевский бунт на поражение. Так в историческую поэму о событиях многовековой давности входит островеременная мысль о бесперспективности индивидуалистического протеста, внутренней пустоте «архиреволюционных» идей и непреходящей ценности национальных святынь.

Судьба героя предрешена, но в соответствии с традициями народного эпоса, что в поэме вполне согласуется с логикой развития характера, богатырь дойдет «в роковом решении» до конца: «Свою смерть он хочет настигнуть, // Через колокол перепрыгнуть» (с. 444). В эту минуту от него отрекаются не знающие страха ушкуйники, беззаветно любящая его Ксения. Душевная слепота поразила богатыря, поэтому и во зоре у него не свет, а тьма. Могильным мраком наливаются некогда синие глаза: «В глазах у Буслаева смертная тьма». «Поднимает Вася черно-голубые // Глаза живые и уже неживые». «В глазах у него темная ночь».

Выросший из коротких штанишек своей эпохи Буслаев Наровчатова всеми помыслами устремлен в будущее и оттого так трагически одинок в своем времени. «Слишком многое ему было дано», — скажут о Василии народные певцы. Василий Буслаев — это одновременно и белая ворона среди власть имущих, и вольный сокол в ватаге ушкуйников, и первая ласточка грядущих социальных катаклизмов. Это поистине национальный тип, нашедший жизненное воплощение не в одном десятке волжских атаманов,

в сибирских землепроходцах и лихих запорожцах. Есть буслаевские черты и в русских характерах такого масштаба, как Ермак и Степан Разин: «А с врагами речь: — Я иду на вы! // А с друзьями речь: — Только я да вы!»

С. Наровчатов продолжал работу над поэмой и после опубликования ее первого варианта. В Никоновской летописи он нашел запись о том, что в 1171 году «преставился в Новгороде посадник Васка Буславич»⁴. И хотя большинство ученых-фольклористов скептически оценивают возможность реального существования такого посадника, летописное упоминание о знаменитом новгородце стало мощным импульсом для переосмысления Наровчатовым его образа. В новой поэме сказание о дерзких подвигах удальца Васьки превратилось в песню «калик перехожих». Они поют ее живому и здоровому, но уже постаревшему Василию Буслаеву, ставшему новгородским посадником. Доработка поэмы, по мнению автора, дала ему «возможность показать характер героя в развитии». Думается, однако, что в поэме все же нет развития характера Буслаева (в привычном понимании), а есть скачок в новое качество, неожиданный, смелый поворот известной темы. И дело, наверное, не только в том, что «Молодости — буйство, // Молодости — удаль, // Молодости — воля. // Старости — власть».

У предводителя ушкуйников и главного администратора Новгорода общее только имя. Разнятся они и в главном (разрушитель «устоев и основ» и опора древнего порядка, непримиримый богоборец и «сокрушитель отступников и еретиков»), и в «мелочах». Васька — безрассуден и горяч, ни в грош не ставит кровные узы, легко раздает все, что имеет. Посадник — расчетливый политик, восседающий «посреди родни своей многоликой», его дом — скопище даров.

И все же не государственную мудрость убежденного сединой посадника славят в поэме песенники. Посадник — «камень», за ним — сила традиции, вчерашний день, а дерзкий Васька — поэтическая мечта, «прыжок» в день завтрашний. Н. Г. Чернышевский с горечью писал о соотечественниках: «Нация рабов. С низу до верху — все рабы». Но жила в народе былина о Василии Буслаеве, который не верил «ни в сон, ни в чох», отвергал библейские заповеди, утверждал свободу личности и право человека на земное счастье. «И тут Василию славы поют, // И во веки тая слава не минует», — говорится в одной из новгородских былин. Эта глубоко пережитая, отшлифованная веками народная мысль нашла достойное художественное воплощение в талантливой поэме С. Наровчатова.

¹ Наровчатов С. С. Атлантида рядом с тобой. — М., 1972, с. 340.

² Наровчатов С. С. Избранное: Стихотворения и поэмы. — М., 1980, с. 418. Далее ссылки на это издание даны в тексте статьи.

³ Червяченко Г. А. Поэма в советской литературе. — Ростов н/Д., 1978, с. 74.

⁴ ПСРЛ, т. 9, с. 247.

И. В. ШАБЛОВСКАЯ

АВТОР. ИСТОРИЯ. РОМАН

(«Похождения braveго солдата Швейка» Я. Гашека)

Судьбы писателей складываются по-разному — одним слава сопутствует чуть ли не с первых шагов в литературе, других она находит только после смерти. Ярослав Гашек был широко популярен при жизни как журналист, автор злых фельетонов и смешных юморесок, которые регулярно появлялись в периодической печати уже с 1901 года. Однако тогда источником популярности, в меру скандальной, была прежде всего яркая индивидуальность Гашека, незаурядная личность «взрослого младенца», сыпавшего анекдотами, наделенного даром перевоплощения, мистификации, развлекавшего и забавлявшего публику, а... между делом, легко, чаще всего без черновика, создававшего превосходные маленькие фарсы, отточенные по форме и глубокие по мысли.

Немногие, как писатель И. Ольбрахт и критик М. Брод, уже тогда видели в Гашеке большого писателя. Элитарная литературная критика хранила молчание, а когда стал выходить роман о Швейке, вся буржуазная пресса ополчилась и против автора, и против его героя. Газеты отказались печатать первую книгу «Похождений braveго солдата Швейка во время мировой войны», назвав ее аморальной. Когда в 1922 году вышло четыре

издания первого и три второго томов романа, когда его популярность у широкого читателя стала очевидной, официальная критика с упорством неизвестных дам «из Союза дворянок по религиозному воспитанию нижних чинов» развернула войну против Швейка.

Сохранился официальный документ, составленный после смерти Гашека и подписанный издателем Шольцем и адвокатом Червинкой, в котором высказано почти категорическое утверждение, что роман о Швейке уже через десять лет будет неинтересен новому поколению и вряд ли вообще найдутся на него читатели. Что это? Некомпетентность? Или еще одно доказательство того, что большое видится на расстоянии, и оценка шедевра практически не под силу современникам?

Роман вызвал интерес за рубежом, первый его перевод — на немецкий — был осуществлен в 1926 году, инсценирован в Берлине Э. Пискатором, высоко оценен Б. Брехтом и К. Тухольским. В том же году Швейк «заговорил» по-русски, а затем — на многих языках народов СССР. В 1931 — 1932 годах в Белоруссии изданы четыре книги романа в переводах М. Зарецкого, К. Крапивы, М. Лужанина, К. Вашина, а также продолжение, написанное фельетонистом «Руде право» К. Ванеком, переведенное Т. Кляшторным, З. Астапенко, К. Чорным.

О Гашеке написано много: статьи, монографии на разных языках, мемуарная литература. Его произведения все чаще исследуются в контексте европейской и мировой литературы, в сопоставлениях с комическими эпопеями Рабле и Сервантеса, революционной сатирой XX века. Интересные наблюдения сделаны советскими учеными С. В. Никольским, предпринявшим попытку реконструкции замысла романа Гашека, О. Малевичем, И. А. Бернштейн.

Гашек не дожил и до сорока лет, не окончил свою большую книгу, над которой работал в последние два года жизни, после возвращения на родину из Советской России. В условиях обострившейся болезни, материальной нужды, ожесточенной травли «красного комиссара» в буржуазной Чехословакии создавалась одна из самых веселых книг, книга о бравом солдате Швейке, с неистребимой улыбкой несшем на своих плечах груз мировой бойни, книга, которой было суждено бессмертие.

Как и другие великие писатели, Гашек — прежде всего выразитель национального гения. В большей степени, чем другие, он воплотил народный тип. Стихия народного юмора и смеха, победного даже в поражении, которая покоряет в книгах Гашека, словно эхо, вторит гулу многочисленных кабачков и пивных, где бывал писатель, где он изучал характеры и нередко тут же придумывал бесхитростные истории. «Во всех этих анекдотах и рассказах, — пишет известный чешский литературовед, автор ряда книг о Гашеке, Радко Пытлик, — отражается важная черта чешского национального характера: юмор. Склонность к юмористической самоиронии явилась следствием трех столетий иноземного господства и огромной дистанции между реальным бытием народа и великодержавной политической практикой. Юмор помогает маленькому человеку сохранить оптимизм и веру в себя даже в кризисных, безвыходных ситуациях»¹.

Нельзя не согласиться с Р. Пытликом, утверждающим далее, что и для самого Гашека юмор, чем далее, тем более становится не только средством нападения, но и защиты. Не сразу разглядишь в авторе Швейка поэта, проявившего себя в юморе, романтика, всегда остававшегося в гуще реальности нелепой, изжившей себя монархии Австро-Венгрии. В форме игровой клоунады и несерьезно, на первый взгляд, говорилось о самом важном, кристаллизовалось «анонимное, оппозиционное общественное мнение», выражалась мечта, о которой нельзя было говорить открыто. Гашек — поэт, Гашек — романтик, Гашек — очень серьезный писатель.

Многие, кто писал о нем, приходили к выводу, что определяющим в характере писателя были доброта и открытость. Чешский писатель Эдуард Басс сказал: «В Гашеке было два человека — один валял дурака, другой за этим наблюдал. Этот второй Гашек, лицо которого мало кто видел, открыв ничтожность жизни людской, ужаснулся и попытался скрыть ее, заглушить, обойти и обмануть шутками, которые позволял себе тот, первый, Гашек»². Двоичен по сути герой Гашека, бравый солдат Швейк, не спешивший умножать славу австрийского могущества и всячески уклонявшийся от передовой, мудрец, надевший шутовской колпак. Народность, комизм, неприятие фальши — эти черты переданы ему писателем. Много в романе

объяснимо биографией автора, его личностью, но далеко не так много, как может показаться с первого взгляда.

Автор и его герой редко бывают так похожи, но редко это сходство бывает столь обманчиво. Ясно, что Швейк — только одна ипостась автора, которую дополняет вольноопределяющийся Марек, студент классической философии, также прославившийся открытиями на ниве редактирования журнала «Мир животных». Если героя достаточно надежно защищала броня юмора, нередко принимаемого за идиотизм, то автор был уязвим.

Гашек, который мог сказать словами Джона Рида, что «видел рождение нового мира», не успел провести героя и через половину своего пути. Сам же факт рождения нового мира стал определяющим в образе Швейка. Он появился в рассказах Гашека в 1911 году, но только в романе стихийное сопротивление Швейка соединилось с оптимизмом и революционной перспективой.

Чехия наделила Гашека талантом, Австро-Венгрия дала ему вопиющие противоречия как сатирические сюжеты, в России к писателю пришло «второе дыхание», окрылившее его идеей Всемирной Коммуны. Ярослав Гашек провел в нашей стране пять лет, сначала как военнопленный царской России, потом — боец Красной Армии, политкомиссар и партийный журналист, прошедший с Пятой Армией дорогами Поволжья и Сибири. Он проявил энергию и самоотверженность, будучи совершенно незаменимым на пропагандистско-агитационной работе. Здесь он навсегда поверил в пролетарскую революцию и продолжал верить и тогда, когда готовый служить ей вернулся на родину в сложное для пролетарской борьбы в Чехии время. Ему оставалось жить всего два года, трудных, если не самых трудных, в жизни. Но в идеи, выстраданные в России, он верил свято. Как прозорлива была эта его вера, показали последующие десятилетия торжества пролетарской революции.

Не будет преувеличением утверждать, что Швейк, каким он получился в романе, — образ, ставший возможным только после победы социалистической революции. К пафосу отрицания первых рассказов о Швейке здесь присоединяется утверждение. Утверждается не только активная жизненная позиция, направленная на гуманное и разумное преобразование мира, но и вполне определенный, свершившийся результат борьбы. При всем при том Швейк — совершенно неревolutionный тип. Он напоминает героя классической литературы XIX века, «маленького человека». С ним его роднит социальное положение, но не отношение к миру.

Первый в литературной критике анализ романа Гашека с марксистских позиций, научный и по многим аспектам исчерпывающий, был сделан Юлиусом Фучиком в статьях двадцатых годов. В статье «Война со Швейком» (1928), полемизируя с апологетами чешского буржуазного национализма, он утверждает, что Швейк — «это тип международный, тип солдата всех империалистических армий». Далее Фучик доказывает, что этот герой представляет фактически всю свою эпоху: «В современный период империалистических войн, последних колоссальных предприятий капиталистического мира таким типом является солдат, представитель индифферентной массы, не высвободившийся от мещанской идеологии, несущий всю тяжесть этих войн и решающий их исход. Я говорю прямо: решающий, ибо тип Швейка обладает искусством добиться поражения для тех, кто пошлет его в бой. И он добивается поражения не уклонением, а последовательным исполнением полученных им приказов»³.

«Эта книга представляет собой историческую картину определенной эпохи», — сказано в послесловии к первой части романа. Тем самым автор предостерегает от возможного прочтения его книги как собрания анекдотов. Перед нами, однако, менее всего историческая проза, хотя в основе главных ассоциаций — конфликт исторический. Перед нами и не хроника, хотя события в ней достоверные. И уж, конечно, не «легкое чтение», а достаточно сложное, предполагающее работу ума. Пример Гашека еще раз напоминает об известной истине — по-настоящему большое искусство не заигрывает с аудиторией, верное правде, оно с доверием и уважением относится к читателю своей страны, своего времени, тем самым получая возможность обращаться к читателям всех времен и народов.

Развивая традиционную для чешской литературы форму бытового шуточного повествования, Гашек превращает анекдот, лежащий в ее основе, в своеобразный символ определенного состояния общественной жизни. Полный крах системы угнетения и насилия, породившей под занавес дутый чи-

новниче-бюрократический аппарат, который тем окончательнее все запутывает, чем интенсивнее работает. Нарушение и разрушение очевидной целесообразности становится необратимым последствием всякой деятельности, направленной на исполнение приказов, инструкций имперского правительства и генерального штаба. Именно это, как подчеркивал Ю. Фучик, и делает Швейк. Выполняя предписания, пытаюсь найти в них хотя бы малую толику смысла, он становится довольно ощутимым камешком в механизме империи. Не зря на вопрос солдата, конвоировавшего Швейка к фельдкурату, не политический ли он, тот отвечает: «Политический, даже очень». Внутреннее неприятие всей системы при внешнем конформизме — его политическая позиция.

Абсурд, а не логика царит во всем. Абсурд — доминирующий художественный прием, «работающий» на разных пластах художественной структуры романа. Гашек современен и в этом, ибо компоненты, создающие эффект абсурда, широко распространены в новейшей литературе. Нагнетание алогичного, постоянное нарушение смысла, абракадабра, все это у Гашека — своеобразное кодирование мысли. «А я думаю, как это здорово, когда тебя проткнут штыком! — сказал Швейк. — Неплохо еще получить пулю в брюхо, а еще лучше, когда человека разрывает снаряд и он видит, что его ноги вместе с животом оказываются на некотором расстоянии от него. И так ему странно, что он от удивления помирает раньше, чем это ему успевают разъяснить»⁴. Это шифр логики или своеобразная форма ее проявления «от противного».

Виртуозно владея ремеслом комедиографа, Гашек применял в романе приемы пародии, фарса, бурлеска, гротеска. Сочетание несочетаемого, тот же классический парадокс, используется Гашеком на свой манер не столько как игра слова и смысла, сколько как игра положений и ситуаций. «Высокое» и «низкое», великое и ничтожное — дистанция между ними иногда менее шага, так коротка, что трудно понять, что есть что. «Убили, значит, Фердинанда-то нашего» — слышит Швейк от служанки и тут же пускается в предположения, перебирая в памяти всех ему известных Фердинандов, один из которых выпил бутылку жидкости для ращения волос, другой собирал собачье дерьмо. А в подтексте — эрцгерцог Фердинанд, волею случая ставший фигурой в истории. В другом месте автор просит читателя не судить Швейка слишком строго: «Если события развернулись не совсем так, как он излагал «У чаши», то мы должны иметь в виду, что Швейк не получил нужного дипломатического образования» (с. 37).

Гашек превосходно пародирует как отдельные жанры (историческая ода, высокопарная заметка в ура-патриотической газете, религиозная проповедь), так и целую эпоху. Ю. Тынянов писал, что в пародии обязательна неувязка обоих планов и что «пародией трагедии будет комедия... пародией комедии может быть трагедия»⁵.

Нет деления на возвышенное и низменное, героическое и повседневное, нет священного трепета при словах «император», «патриот», «отечество». Все привычные святыни доведены до абсурда, и лишь в нем ищет последнее прибежище рвущаяся к независимости мысль. Буржуазная критика нашла в этом повод, чтобы обвинить писателя в кощунстве, отсутствии всего святого. Еще одно поверхностное и нелогичное суждение. Не будь святыни, художник мог бы найти в себе силы, чтобы творить, как, скажем, это делал Кафка. Но для того, чтобы бороться своим творчеством, как Гашек, нужно не просто любить человека, но и верить в него. Другое дело, что всякая попытка пересмотреть сложившийся канон выглядит на первых порах кощунственным нарушением привычного, кажущегося единственно возможным.

Подобно мумифицированным останкам, рассыпающимся в прах, едва коснется их свет и воздух, святыни буржуазной империи не выдерживают простодушия Швейка. Смех, вызванный им, становится сокрушительным и торжествующим. Автор, наблюдающий, участвующий, комментирующий, автор-повествователь, его судьба, эпоха, персонаж — все это сплавляется в единую точку зрения, особую точку зрения Гашека на мировую войну.

¹ Пытлик Р. Гашек: Документальное повествование. — М., 1977, с. 113.

² Цит. по кн.: Pytlik R. Jaroslav Hašek. — Praga, 1962, s. 9.

³ Фучик Ю. Избранное. — М., 1973, с. 63.

⁴ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. — М., 1967, с. 154. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы в скобках.

⁵ Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977, с. 201.

Мовознаўства

М. З. МІХЕЙ

ДА ПЫТАННЯ АБ СІНТАКСІЧНАЙ СУВЯЗІ ГАЛОУНЫХ ЧЛЕНАУ ДВУХСАСТАУНАГА СКАЗА

Сінтаксічную сувязь галоўных членаў двухсастаўнага сказа традыцыйна разглядаюць як дапасаванне выказніка да дзейніка ў ліку, родзе, склоне і асобе. Такое разуменне граматычных узаемаадносін дзейніка і выказніка знаходзім у сучасных падручніках і дапаможніках для школ і вышэйшых навучальных устаноў, у навуковых працах. Дапасаванне як від сінтаксічнай сувязі ўстанаўліваецца паміж словамі бінарнага словазлучэння, патрабуючы прыпадабнення граматычных формаў залежнага слова да граматычных формаў галоўнага слова. Дапасоўвацца могуць толькі такія словы, якія не маюць сваёй пастаяннай граматычнай формы: прыметнікі, дзеепрыметнікі, парадкавыя лічэбнікі, непрадметныя займеннікі. Іх форма ліку, роду, склону залежыць ад адпаведных формаў назоўнікаў (*зялёная трава, зялёны луг, зялёнае поле, зялёныя лугі, зялёных лугоў, зялёным лугам* і г. д.). У сказе, як вядома, знаходзім усе тры віды сінтаксічнай сувязі слоў, што і ў словазлучэннях (дапасаванне, кіраванне, прымыканне), паколькі словазлучэнні вылучаюцца ў сказе. Разам з тым у параўнанні са словазлучэннем просты сказ з'яўляецца больш складанай сінтаксічнай адзінкай. І сувязь слоў у ім больш складаная і больш разнастайная, чым у словазлучэнні.

Шматлікія факты несупадзення дзейніка і выказніка ў формах ліку, роду і склону разбураюць традыцыйнае ўяўленне аб сувязі іх па спосабу дапасавання. Яўную адсутнасць дапасавання ў такіх, напрыклад, сказах: *Гэты абутак — вышэйшай якасці. Цудоўная пасада — быць на зямлі чалавекам* (М. Горкі). *Камсамольцы — народ няўрымслівы*, — лінгвісты тлумачылі часцей за ўсё як адступленне ад дапасавання. Былі прапанаваны нават новыя тэрміны: суадносная сувязь (А. Г. Руднеў), аслабленае, пераключанае кіраванне (А. М. Гвоздзеў), сазлучэнне (руск. сопряжение — Г. А. Золатава) і інш. Шырока бытуе кампрамісны тэрмін «няпоўнае дапасаванне». Так называюць сувязь дзейніка з выказнікам пры несупадзенні адной ці дзвюх граматычных формаў іх. Асабліва часта назіраецца ўжыванне ў розных склонах дзейніка і іменнай часткі састаўнага выказніка. Напрыклад: *На фінішы ён быў першым. Ён стаў настаўнікам*. Дзейнік і іменная частка састаўнага выказніка могуць не супадаць і ў формах роду і ліку. Напрыклад: *Дуб — дрэва цвёрдае. Усе члены брыгады — адзін дружны калектыў*. Факты несупадзення ў асобных граматычных формах дзейніка і выказніка ўжо насцярожваюць.

У лінгвістычнай літаратуры ўсё часцей выказваецца сцверджанне, што нельга атаясамліваць сінтаксічную сувязь дапасаванне, уласцівую словазлучэнням тыпу «ад'ектыўнае слова + назоўнік», і сувязь дзейніка з выказнікам. Аднак адарвацца ад традыцыйнага вучэння нялёгка. Не адмаўляючы дапасавання да дзейніка ў родзе і ліку ад'ектыўных слоў

у складзе выказніка, П. А. Лекант, між іншым, сцвярджае, што «склоная форма іменнай часткі не адчувае на сабе ўздзеяння склонавай формы дзейніка, не прыпадабняецца да яе (не «дапасоўваецца») і, значыць, не ўдзельнічае ў выражэнні граматычнай залежнасці выказніка ад дзейніка»¹. Сувязь дзейніка з выказнікам нярэдка называюць *каардынацыйнай*. «...Пры каардынацыйнай дзейніка і выказніка мае месца ўзаемнае суаднясенне формаў, з якіх ні адна не з'яўляецца ні пануючай, ні залежнай»². Аднак сутнасць гэтай сувязі зводзіцца да апісання ўсіх магчымых выпадкаў супадзення або несупадзення дзейніка і выказніка ў граматычных формах роду, ліку, склону, асобы ў залежнасці ад спосабу выражэння галоўных членаў, іх лексічнага значэння і ўзаемнага размяшчэння ў сказе. Некаторыя лінгвісты ў сувязі галоўных членаў бачаць спалучэнне дапасавання і кіравання³. Граматычныя формы асобы, ліку, а ў прошлым часе і роду дзеяслова-выказніка ці дзеясловай звязкі дыктуюцца назоўнікам (ці займеннікам), што выступае ў функцыі дзейніка. У сказе *Дрэва расце* асабовая форма дзеяслова абумоўлена назоўнікам-дзейнікам (Дрэвы растуць). У сказе *Вясна была ранняя* дзеясловай звязка мае форму адзіночнага ліку, жаночага роду, паколькі і назоўнік у функцыі дзейніка жаночага роду, у адзіночным ліку. Праўда, тут маем справу хутчэй усё ж такі не з дапасаваннем, а з суадноснасцю граматычных формаў дзейніка і выказніка, таму што бываюць выпадкі разыходжання або варыянтнасці ва ўжыванні названых формаў. Параўн.: *Прыйшоў* (і прыйшла) *доктар*. *Некалькі чалавек сядзела* (і сядзелі) *за сталом*. У сваю чаргу дзеяслова-выказнік (у тым ліку і дзеяслова-звязка) патрабуе ад назоўніка-дзейніка назоўнага склону. Гэта тлумачыцца лексіка-граматычнай прыродай дзеясловаў, іх спалучальнай валентнасцю. Атрымліваецца, што выказнік кіруе дзейнікам, патрабуючы ад яго, як і ад назоўнікаў-дапаўненняў, пэўнага (у нашым прыкладзе — назоўнага) склону. Такім чынам, дзейнік і выказнік залежыць адзін ад аднаго, іх граматычныя формы ўзаемаабумоўленыя. Невыпадкова таму сэнсавыя пытанні можна паставіць ад дзейніка да выказніка і наадварот. Напрыклад: *Прыйшоў сябра*. Сябра што зрабіў? — прыйшоў. Прыйшоў хто? — сябра.

Больш складаным з'яўляецца пытанне аб сувязі дзейніка з састаўным выказнікам. Як вядома, у састаўным выказніку граматычнае і лексічнае значэнні выражаюцца дыферэнцыравана. Граматычнае значэнне выказніка выражаецца дзеясловам-звязкай, а сувязь гэтага дзеяслова з дзейнікам аналагічная сувязі з дзейнікам поўназначальнага дзеяслова ў функцыі простага выказніка. Што датычыць іменнай часткі састаўнога выказніка, якая выражае асноўнае лексічнае яго значэнне, то яе сінтаксічныя адносіны і сувязі з іншымі элементамі прэдыкатыўнага ядра сказа больш складаныя і не заўсёды выступаюць на паверхню.

Назоўнік у функцыі іменнай часткі састаўнога выказніка не можа дапасоўвацца да назоўніка (ці займенніка), што выконвае ролю дзейніка, паколькі кожны назоўнік характарызуецца самастойнасцю граматычных катэгорый роду і ліку. Напрыклад: *Хата як звон*. *Сэрца не камень*. Шматлікія выпадкі супадзення ў родзе і ліку назоўнікаў, што выступаюць у ролі дзейніка і іменнай часткі састаўнога выказніка, з'яўляюцца не вынікам выбару такіх граматычных формаў, а выбару слова. У сказах *Сцяпан быў настаўнікам*; *Вера была настаўніцай* маем не дзве родавыя формы аднаго слова, а карэлятыўную пару слоў (*настаўнік*, *настаўніца*). Паралелізм граматычных формаў роду і ліку разгледжаных назоўнікаў можна растлумачыць тым, што яны «абазначаюць, хоць і ў розных аспектах, адны і тыя ж з'явы рэальнай рэчаіснасці»⁴. Такім чынам, гэтая з'ява наогул выходзіць за межы граматыкі.

Склоная ж форма назоўнікаў у складзе састаўнога выказніка вызначаецца дзеясловам-звязкай, як пры звычайным дзеясловым кіраванні. У сучаснай беларускай мове назоўнікі ў складзе састаўнога выказніка найчасцей ужываюцца ў назоўным і творным склонах, радзей у

іншых ускосных склонах. Напрыклад: *Ён камсамолец. Ён быў камсамолец* (камсамольцам). *Ён стаў камсамольцам. Ён быў за повара. Ён быў у шынялі. Ён з Палесся*. Пры назоўніку ў іменнай частцы можа быць граматычна залежнае ад яго атрыбутыўнае слова (прыметнік, дзеепрыметнік, парадкавы лічэбнік, непрадметны займеннік). Напрыклад: *Дуб — дрэва цвёрдае. Лес — наш сябра. Вясна ў поўным росквіце*. Гэтыя залежныя атрыбутыўныя словы не маюць сваёй пастаяннай граматычнай формы роду, ліку і склону і дапасоўваюцца да галоўнага слова, г. зн. назоўніка ў іменнай частцы састаўнога выказніка. Іх граматычныя формы, такім чынам, ні ў якой меры не залежаць ад назоўніка (ці іншага субстантыўнага слова) ў функцыі дзейніка.

Назоўнік у іменнай частцы састаўнога выказніка звычайна абазначае больш шырокае (родавае) паняцце, чым дзейнік (відавое паняцце). Таму яго бывае недастаткова для абазначэння прыметы дзейніка. Для гэтай мэты і выкарыстоўваюцца дапасаваныя да назоўніка атрыбутыўныя словы. Сам жа назоўнік у такой сінтаксічнай пазіцыі ў большай ці меншай меры аслабляе сваё матэрыяльнае (лексічнае) значэнне. Гэтае аслабленне лексічнага значэння назоўніка ў выказніку ўзнікае ў сказе як вынік пэўных сэнсавых суадносін яго з дзейнікам. Цэнтр лексічнага значэння выказніка перамяшчаецца ў такім разе на залежнае ад назоўніка азначальнае слова. У сказе *Дуб — дрэва цвёрдае* назоўнік *дрэва* не страціў поўнасцю свайго значэння, але для выражэння паведамлення яго недастаткова: мы не ставім мэту сцвярджаць, што дуб — гэта дрэва, а хочам указаць на якасць дуба (дуб вызначаецца цвёрдасцю). Яшчэ больш аслабляецца лексічнае значэнне назоўніка ў сказе *Ён чалавек добры*.

Нягледзячы на тое, што назоўнік у складзе іменнай часткі састаўнога выказніка семантычна «апустошаны», ён, як галоўнае слова, «з'яўляецца ў значнай меры фармалізаваным кампанентам, ф а р м а л ь н ы м п а с р э д н і к а м паміж дапасаваным словам (прыметнікам і інш.), якое мае матэрыяльнае значэнне прыметы, і звязкай, а тым самым ён пасрэднічае паміж дзейнікам і дапасаваным элементам іменнай часткі»⁵. Значыць, прымета, што прыпісваецца дзейніку, выражаецца словам (у нашых прыкладах *цвёрдае, добры*), якое ўступае ў сувязь з дзейнікам не непасрэдна, а па ланцужку, асобнымі звёнамі якога з'яўляюцца назоўнік іменнай часткі і дзеяслоў-звязка.

Дзеяслоў-звязка «быць» звычайна апускаецца, што з'яўляецца нормай для сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Гэты пропуск абумоўлены яе лексічнай непаўназначнасцю. Для выражэння лексічнага значэння выказніка яна непатрэбная. Аднак звязка патрэбна для выражэння граматычнага значэння выказніка — прэдыкатыўнасці. Будучы лексічна не выражанай, яна (т. зв. нулявая звязка) з'яўляецца паказчыкам граматычнага значэння часу (цяперашняга) і ладу (абвеснага). Параўн.: *Ён (яна) быў (была) чалавек добры. Ён (яна) чалавек добры*. Наяўная і нулявая звязкі ў гэтых прыкладах адну і тую ж прымету прыпісваюць дзейніку ў розным часавым плане. Змест жа выказвання не змяняецца. У структуры «дзейнік — дзеяслоў-звязка — назоўнік у якасці граматычна галоўнага слова іменнай часткі — дапасаванне да назоўніка атрыбутыўнае слова» можа апускацца не толькі дзеяслоў-звязка, але і назоўнік іменнай часткі. Напрыклад: *Дуб цвёрды. Ён добры. Яна добрая. Ён быў добры* (добрым).

На першы погляд, прыметнік (ці іншае атрыбутыўнае слова), што выступае ў ролі іменнай часткі састаўнога выказніка, дапасоўваецца да дзейніка. Так і разглядаецца гэтае пытанне многімі лінгвістамі. Выпадкі ж ужывання прыметніка ў іменнай частцы ў форме творнага склону расцэньваюцца як «няпоўнае дапасаванне» або як факт двайной граматычнай і сэнсавай сувязі, пры якой формы роду і ліку вызначаюцца выходзячы з дапасавання да назоўніка-дзейніка, а форма склону ўстанаўліваецца на аснове сувязі гэтага прыметніка з дзеясловам-звязкай⁶. І ўсё ж нельга пагадзіцца з тым, што прыметнік у выказніку дапасоў-

ваецца да назоўніка-дзеянікі, паколькі граматычная форма першага з'яўляецца цэласнай і залежыць не ад двух, а ад аднаго слова. Адным канчаткам *-ым* (добрым) выражаецца адначасова значэнне адзіночнага ліку, мужчынскага роду, творнага склону. Па-другое, прыметнік як лексіка-граматычны разрад слоў абазначае прымету пэўнай субстанцыі і без самой субстанцыі не можа існаваць. Таму прыметнік можа залежаць толькі ад назоўніка (ці іншага слова ў субстантыўным значэнні). Ад дзеяслова прыметнік не залежыць сэнсава і граматычна. Значыць, дзеяслоў-звязка не можа кіраваць прыметнікам у іменнай частцы састаўнога выказніка.

Такім чынам, склонавая форма прыметніка ў іменнай частцы састаўнога выказніка не абумоўлена ні назоўнікам-дзеянікам, ні дзеясловам-звязкай. Чым жа яна вызначаецца? Безумоўна, назоўнікам. Толькі назоўнікам лексічна не выражаным, «нулявым» (па аналогіі з «нулявой» звязкай). У структуры састаўнога выказніка абавязковымі элементамі з'яўляюцца дзеяслоўная звязка (лексічна выражаная або нулявая) і назоўнік, які мае свае пастаянныя граматычныя формы ліку і роду (Дуб — каштоўны матэрыял. Дуб — рэдкая парода. Дуб — дрэва цвёрдае). Калі ж гэты назоўнік лексічна не выражаны, яго сінтаксічная пазіцыя ўсё роўна захоўваецца. Але граматычныя значэнні роду і ліку такога нулявога назоўніка суадносяцца з адпаведнымі значэннямі, выражанымі ў дзейніку (Дуб каштоўны. Дуб у нас рэдкі. Дуб цвёрды). У многіх выпадках сінтаксічную пазіцыю назоўніка ў складзе іменнай часткі састаўнога выказніка немагчыма лексічна запоўніць. Напрыклад: *Ноч была халодная. Неба хмарнае. Вада ў рэчцы чыстая.*

Такая трактоўка структуры састаўнога выказніка і сінтаксічнай сувязі кампанентаў прэдыкатыўнай асновы простага сказа дасць магчымасць паўней выявіць спецыфічныя асаблівасці сінтаксічнай сувязі слоў у сказе ў параўнанні са словазлучэннем і можа быць улічана пры класіфікацыі выказнікаў.

¹ Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке.— М., 1976, с. 111.

² Русская грамматика. Т. II. Синтаксис.— М., 1980, с. 94.

³ Гл.: Белошাপкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис.— М., 1977, с. 36—38; Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке.— М., 1971, с. 76.

⁴ Скобликова Е. С. Цыт. работа, с. 214.

⁵ Лекант П. А. Цыт. работа, с. 127.

⁶ Скобликова Е. С. Цыт. работа, с. 43.

М. Р. ПРЫГОДЗІЧ

ШМАТАСНОЎНЫЯ КАМПАЗІТЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У сістэме кампазітаў (складаных слоў) сучасных усходнеславянскіх моў у апошнія дзесяцігоддзі прыкметнае месца пачынаюць займаць утварэнні, што ўзніклі ў выніку аб'яднання трох і больш асноў самастойных слоў. Шматасноўныя (шматкампанентныя) словы — з'ява старажытная. Трохасноўныя імёны (пераважна прыметнікі) сустракаюцца ўжо ў першых помніках пісьменнасці. Напрыклад, у «Супрасльскім рукапісе» (XI стагоддзе) ўжываецца складанае ўтварэнне *двоенадесятелуцьное слъньце*. Узнікненне шматасноўных лексем на ўсходнеславянскай глебе традыцыйна звязваецца з замацаваннем гэтага прыёму намінацыі ў стараславянскай мове, якая, у сваю чаргу, запазычыла яго з грэчаскай мовы. Указваецца таксама і на ўплыў нямецкай мовы¹. Аднак утварэнне новых слоў шляхам аб'яднання трох і больш асноў колькінебудзь значнага пашырэння на працягу XI—XVII стагоддзяў не атрымала. Ужываліся яны пераважна ў творах рэлігійнага зместу, у гістарычных аповесцях. Е. А. Ахамуш, напрыклад, адзначае ў мове рускіх гістарычных аповесцей XVI—XVII стагоддзяў 11 складанняў з трыма

асноўамі, сярод якіх *благодатноименный, великотезоименный, каменно-дельнооградный, многоблагодарственный, новокаменнозоданенъ* і інш.² Гэта тыповыя сродкі стылю «извития словес», які, як сцвярджае акад. Д. С. Ліхачоў, «даў велізарную колькасць новых спалучэнняў слоў, новых эпітэтаў, ...пашырыў эмацыянальную выразнасць мовы»³. Малалікасць шматкампанентных слоў у мінулым дала падставу многім даследчыкам гэты прыём лічыць нехарактарным і малаперспектыўным у словаўтваральнай сістэме рускай мовы. Аднак бурнае развіццё навукі і тэхнікі ў другой палавіне XIX — пачатку XX стагоддзя, з'яўленне новых галін навукі, механізацыя і аўтаматызацыя вытворчых працэсаў выклікалі сапраўдную хвалю росту складаных слоў з трыма і больш асноўамі.

Складаныя словы, утвораныя з трох і больш асноў, у помніках старажытнай беларускай пісьменнасці сустракаюцца рэдка. Намі выяўлена толькі некалькі такіх слоў: *Ясневельможный милостивы пан Троцки* («Допісы» Ф. Кміты-Чарнабыльскага), *с повинности моей православно-служебницей* («Дыярыуш» А. Філіповіча), *в преславновысокозацной ... славе* («Апостал», 1638 год), *отроковице бгоблагодатна* («Николая Чудотворца житие»). Найбольш часта ўжываецца слова *ясне(ясно)вельможный* — стандартызаваны этыкетны эпітэт пры звароту да высокапастаўленых свецкіх і духоўных асоб. Словы *преславновысокозацный, бгоблагодатна* можна лічыць аказіяналізмамі, утворанымі па кніжнаславянскіх мадэлях і ўведзенымі ў тэкст з пэўнымі стылістычнымі мэтамі; у іншых тэкстах яны не сустракаюцца.

Складаныя словы з трыма і больш асноўамі найбольш шырока пачынаюць выяўляцца ў тэкстах беларускай мовы XX стагоддзя, калі яна «пачала абслугоўваць моўныя запатрабаванні народа ў самых разнастайных сферах яго жыцця і дзейнасці, стала сродкам далучэння народных мас да актыўнага сацыялістычнага будаўніцтва, асветы, навукі і культуры»⁴. Утварэнне такіх слоў адбывалася пад непасрэдным уплывам рускай мовы, у якой на працягу XVIII—XIX стагоддзяў узніклі складанні тыпу *великодушно-гусарский, громкозвучнокопытый, литературно-научно-политический, размашисто-стыдливо-пустопорожний, сладкострастноубийственный* і т. п. Гэтыя словы выяўляюцца ў творах Радзішчава, Традзьякоўскага, Дзяржавіна, Жукоўскага, Салтыкова-Шчадрына; яны «ўжываліся як фігуральныя словы, створаныя па тыпу падобных нямецкіх або стараславянскіх»⁵. Некаторыя з іх маглі паслужыць узорам для стварэння новых лексічных адзінак. Неабходна адзначыць, што ў беларускай мове здаўна існавалі своеасаблівыя спалучэнні слоў тыпу *боты-саміскокі, конь-залатагрыўчык, курачка-златапёрка, меч-самасеч, сінічка-круглалічка* і інш. Другая частка (двухасноўнае складанне) ў такіх народна-паэтычных утварэннях выступае як мастацкае азначэнне да першай часткі. Такія структурна трохасноўныя аб'яднанні таксама маглі спрыяць працэсу ўтварэння шматасноўных слоў. Параўн., напрыклад, у творах беларускіх паэтаў: *З шумам бораў, ясакораў, Ой, гаю, ой, гаю, На жалейцы-дабрадзейцы Думку дум зайграю* (Я. Купала. На жалейцы). *Добрай раніцы ў полі шырокім Вятрам-добравеям* (М. Танк. Добрай раніцы). *Абняліся арлы-віхрагоны* (П. Трус. Юны змаганец).

У беларускай мове найбольш часта сустракаюцца шматкампанентныя складаныя прыметнікі, якія абазначаюць пэўныя адценні колеру і стан псіхічнага ўспрыняцця акаляючай рэчаіснасці: *З мястэчка з белчырвона-белай павязкай на рукаве бяжыць узбуджаны Мікола Стрыж* (П. Глебка. Над Бярозай-ракой). *Яніс быў такі легкаважна-вясёлы, што Андрэй таксама ўсміхнуўся яму ў адказ* (Ул. Караткевіч. Нельга забыць). *І ўжо гатоў быў пранесці далей на сваіх тонкіх вуснах гэтую самадавольна-пагардлівую ўсмішку, як раптам нейкая нечаканая думка працяла яго галаву* (М. Зарэцкі. Вязьмо). *Пасля ўсё стала цёмна-шэра-сінім, паплылі ў ім чырвоныя лапіны* (К. Чорны. Буланы). Аднак найбольшае пашырэнне шматасноўныя кампазіты атрымалі ў галіне тэр-

міналогіі. Так, у двухтомным «Руска-беларускім слоўніку» (Мінск, 1982) налічваецца каля 400 трох- і чатырохасноўных слоў. Сярод іх вылучаюцца: а) назвы навуковых галін: *біягеахімія, геліябіялогія, зоапалеанталогія, лінгвагеаграфія, нейрапсіхалогія, палеавулканалогія, радыёметэаралогія, фітапалеанталогія* і інш.; б) назвы прыбораў і тэхнічных прыстасаванняў: *ампервальтметр, аэрафотаапарат, вольтамперомметр, мас-спектрограф, парагазагенератар, радыёветрамер, спектрафатометр* і інш.; в) назвы машын, пабудов: *асфальтабетоназмяшальнік, аўталесавоз, аўтацэментавоз, гідрасамалёт, ільноканюшынацёрка, мотаснегабалотаход, мясахладабойня, саломасіласарэзка, тэрмабаракамера, электракавамолка* і інш.

Шматкампанентнасць — своеасаблівы спосаб словаўтварэння. У большасці выпадкаў словы, утвораныя шляхам «нанізвання» асноў або самастойных слоў у адну лексему, не ўспрымаюцца ў поўным сваім выглядзе, асабліва, калі кампаненты такіх слоў іншамоўнага паходжання: *аўта-сама-звал, геранта-псіха-логія, крытыка-бія-графічны, паравоза-рамонтны*. У вусным маўленні некаторыя ўдакладняльныя кампаненты гэтых слоў апускаюцца, словы пачынаюць ужывацца ва ўсечанай, скарачанай форме: *самазвал* замест *аўтасамазвал*, *маслазавод* — *масласырзавод*, *кардыяграма* — *электракардыяграма* і інш. Шматасноўныя кампазіты ў беларускай мове размяркоўваюцца па наступных словаўтваральных тыпах:

1) складанні, першым кампанентам якіх з’яўляецца ўласна складанне, а другім — простая аснова самастойнага слова: *старадаўне-крывіцкія лясы* (П. Глебкі. Наша слава), *ціхамірна-дзелавы настрой* (М. Зарэцкі. Вязьмо), *штодзённа-настойлівая думка* (А. Куляшоў. Тры сустрэчы з Лермантавым);

2) складанні, першым кампанентам якіх з’яўляецца структурна простая аснова самастойнага слова, а другім — двухасноўны кампазіт: *ап’янела-крыважэрны ... іканастанас насільніцтва і цемры* (В. Зуёнак. Сяліба), *бялёвыя-саматканя ... абрусікі* (М. Багдановіч. Бяседная), *пераможна-саманадзейны настрой* (М. Зарэцкі. Вязьмо), *песні-веснаплыні* (П. Трус. Цыганка), *спектральна-супрацьлеглыя колеры* (Чырв. змена);

3) складанні, першая і другая часткі якіх з’яўляюцца самастойнымі (пераважна двухасноўнымі) кампазітамі: *у аднаконнай-худаконнай гаспадарцы* (К. Чорны. Сястра), *між аднасяльчан-хлебаробаў* (М. Танк. Стол), *старажытна-беларуская культура* (Вячэрні Мінск), *суднабудаўніча-суднарамонтны завод* (Веснік БДУ);

4) складанні, асобныя кампаненты якіх з’яўляюцца простымі асновамі самастойных слоў: *бела-чырвона-зялёны амфітэатр партовага гарадка* (Я. Брыль. Дваццаць), *зеленавата-ружова-белыя кветачкі* (Мінская праўда), *льноворахасушыльны пункт* (Звязда), *рдзяна-блакітнасінія аганькі* (А. Кудравец. Ігнат Сцяпанавіч Вапшчэtkі), *цёмна-цёмнасінія вочы* (М. Зарэцкі. Вязьмо), *ясна-зорамі-вочкамі бліскае* (П. Трус. Яна).

Найбольшай прадуктыўнасцю вызначаюцца складанні IV тыпу, словы астатніх словаўтваральных тыпаў сустракаюцца рэдка. Складаныя словы, утвораныя ў выніку аб’яднання трох і больш слоў або іх асноў, з’яўляюцца важным сродкам семантычнай выразнасці. Аднак ужыванне іх ў мове мастацкай літаратуры носіць аказіянальны характар. Тут такі спосаб словаўтварэння асаблівай прадуктыўнасцю не вызначаецца. Асноўнай сферай прымянення шматасноўных кампазітаў з’яўляецца тэрміналогія.

¹ Воронцова К. Б. Многокорневые слова в современном русском языке. — Труды Иркутского ун-та. Сер. языковедение, 1958, т. 26, вып. 1, с. 194.

² Охомуш Е. А. Прилагательные русских исторических повестей XVI—XVII вв. и их статистическая структура. — У кн.: Применение новых методов в изучении языка. Вопросы прикладной лингвистики. Днепрпетровск, 1969, вып. 1, с. 113.

³ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — М., 1958, с. 64.

⁴ Красней В. П. Функцыянальнае развіццё беларускай літаратурнай мовы ў савецкі час. — Веснік БДУ, серыя IV, 1982, № 3, с. 6.

⁵ Воронцова К. Б. Цыт. работа, с. 194.

С. В. КЛІМУЦЬ

ДА ўжывання слоў *столькі, гэтулькі, колькі, некалькі* У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У сучаснай беларускай мове паняцце канкрэтнай, пэўнай колькасці аднародных прадметаў, з'яў перадаецца праз пэўна-колькасныя лічэбнікі, якія ў розных спалучэннях могуць абазначаць любыя колькасныя паняцці — як самыя малыя, так і самыя вялікія лікі. Выражэнне ж няпэўнай колькасці прадметаў ці паняццяў ажыццяўляецца пры дапамозе параўнальна нешырокага набору граматычных сродкаў: пэўна-колькасных лічэбнікаў са зменай парадку слоў (*гадоў пяць*), назоўнікаў (*мноства, процьма, гурт*), розных устойлівых словазлучэнняў (*кот наплакаў*), сінтаксічных канструкцый са спалучэннямі тыпу *больш за, больш чым, менш чым*, слоў прыслоўнага (*многа, мала, шмат*) і займеннікавага (*столькі, гэтулькі, колькі, некалькі*) паходжання.

Сярод гэтых сродкаў найбольш ярка вылучаюцца сваёй адметнасцю словы *столькі, гэтулькі, колькі, некалькі*. У лінгвістычнай літаратуры пакуль што няма адзінай думкі адносна вызначэння прыналежнасці слоў тыпу *столькі, колькі, гэтулькі, некалькі* да пэўнай часціны мовы. Адны вучоныя адносяць іх да лічэбнікаў¹, другія лічаць іх займеннікамі².

Даследуючы станаўленне часцін мовы ў гістарычным аспекце, аўтары дапаможніка «Гістарычная марфалогія беларускай мовы» разглядаюць словы *столькі, колькі, гэтулькі, некалькі* як няпэўна-колькасныя лічэбнікі, але тут жа зазначаюць, што «гэтыя словы генетычна не звязаны з асноўным ядром лічэбнікаў. Частка іх суадносіцца з прыслоўямі (*многа, мала, шмат, крыху*), а частка — з займеннікамі (*колькі, некалькі, столькі*), яны захоўваюць асноўныя марфалагічныя ўласцівасці гэтых часцін мовы». І дадаюць, што «да няпэўна-колькасных лічэбнікаў належаць словы, якія абазначаюць дакладна не вызначаныя, абагульнена-колькасныя паняцці»³.

Паспрабуем акрэсліць выпадкі ўжывання слоў *столькі, колькі, гэтулькі, некалькі* ў сучаснай беларускай мове. З'яўляючыся ў самой сутнасці няпэўна-колькаснымі лічэбнікамі, гэтыя словы валодаюць займеннікавымі (абагульнена-указальнымі) значэннямі: *колькі* — пытальна-адносным, *некалькі* — неазначальным (няпэўным), а *столькі, гэтулькі* — указальным. У адрозненне ад пэўна-колькасных лічэбнікаў яны спарадычна ўтвараюць формы ацэнкі (*столечкі*), могуць спалучацца з адцягненымі назоўнікамі (*колькі радасці*). Словы *столькі, гэтулькі, колькі, некалькі* не маюць катэгорый роду і ліку, не абазначаюць адцягненыя лікі, а толькі ўказваюць на іх. У спалучэнні з назоўнікамі яны ўтвараюць колькасна-іменныя словазлучэнні, якія абазначаюць няпэўную колькасць. Напрыклад: *Ні адна весялуха не знае столькі песень на ўсіх братніх мовах, якія спявае кожны дзень... як ты, мая Радзіма* (М. Танк. *Кожны дзень*). *У вачах яе было гэтулькі сапраўднай роспачы, што хто бачыў у гэтую хвіліну яе твар, таму рабілася страшна* (К. Чорны. *Трэцяе пакаленне*). Словы *столькі, гэтулькі* нельга замяніць у даным кантэксце пэўнымі лікамі.

Словы *столькі, гэтулькі, колькі, некалькі* скланяюцца як прыметнікі ў множным ліку: «*Што за глупства?*» — *уголас загаманіў ён, каб разумна абмеркаваць, адкуль жа тут агонь у столькіх месцах: начлежнікаў на парыні быць не можа, а яшчэ што ж?* (М. Гарэцкі. *Роднае каэрэнне*). *Там спакойна і вялікасна шумяць хвой; там мякка пад нагамі*

і вельмі зацішна; і таму, мусіць, так прытульна здаецца на малым пасёлку, што некалькімі новымі хатамі прыткнуўся да гэтай сцяны хвойя (К. Чорны. Вечер і пыл). Формы вінавальнага склону залежаць ад адушаўлёнасці — неадушаўлёнасці назоўніка: *«А вы падрамамі б, як каторыя», — адазвалася са смехам Ганна, зірнуўшы на некалькіх дзядзькоў, што разлегліся ў траве* (І. Мележ. Людзі на балоце). *Двое кінуліся шырыць па кішэнях. Але ўсё гэта хутка спынілі, бо з гары на адлегласці якога кіламетра зайважылі некалькі машын, якія ішлі з захаду* (М. Лынькоў. Векапомныя дні). Але гэта супрацьпастаўленне не заўсёды вытрымліваецца ў мове: *Майка пачула пахрапванне коней, убачыла некалькі чалавек* (М. Лынькоў. Векапомныя дні). *Затым ён прывёў іх у сены, дзе ўсе дружна загрузкалі намёрзлымі ботамі, абіваючы снег, і, калі расчыніў дзверы ў хату, з-за занавескі з нейкаю трантай у руках выскочыла Сцепаніда і ажно войкнула, згледзеўшы на парозе столькі незнаёмых мужчын* (В. Быкаў. Знак бяды).

Пералічаныя словы могуць спалучацца з назоўнікамі роднага склону, якія абазначаюць рэчывыя прадметы і абстрактныя паняцці: *Куды гэта столькі вады цягаеш?* (Я. Колас. У двары пана Тарбецкага). *Але, як вядома, святыя каля гармат не хадзілі, ваеннай тэхнікі не вывучалі, пораху не нюхалі, дык і карысці з іх было гэтулькі ж, як і з дзірак у мосце* (Я. Колас. На ростанях).

Словы столькі, гэтулькі спалучаюцца таксама са зборнымі назоўнікамі, утвараючы словазлучэнні, якія ўказваюць на няпэўную колькасць: *Яшчэ ніколі дзядзька з роду не бачыў гэтулькі народу* (Я. Колас. Новая зямля). *Ах, якая памяць у нас стала! Думаю, яны там лётуць. А ўлетку, калі столькі птаства, і снягір мяняе афарбоўку, на яго не звяртаеш увагі* (І. Шамякін. Петраград — Брэст). Часам словы столькі, гэтулькі могуць ужывацца ў адным кантэксце з дакладна названай колькасцю. Напрыклад: *Восемдзесят пяць гадоў дзеду Паўлу. І калі іх набралася столькі — не агледзеўся дзед: няўзнакі накастрэжыліся гады* (Я. Колас. Збоку ад жыцця). *Станцыя патрабавала выслаць дваццаць пяць чалавек нагружачы вагоны. Адкуль жа ўзяць гэтулькі народу* (Я. Колас. Хаім Рыбс).

Сустракаюцца выпадкі, калі словы столькі, гэтулькі, колькі спалучаюцца з дзеясловамі: *Гэтулькі сядзеў у адзіноце, як крот у нары, можна і з глузду з'ехаць, раптам вылезшы на свет божы* (А. Кулакоўскі. Сустрэчы на ростанях). *Гляджу я на яго і сэрца заходзіцца — дзе гэта было, каб такому малому ды столькі перажыць за кароткі свой век* (М. Лынькоў. Векапомныя дні). *Колькі тут выхадзілі яе немаладыя ўжо ногі, перарабілі яе хворыя рукі* (В. Быкаў. Знак бяды). У такіх канструкцыях яны выконваюць функцыю колькасных прыслоўяў, выражаюць колькасныя прыметы дзеяння, але не называюць розныя акалічнасці, а толькі ўказваюць на іх ці служаць для абагульнення: *Неяк яна не стрывала і ўвечары, управіўшыся са скацінай, сказала Петраку, што трэба пагаварыць з Якімоўскім, што так нягожа, яны ж з ім столькі жылі ў добрасці, згодзе, без сваркі, а цяпер...* (В. Быкаў. Знак бяды). *Зазлавала на сябе, што гэтулькі стаіць тут, выслухоўвае* (Т. Гарэлікава. Перад усім светам).

У сучаснай беларускай мове колькі часта выступае ў ролі няпэўнага слова некалькі. Напрыклад: *За колькі год перад гэтым на тым самым месцы, дзе стаяў на змроку Бушмар, калі напаткала Аміля, адбылося не зусім звычайнае здарэнне* (К. Чорны. Лявон Бушмар). *Багуновіч раскаваў, як яны дзён колькі назад, сустрэлі наркома замежных спраў Савецкай рэспублікі Троцкага, які з дэлегацыяй праехаў праз станцыю ў Брэст-Літоўск для вядзення мірных перагавораў* (І. Шамякін. Петраград — Брэст). Пры замене слова колькі словам некалькі колькасць застаецца няпэўнай. Іншы раз слова колькі ўжываецца ў складаназалежных сказах для сувязі прэдыкатыўных частак і ўказвае на адносіны даданай часткі да галоўнай: *Электрыфікатар плаціць, коль-*

кі сам хоча (Я. Колас. У двары пана Тарбецкага). Усе хваробы, колькі ў яе было іх, быццам ажылі, схпілі ўсю яе. скруцілі, і не было ў ёй нічога жывога, усё было не сваё (Т. Гарэлікава. Перад усім светам).

Паводле слоў І. А. Канюшына, словы *столькі*, *скільки* ў рускай мове нярэдка сумяшчаюць уласную функцыю з функцыяй узмацняльна-клічнай часціцы, надаючы паведамленню эмацыянальную афарбоўку⁴. Параўнаем у беларускай мове: *Пятрок аж падзівіўся: столькі народу, і ціха прайшоў па бруку, амаль страхавіта мінаючы той чалавечы гармідар* (В. Быкаў. Знак бяды). *Ночка якая, га? — сказаў стары. — Канюшына як пахне Сымонава, ліха яго галаве! Столькі коп!...* (Я. Брыль. Галя). У такім разе *колькі*, *столькі* па сваім значэнні некалькі набліжаюцца да ўказальных часціц *ну і*, *але ж і і* інш. Параўнаем: *Пятрок аж падзівіўся: ну і народу...* *Пятрок аж падзівіўся: але ж і народу...* *Канюшына як пахне Сымонава, ліха яго галаве!.. Ну і коп!.. Канюшына як пахне Сымонава, ліха яго галаве!.. Але ж і коп!..* Аднак тут выражана значэнне вялікай колькасці, якая праяўляецца ў спалучэнні часціцы з назоўнікам. Адносна гэтага некаторыя даследчыкі заўважаюць, што часціцы валодаюць вельмі своеасаблівым лексічным значэннем, якое супадае з іх функцыямі і праяўляецца, як правіла, толькі ў спалучэнні з іншымі словамі⁵.

У мастацкай літаратуры часам слова *колькі* можа ўжывацца з няпэўнай часціцай -то і набываць значэнне слова *некалькі*: *А я і не пазнала Васіля Іванавіча. Колькі разоў ён быў у нашым калгасе і ў хату заходзіў не раз! Колькі то гадоў прайшло з таго часу, а цяпер вось... цяпер...* (М. Лынькоў. Векапомныя дні). Як відаць, тут экспрэсіўна выдзелена мадальнае значэнне пацвярджэння невялікай колькасці (параўн.: *усяго некалькі гадоў...*). Слова *колькі* можа суадносіцца са словам *столькі*, утвараючы адзінае цэлае (складаны сказ) са значэннем няпэўнай колькасці, якое звычайна суправаджаецца градацыйным адценнем: *Дзядзька Пятрусь быў жартайнік. Я яго памятаю змалку. І колькі памятаю, столькі ён гаварыў і жартаваў* (Я. Брыль. Глядзіце на траву). *Спалучэнне колькі ... столькі ў сказе: А над тым, што ён прыносіць мала, не вельмі задумвайся. Колькі плоціць, столькі і прыносіць* (М. Гіль. Тэлеграма з Кавалевіч) — раскрывае сэнс слова *мала*, якое абазначае невялікую колькасць, але ў той жа час і няпэўную.

Слова *колькі* нярэдка ўваходзіць у склад фразеалагічных зваротаў, якія маюць значэнне няпэўнай колькасці: Напрыклад: *Ну, табе добра было і мясіць, у цябе для гэтага адмысловыя рукі — як чарпакі. Ты аднёю рукою ліха ведае колькі воску агорнеш за адным махам... Што ты да сябе Аляксандра раўняеш, колькі ў яго тае ручкі, як вераб'іная лапка* (К. Чорны. Вецер і пыл). Аднак няпэўная колькасць звычайна рэалізуецца ў выглядзе: *вельмі многа — вельмі мала*.

Слова *некалькі* ў стылістычных адносінах з'яўляецца нейтральным: яно заўсёды выражае значэнне няпэўнай колькасці і ў той жа час надта абмежаванай. Такое слова не суадносіцца з лікам *адзін* і *два*. Прыклады паказваюць, што звычайна слова *некалькі* — «гэта некаторы лік у межах ад трох да дзесяці»⁶. Напрыклад: *Некалькі сялян гаварыла з ім, паказваючы на Грышу* (Я. Колас. Крывавы вір). *Старажытнаму Слуцэску сёлета — 866 гадоў. Вітаўт падараваў яго брату польскага караля Ягелы Уладзіміру Альгердавічу, нашчадкі якога — Амелькавічы — уладарылі ім некалькі стагоддзяў* (А. Гаўрон. Мінскі мерыцыян).

Слова *некалькі* у форме назоўнага і вінавальнага склонаў спалучаецца з назоўнікам роднага склону множнага ліку, утвараючы з ім несавабоднае словазлучэнне. У такім словазлучэнні яно з'яўляецца галоўным кампанентам, а ў ролі залежнага слова выкарыстоўваюцца назоўнікі, якія паддаюцца лічэнню або абазначаюць адзінкі вымярэння. Напрыклад: *Прайшло некалькі маладых настаўнікаў, але іх*

нельга было пазнаць у натоўпе моладзі (Я. Радкевіч. Па песні ў Агароднікі). Ён не чуў нават таго, як праз некалькі хвілін за кармой разрэзаў штармавую ноч тытанічна магутны выбух (У. Караткевіч. Вока тайфуна).

Часам словы *стоцькі, гэтуцькі, колькі, некалькі* трацяць здольнасць скланяцца пры спалучэнні іх з назоўнікамі ў форме роднага склону, што адносяцца да лексіка-граматычных катэгорый рэчыўнасці (*колькі цукру*), зборнасці (*гэтуцькі народу*) і абстрактнасці (*стоцькі радасці*). У гэтым разе названыя словы набываюць марфалагічныя прыметы займеннікавых прыслоўяў. Нескланяльнасць іх тлумачыцца не толькі семантычнымі і граматычнымі асаблівасцямі лічэбнікаў, але і назоўнікаў, з якімі яны спалучаюцца.

Словы *стоцькі, колькі, гэтуцькі, некалькі* ва ўскосных склонах маюць значэнне і форму множнага ліку (*стоцькіх, некалькіх, стоцькім, некалькім і г. д.*), што не адпавядае лікавай форме і лікаваму значэнню кіруемых назоўнікаў, якія ўжываюцца ў межах названых трох катэгорый толькі ў форме адзіночнага ліку. Не скланяюцца гэтыя словы і пры спалучэнні іх з рэчыўнымі назоўнікамі, якія маюць толькі форму множнага ліку (*колькі дражджэй*): формы ўскосных склонаў *колькі, стоцькі, гэтуцькі, некалькі* маюць значэнне няпэўнай колькасці толькі тых прадметаў, якія паддаюцца лічэнню.

Такім чынам, спецыфіка ўжывання слоў *некалькі, стоцькі, колькі, гэтуцькі* залежыць ад лексіка-граматычных асаблівасцей кампанентаў і іх узаемнай спалучальнасці ў складзе словазлучэння.

¹ Гл.: Бурак Л. І. Сучасная беларуская мова.— Мінск, 1974; Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1972; Граматыка беларускай мовы, т. 1, АН БССР.— Мінск, 1962; Русская грамматика, т. 1, АН СССР.— М., 1982; Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта.— М., 1982; Супрун А. Е. Славянские числительные.— Минск, 1969.

² Гл.: Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык.— М., 1957; Современный русский язык, ч. 2 / Под ред. П. П. Шубы.— Минск, 1981; Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія / Под ред. Ф. М. Янкоўскага.— Мінск, 1980; Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык, ч. 2.— М., 1981.

³ Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы.— Мінск, 1979, с. 202.

⁴ Гл.: Каншин И. А. Неопределенно-количественные числительные и их синтаксические функции в современном русском литературном языке.— Навукові запіскі (Львівський державний педагогічний інститут), 1959, т. 12, ч. 2, с. 120.

⁵ Гл.: Астафьева Н. И., Киселев И. А., Кравченко З. Ф. Современный русский язык.— Минск, 1982, с. 3.

⁶ Супрун А. Е. Славянские числительные, с. 24.

У. А. САРОКА

З СЕМАНТЫЧНАЙ ГІСТОРЫІ НАРОДНЫХ НАЙМЕННЯЎ ПРАДМЕТНА-БЫТАВОЙ ЛЕКСІКІ

(На матэрыяле беларускага фальклору і старабеларускіх помнікаў)

Сярод шматлікіх назваў прадметна-бытавой лексікі беларускіх народных казак, запісаных у канцы XIX — пачатку XX стагоддзя, цікавую семантычную групу складаюць народныя найменні халодных частак жылога будынка: *сені, сенцы, сёнкі, сіенечкі, ганак, крыльцо, балкон*. У гэтым невялікім артыкуле асноўная ўвага ўдзяляецца семантычнаму аналізу пералічаных слоў у параўнальным плане з данымі старабеларускай літаратурна-пісьмовай і сучаснай беларускай мовы ў яе літаратурнай і дыялектнай формах.

Як сведчыць моўны матэрыял казак, у XIX стагоддзі на беларускіх землях самай пашыранай слоўнікавай адзінкай даследаванай мікрагрупы была назва *сені*. І назва *сені*, і яе структурна-семантычныя дубле-

ты *сенцы* (*сеныцы*), *сёнкі*, *сіенечкі* ўжываюцца ў народных казках толькі ў форме множнага ліку з наступнымі значэннямі:

1. Халодная частка сялянскай хаты перад уваходам у жылую палавіну: Прыходзяць яны кь *сѣнямъ*, и сабака кажа воўку: «Ты постой гэтака, а я ўпяродъ схожу ў хату» (Ш., Сабака, воўк, баран, кот і лісіца, 260). Зайшоў да брата ў *сені* і ўслухаецца, а брат пачуўшы, што дзверы заскрыпелі — дагадаўся...¹ (Фед., III, Аб хітрым брату, 84).

Паралельна са словам *сені* нярэдка выкарыстоўваюцца з адценнем памяншальнасці яго суфіксальныя ўтварэнні *сенцы*, *сёнкі*, *сіенечкі*: Бабка, бабка, піражок па *сенцах* скача! (КПЖ, Ліска і воўк, 270). Убег юон нібарака ў *сёнкі*, дэ-й гледзіць крэз шчыліну, ці каго чужога німа... (Фед., III, Якія прыпадкі мазуру сталі, 199). ...от як съцемніее, я пайду к ім у *сіенечкі* да аттуль і падслухаю, што яны будуць гаманіць... (Серж., 1926, Як браты дзяліліся, 80).

2. Кладоўка пры хаце для харчовых прадуктаў, гаспадарчых прылад працы і рознага дабра. Гэта значэнне маюць таксама вышэйпералічаныя вытворныя словы: Аднаго разу двух злодзеў пашло да аднаго гаспадара красьці сало, а ено вісело ў *сенях* (Фед., III, Спрытныя зладзеі, 135). Екь вышоў попъ у *сѣнцы* и угледзѣў, што баба крадзе муку (Ш., Дурань, поп і цыган, 236). Погледзела, дзе тые мехі — у *сеньцах* стаяць (Ан., Здарэнне, 78). Ідзіж, у *сёнках* стаіць тачыло... (Фед., III, Дурны ў сватах, 87). А тут у *сѣнчыхах* стаяла кадушка з пѣръем (Серж., 1911, Новы чорт, 121). Часта ўжывалася лексема *сени* (*сенцы*, *сенки*) у помніках старабеларускай пісьменнасці, дзе яна абазначала: а) нежылую, халодную частку дома, прыднюю (што адзначана і ў казках): ...в том дому нашомъ, у *сеняхъ* светличныхъ сбилъ и зранилъ... (АВК, XXVI, 90, 1585). ...передъ моими *сѣнцами* пьянь спить... (КСД, 1231); б) *сенцы* ў лазні: ...лазня зъ *сенками* з дерева едлиного рубленая... (АВК, XXVI, 277, 1585). У помніках таго перыяду мелі месца і формы *сень*, *сенька*, якія ў даследаваных народных казках не назіраюцца. У слоўніку І. Насовіча (630) зафіксаваны формы *сѣнцы*, *сѣнки*, *сѣночки* з тым жа семантычным аб'ёмам, які характэрны для іх і ў мове казак.

3 прыведзеных моўных фактаў відаць, што для лексічнай адзінкі *сені* са старажытных часоў была ўласціва вялікая словаўтваральная здольнасць і, разам з тым, устойлівасць семантыкі, дзякуючы чаму гэта слова стала агульнаўжывальным. Лексема *сені* і вытворныя ад яе *сенцы*, *сенецкі*, за выключэннем *сёнкі*, замацаваліся ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (БРС, 850) у асноўным значэнні: 'халодная частка сялянскай хаты перад уваходам у жылую палавіну'. Пераважна ў гэтым значэнні ўсе адзначаныя ў казках формы ўласцівы таксама народным гаворкам (Бяльк., 403; Касп., 279; Сцяшк., 446; Шат., 254; МММГ, I, 122; Сц., 22; ЛП, 152). На Гродзеншчыне вядома і аднакарэннае слова *сенькі*, але са значэннем 'частка сушні, дзе мнуць лён' (Сцяшк., 446).

Монасемантычная назва *ганак* (*ганкі*) абазначае 'прыбудову са сходамі пад своеасаблівай стрэшкай перад уваходам у жылы будынак (палац, хату)': Вышаў пан на *ганак* и пытае, чаго ены прышли (Серж., 1911, Пісар, 81). У мове казак, запісаных на паўднёвым ўсходзе беларускай моўнай тэрыторыі, гэта рэалія абазначаецца словам *ганкі* (форма множнага ліку): Яна яго харашэнька абабрала: узяла ражок, узяла рушпічок, вышла на *ганкі* і давай трубіць у ражок у другі канец (Рам., Рогі, 252).

Як адзначаецца ў этнаграфічнай літаратуры, у канцы XIX — пачатку XX стагоддзя большасць сялянскіх хат ганка не мела. Гэтым тлумачыцца параўнальна рэдкае ўжыванне слова *ганак* у кантэкстах казак, калі ідзе размова пра сялянскую хату. Актыўна ўжывалася лексема *кганокъ* (*кганекъ*, *ганокъ*) і памяншальна-ласкальнае *кганочокъ* у старабеларускай мове са значэннямі: а) прыбудова перад уваходам у будынак: ... при томъ дому *кганокъ* драницами крытый, въ немъ лавъ

три (АВК, XIV, 436, 1592). ...*кганекъ* порубан... (АВК, XXXIV, 316, 1582). ...гريدню и зъ сеньми тесаными, съ коморою и зъ *ганкомъ* (АВК, XVII, 406, 1541—1542). От того бровара клѣтка зъ *кганочкомъ*, въ ней ечменю бочок десять (АСД, IV, 293, 1593); б) накрыты балкон ці веранда: ...саяя великая... з летнимъ сиденьем альбо *кганъкомъ* выпущонымъ (АВК, XVIII, 44, 1582). Другое значенне слова *ганак*, паказанае ў помніках, у мове казак і іншых крыніцах не адзначана. Яно, відаць, было выцеснена запазычаннем *балкон*, аб якім гаворка будзе ісці ніжэй.

Слоўнікі старажытнарускай мовы лексемы *ганокъ* не фіксуюць. У старабеларускую мову яна пранікла з польскай (*ganek*), куды прыйшла з нямецкай (*Gang* — калідор, ход) мовы². Даль (I, 344) адзначае варыянты *ганокъ*, *ганки* з такой жа семантыкай, як і ў беларускіх казках (з паметамі «заходняе», «паўднёвае»). Са значэннем 'прыбудова перад уваходам у жылы будынак' словы *ганокъ*, *ганочекъ* даюцца і ў слоўніку Насовіча (109), а форма множнага ліку *ганочки* (памяншальнае ад *ганокъ*) прыводзіцца ў значэнні 'сходкі, ступенькі'. Вялікая словаўтваральная актыўнасць лексемы *ганак* гаворыць пра тое, што гэта запазычанне ў беларускай мове стала агульнаўжывальным. Без прыкметных змен захавала сваё значэнне слова *ганак* у сучаснай беларускай літаратурнай мове (БРС, 200) і народных гаворках (Касп., 75; Сцяшк., 110; Шат., 64; МММГ, II, 42; Сц., 24). Апрача таго, на ўсходняй і заходняй Магілёўшчыне паралельна бытуе гэта лексема і вытворныя ад яе ў такім афармленні: *ганык*, *ганычык* (памяншальнае ад *ганык*), *ганкі* (форма множнага ліку), *ганачкі* (памяншальнае ад *ганак*) (Бяльк., 132; Янк., I, 59). На Палессі слова *ганак* побач са значэннем 'крытая прыбудова перад уваходам у жылы будынак', мае яшчэ іншае — 'сходы, прыступкі, масток перад уваходам у сені' (ЛП, 133).

Лексема *крыльцо* ў даследаваных казках сумесна са словам *ганак* утварае сінанімічны рад і таксама абазначае 'прыбудову са сходамі пад своеасаблівай стрэшкай перад уваходам у жылы будынак (палац, дом)': Якъ только собаки кинулися на яе, яна заразъ кинула имъ труса, а сама на козлѣ подѣхала подъ *крыльцо* къ пану (Ш., Кацярына, 198). Асобныя выпадкі ўжывання лексемы выяўлены ў некаторых казках, запісаных у былым Віцебскім павеце, г. зн. у непасрэднай блізкасці ад рускай моўнай тэрыторыі, адкуль яна, напэўна, і прыйшла ў беларускія гаворкі.

Хоць і зрэдку, аднак сустракаецца гэта назва з вышэйпаказанай семантыкай у помніках старабеларускай мовы, выступаючы ў форме *крылцо*: ...и проводили его княжь Ивановы слуги... до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ его встрѣтили на нижнемъ *крылцѣ* (АЗР, II, 247, 1533). Такое нячастае ўжыванне моўнай адзінкі *крылцо* — *крыльцо* ў помніках старабеларускай пісьменнасці і мове даследаваных першакрыніц XIX — пачатку XX ст. сведчыць аб абмежаваным ужыванні разглядаемага наймення ў беларускай мове на розных этапах яе развіцця. Сучаснай беларускай літаратурнай мове лексема *крыльцо* ў прыведзеным значэнні невядома. Спарадычна яна сустракаецца толькі ў гаворках Палесся і Зэльвеншчыны, куды трапіла, на думку дыялектолагаў, з рускай мовы³, у якой ужываецца з зыходнай семантыкай 'прыбудова перад уваходам у жылы будынак' (Даль, II, 205; Ож., 284).

Лексічная адзінка *балкон* у разгледжаных крыніцах выкарыстоўваецца са значэннем 'выступаючая пляцоўка з паручнямі на верхніх паверхх панскага палаца': Гэта видѣла пани зъ *балкона* (Ш., Мужык і пан, 180). Лексема сустрэлася ў казцы, запісанай на Магілёўшчыне (Горацкі павет). Рэдкі выпадак ужывання яе тлумачыцца, на нашу думку, тым, што гэта назва, адлюстроўваючы канкрэтную рэалію, непасрэдна звязана з будаўніцтвам шматпавярховых жылых будынкаў з балконамі, якія сустракаліся вельмі рэдка, толькі ў паасобных панскіх маёнтках. Сялянскія ж хаты былі аднапавярховымі. Адсутнасць іншамоўнай назвы *балкон* у старажытнарускіх і старабеларускіх помніках

сведчыць пра даволі позняе з'яўленне гэтай лексемы ва ўсходнеславянскіх мовах, у тым ліку і ў беларускай. Па гэтай прычыне нельга не згадзіцца з А. Г. Праабражэнскім⁴, які слова *балкон*, што прыйшло з італьянскай (*balcone*) мовы праз французскую (*balkon*), адзначае як такую адзінку, якая ўпершыню зафіксавана ў пісьмовых рускіх крыніцах XVIII ст. Адсутнасць жа гэтай назвы ў слоўнікавых крыніцах беларускай мовы XIX стагоддзя таксама гаворыць аб тым, што яна была тады рэдкаўжывальнай. Аднак з ростам будаўніцтва шматпавярховых дамоў, асабліва ў паслякастрычніцкі час, слова *балкон* усё шырэй уваходзіла ва ўжытак. Са значэннямі 'выступаючая пляцоўка з поручнямі шматпавярховага дома', 'верхні ці сярэдні ярус у глядзельнай зале тэатра' яна шырока ўжываецца ва ўсіх сучасных усходнеславянскіх літаратурных мовах (БРС, 116; Ож., 35; УРС, 16). У існуючых дыялектных слоўніках беларускай мовы гэта слова не зарэгістравана.

Такім чынам, лексічныя адзінкі разгледжанай семантычнай мікрагрупы, за выключэннем слова *сені* і вытворных ад яго, у мове беларускіх народных казак выступаюць пераважна як вузкатэрміналагічныя назвы. Некаторыя з іх, абазначаючы аднолькавыя рэаліі, утваралі двухчленныя і мнагачленныя сінанімічныя рады (параўн.: *ганак* — *крыльцо*, *сені* — *сенцы* — *сёнкі* — *сіенечкі*). Найбольш часта ўжывальныя лексемы *сені* і *ганак* вылучаюцца яшчэ з сярэднявечага перыяду вялікай словаўтваральнай здольнасцю (*сені* — *сенцы*, *сёнкі*, *сіенечкі*; *ганок* — *кганочок*) і прыкметнай варыянтнасцю (фанетычнай: *ганок* — *кганок* — *кганек*, *сенцы* — *сеньцы*, *сіенечкі* — *сенячкі*; фармальна-граматычнай: *ганак* (адз. л.) — *ганкі* (мн. л.). З усіх прааналізаваных найменняў літаратурнай нормай сучаснай беларускай мовы не стала слова *крыльцо*, якое зрэдку сустракаецца ў асобных гаворках. У разрадзе дыялектных засталася і слова *сёнкі*. Трывала замацаваліся і набылі шырокую вядомасць у сучаснай беларускай літаратурнай мове запазычаныя *ганак*, *балкон*, якія прыйшлі ў беларускую мову на розных гістарычных этапах яе развіцця.

УМОУНЫЯ СКАРАЧЭННІ

АВК — Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией для разбора древних актов. Вильна, 1887, т. XIV; 1890, т. XVII; 1891, т. XVIII; 1899, т. XXVI; 1909, т. XXXIV; АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Спб., 1848, т. II; Ан. — Анічэнка У. В. Беларускі казачны эпос. Мінск, 1976; АСД — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867, т. IV; БРС — Беларуская слоўнік. М., 1962; Бяльк. — Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970; Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. I; 1956, т. II; Касп. — Каспяровіч М. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927; КПЖ — Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі. Мінск, 1971; КСД — Литовская Метрика. Книга судных дел. — Русская историческая библиотека. Спб., 1903, т. XX; ЛП — Лексика Полесья. Матер. для полесск. диал. словаря. М., 1968; МММГ, I — Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Мінск, 1970, вып. I; 1974, вып. II; Насовіч — Насовіч І. І. Словарь белорусского наречия. Спб., 1870; Ож. — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973; Рам. — Беларускія народныя казкі (са зборнікаў Е. Р. Раманава). Мінск, 1962; Серж., 1911 — Сержпутоўскі А. К. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. Спб., 1911; Серж., 1926 — Сержпутоўскі А. К. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павету. Л., 1926; Сц. — Сцяпко П. У. Народная лексіка і словаўтварэнне. Мінск, 1972; Сцяшк. — Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972; УРС — Украінско-російський словник. Київ, 1964; Фед., III — Federowski M. Lud białoruski... Kraków, 1903, III; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Спб., 1893, т. II; Шат. — Шатэрнік М. В. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Мінск, 1929; Янк., I — Янкоўскі Ф. М. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1959.

¹ Прыклады са зборнікаў М. Федароўскага пераведзены з лацінкі на беларускую графіку.

² Гл.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. — Kraków, 1952, t. I, s. 254; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1964, т. I, с. 392; Булыка А. М. Даўнія запазычаныя беларускай мовы. — Мінск, 1972, с. 147.

³ Гл.: Сцяцко П. У. Народная лексика і словаўтварэнне.— Мінск, 1972, с. 25; Лексика Полесья: Матэрыялы для полесскага дыялектнага слоўваря.— М., 1968, с. 141.

⁴ Гл.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка.— М., 1959, т. 1, с. 15.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

**РИТОРИКА МАКАРИЯ 1617—1619 ГОДОВ
В КНИЖНО-ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА
(в связи с публикацией памятника)**

В истории восточнославянской филологической традиции церковнославянская Риторика Макария 1617—1619 годов занимает особое место в силу своеобразия своих нормативно-кодифицируемых функций. Памятник известен по описаниям А. Х. Востокова, архимандрита Саввы, В. А. Погорелова, А. И. Соболевского, Д. С. Бабкина¹. При этом Соболевский указывал наибольшее число списков — семь. Глава из Риторики по трем спискам напечатана В. П. Вомперским в приложениях к исследованию о стилистической теории Ломоносова². В 1980 году Р. Лахманн опубликовала факсимильную репродукцию всей Риторики, а также исследование памятника³.

История сложения Риторики остается неясной. Востоков видел в ней перевод с польского. Соболевский, характеризуя церковнославянский язык памятника как «правильный и ясный, без полонизмов и западнорусизмов» (отмечая вместе с тем и польские формы: *Ликунуиушъ* и др.), допускал непосредственный латинский источник памятника. Позже на это мнение опирались Д. С. Бабкин, В. П. Вомперский. Отмечая полонизмы, хотя и немногочисленные, Р. Лахманн считает Риторику переводом с польского оригинала, восходящего к латинскому источнику. По мнению исследовательницы, язык памятника не позволяет говорить об обычном для культурно-языковых влияний XVII века западнорусском посредничестве.

Составителем Риторики Д. С. Бабкин считал архиепископа Вологодского Макария, впоследствии митрополита Новгорода и Великих Лук. Атрибуция основана на заключительной записи в копии памятника 1623 года: «С книги пресвященного митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук» и на сведениях о том, что в 1617—1619 годах Макарий преподавал риторику в Вологде. Р. Лахманн не считает атрибуцию доказанной и более осторожно говорит о «так называемой Риторике Макария» и о «приписываемой Макарию риторике».

Исследователи по-разному трактуют отношение Риторики Макария к языковой практике начала XVII века; еще в большей мере проблематичен вопрос о кодифицирующей роли Риторики Макария и ее влиянии на развитие стилистических теорий в Московской и Западной Руси. Д. С. Бабкин, В. В. Виноградов, В. П. Вомперский рассматривали Риторику Макария как отражение объективных процессов стилистической дифференциации русского литературного языка. Подчеркивая значение заключительного раздела Риторики «О тройных родах глаголанія», В. В. Виноградов считал градацию *смирного, мерного* и *высокого* «глаголанія» свидетельством того, что «в русском литературном языке второй половины XVI — начала XVII века уже обозначились общие контуры системы трех стилей, трех «родов глаголанія»⁴. Р. Лахманн считает, что некоторые принципиальные черты языковой ситуации начала XVII века на Руси не позволяют видеть в Риторике Макария отражение или осмысление данной языковой ситуации. Та система риторических категорий, которая содержится в учебнике Макария, была сформирована иной культурно-языковой средой. Европейская риторика, возникшая во времена софистики и ставшая классической в тео-

риях красноречия Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, сложилась как интегрирующая и унифицирующая концепция — риторическая концепция единой культуры и соответствующего ей одноязычия. Классическая европейская риторика стремилась к усилению языковой монолитности культуры. Охватывая все возможные ситуации, разделяя объекты мира на высокие, средние и низкие, риторика обнаруживает и углубляет соответствующую трехчленную иерархию синонимических средств языка (высокий, средний и низкий стили) и предписывает определенную стратегию выбора стилей в рамках единого языка. Однако эта риторическая система не универсальна, напротив, она представляет собой элемент конкретной культурно-языковой ситуации. Культурам иного типа соответствуют иные риторические системы. Принципиально иной риторической системой, по мысли Р. Лахманн, явилась бы (будь она написана) риторика, соответствующая церковнославянско-русскому двуязычию (или, в более точной терминологии, диглоссии) Киевской, а затем Западной и Московской Руси: это была бы дихотомическая теория. Таким образом, Риторика Макария не отражала коммуникативной практики Московской Руси (или ее северно-западных центров) первой половины XVII века; по отношению к реально сложившейся диглоссной ситуации она была чужой. Не случайно в стилистической главе Риторики «О тройных родѣхъ глаголанія» отсутствует иллюстративный материал, который мог бы продемонстрировать языковое содержание *высокого, мѣрного и смиренного* стилей. Вместе с тем появление Риторики имело свои причины: Р. Лахманн видит их в потребностях «централизации и гомогенизации коммуникативной системы» в государственной культуре, тяготеющей к абсолютизму. Во время своего создания Риторика Макария имела значение чисто теоретической предписывающей программы «должной» организации единой коммуникативной системы.

В дополнение к тезису Р. Лахманн об отсутствии непосредственной связи между коммуникативной практикой Московской Руси и риторической теорией Макария можно указать на изолированность Риторики Макария в предшествующей и современной ей восточнославянской книжно-письменной учености, притом что в целом старинная филологическая литература (буквари, словари, грамматики) характеризуется отчетливой внутрижанровой преемственностью (ср., например, методологическое единство в ареале *Slavia Orthodoxa* грамматической литературы; основой этого единства было учение о восьми частях речи, в той или иной мере известное славянам уже в первые века славянской письменности⁵ и сохранявшее актуальность до XVII века).

Риторическая традиция церковнославянской книжности формировалась под значительным византийским влиянием. Собственно теория риторического или «украшенного» слова представлена славянским переводом статьи Георгия Хировоска «О образѣхъ» (известным по «Изборнику» Святослава 1073 года), в котором толковались 27 тропов и фигур. По всей вероятности, это учение было не вполне адаптировано к условиям ранней славянской книжности, поэтому «О образѣхъ» остается достаточно изолированным памятником. Позже, впрочем, те же категории, но в другом терминологическом обличье возрождаются в «Образном синтаксисе» Мелетия Смотрицкого, затем в риториках Киево-Могилянской коллегии и последующих руководствах по красноречию у восточных славян. Что касается XV — XVI веков, то в это время осмысление и регламентация риторической (функционально-стилистической) практики происходили не в теоретических трактатах, но путем составления текстов-образцов различного содержания. В Византии первые сборники образцов посланий и распоряжений появляются в первой половине X века; к XIV—XV векам относится расцвет нормативной византийской эпистолографии. Южно- и восточнославянские эпистоларии (в русской традиции *письмовники*) появляются в XV веке.

Один из наиболее полных сводов образцов разнообразных посланий, грамот, приветствий (дифференцированных в зависимости от адресата

и адресанта — от митрополита, епископа, игумена к патриарху, царю, митрополиту, духовнику, монастырской братии; в зависимости от содержания — грамоты прощальные, жалованные, докончальные) был включен в Великие Четьи Минеи (за август) митрополита Макария (середина XVI века). А. С. Орлов указывал на распространенность в XVI веке руководства «Сказание начертания эпистолия», в котором содержались обязательные формы переписки с духовными и светскими иерархами, с родственниками, согражданами, учителями, друзьями и недругами, словом — «формы посланий ко всякому человеку»⁶. В XVII веке появляются руководства по устной публичной речи, церковной и светской: таковы гомилетика Иоанникия Галятковского (три издания: Киев, 1659, 1663; Львов, 1665), включавшая теоретическое руководство к составлению проповедей («Ключь разумѣнія...») и образцы проповедей («Казаня, приданыи до книги Ключь разумѣнія»); сборники образцов речей в западнорусской шляхетной культуре (ср. заглавия некоторых рубрик в одном из них, описанном Х. М. Лопаревым: *Како витаються друзи в привѣтствовании; Како благопривѣтствовати коронному канцлеру; Како воины порицаются пред гетманом*⁷); «привѣтства к родителем и благодѣтелем», «привѣтства» по случаю различных праздников в многочисленных московских печатных букварях. Московские рукописные азбуки нередко содержали образцы деловой письменности. Так, Азбука 1643 года включает полный титул царя Михаила Федоровича, «память» приставу, челобитную, заемную кабалу, образец частного письма. Известны аналогичные азбуки времен Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей. Рукописные сборники образцов речей и посланий на разные случаи, относящиеся к XV—XVII векам описаны или указаны также А. Ф. Бычковым, А. С. Деминим, Т. Н. Протасевой, В. А. Сметаниным и другими исследователями⁸. Культура письмовников достигает расцвета в XVIII веке, однако XIX век постепенно преодолевает ее шаблонизирующее влияние. В целом сохранилось около 170 письмовников XVI—XIX веков, среди которых популярные в Петровскую эпоху «Приклады како пишутся complements разные... поздравительные и сожалѣтельные и иные такожде между сродников и приятелей» (М., 1708, 1712); знаменитый «Письмовник» Н. Г. Курганова (1-е изд. 1769 г., 18-е 1837 г.), по разнообразию своего филологического содержания далеко выходящий за пределы эпистолярного жанра.

Таким образом, нормирование коммуникативно-риторической практики в восточнославянской традиции до XVIII века осуществлялось главным образом благодаря циркуляции образцовых текстов, в том числе текстов, специально создаваемых в качестве речевых эталонов. В Риторике Макария представлен принципиально иной подход к нормированию риторической практики: путем кодификации правил построения нормативных текстов. Правила задавались систематизацией средств «возбуждения страстей», способов «расположения» и «украшения слова», перечислением «родов речей», «видов риторических слов» и т. д., что в совокупности составило некоторую риторическую теорию текста. Появление в начале XVII века риторического руководства, содержащего не примеры образцовых текстов, но правила построения таких текстов, находится в русле одной более общей тенденции в истории восточнославянской книжно-письменной культуры, отмеченной Н. И. Толстым. В XVI—XVII веках развивается новый способ нормирования литературного языка — путем кодификации его норм в грамматиках и словарях. Этот способ нормирования, названный Н. И. Толстым «грамматическим», дополнил (но отнюдь не вытеснил) сложившийся прежде подход к нормированию — «текстовый», который заключался в филологической обработке древних, преимущественно канонических текстов⁹. Традиционные руководства по риторике (письмовники, образцы речей) соответствовали текстовому подходу к нормированию коммуникативной практики, Риторика Макария — кодифицирующему. С этим отчасти свя-

зана изолированность Риторики Макария от предшествующих и современных ей риторических руководств.

Если же говорить о влиянии Риторики Макария на последующую риторическую литературу, то есть основания думать, что содержащиеся в ней латинские риторические категории, которым еще не были найдены языковые славянские соответствия, оказались слишком абстрактными и далекими от филологических запросов восточнославянской культуры в первой половине XVII века. Характерно, что в литературе Московской Руси после Риторики Макария до конца XVII века не известны аналогичные руководства, но зато появляются сочинения, подготавливающие почву для риторических систем. Таков аллегорический трактат середины XVII века, в котором риторика уподобляется мудрому царю, а категории и подразделения риторики — его подданным (начало трактата, известного под разными заглавиями: *«Царь нѣкий обрѣте землю удобну...»*¹⁰). Другой рукописный трактат «О риторике похвала и сказание» содержит эмфатический панегирик от лица самой риторики (*«Аз есмь риторика доброголаголиваго и яснозрительнаго разумения...»*); в третьем похвалу риторике произносит персонифицированная диалектика¹¹. К подобным метариторическим текстам относится и популярная в последней четверти XVII века компиляция Николая Спафария «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах», в III главе которой говорилось о «втором свободном художестве» — риторике¹².

Из риторик, созданных в Московской Руси на рубеже XVI—XVII веков (греческая риторика Иоанникия Лихуда, славянский перевод риторики Софрония Лихуда, риторика Козмы, переработки «Великой науки» Раймонда Люллия, так называемая риторика Михаила Усачева), только последняя связана с Риторикой Макария. Риторика 1699 года, связанная с именем М. И. Усачева, повторяет структуру Риторики Макария, но более пространна в толковании риторических понятий. В главе о трех стилях, как и в Риторике Макария, отсутствует иллюстративный материал, который мог бы раскрыть собственно языковое содержание риторических категорий¹³. По-видимому, риторическая система в учебнике Усачева сохраняла, вслед за Риторикой Макария, характер абстрактной теории, не связанной непосредственно ни с современной ей традицией риторических руководств (письмовников, греко-славянских риторик, люллианской литературы), ни с языковой практикой Московской Руси на рубеже веков.

Если же говорить о влиянии Риторики Макария на латинские риторик Кievo-Могилянской коллегии или на последующие русские риторик XVIII века, то наличие такого влияния требует специальных доказательств. Общность многих понятий в этих риториках бесспорна. На этом основании Д. С. Бабкин считал, что Феофан Прокопович включил главу из Риторики Макария в свой курс 1706 года, а «Ломоносов на основе этих материалов разработал свое известное учение о трех «стилях»¹⁴. На основании этих же совпадений в риторических категориях Р. Лахманн рассматривает Риторику Макария как теоретический регулятор последующих коммуникативных исканий социума и допускает, что Риторика «в качестве метатекста могла стать началом собственной традиции текстов»¹⁵.

Однако достаточно ли в данном случае одного совпадения риторических понятий, чтобы считать доказанным влияние Риторики Макария на риторик Прокоповича и Ломоносова? В силу исключительно высокой степени преемственности в европейской риторической традиции, по-видимому, невозможно отделить влияние конкретного памятника (данной рукописной риторик, известной в семи списках) от влияния всей мощной риторической традиции, актуальной до конца эпохи классицизма. Случайно ли, что Риторика Макария не упоминается в работах А. М. Панченко и С. Матхаузеровой?¹⁶ Очевидно, у исследователей не было фактов, доказывающих релевантность именно данного памятника

в литературно-эстетических исканиях XVII века. Еще сложнее говорить о влиянии памятника на теорию и практику XVIII века. Есть факты, говорящие о том, что Ломоносов знал риторический курс профессора Киево-Могилянской академии Порфирия Крайского — текст этого курса, переписанный частично рукою Ломоносова, хранится в Государственной библиотеке СССР; есть доказательства знакомства Ломоносова с риторическими сочинениями Лонгина (в переводе Буало), Коссена, Помея и современников Гартмана, Готшеда¹⁷. Но остается неизвестным, знал ли Ломоносов о Риторике Макария. Что могло бы доказать известность Риторике Макария Симеону Полоцкому, Феофану Прокоповичу или Федору Поликарпову (переведшему «*Manus rhetorica*» Стефана Яворского) или Ломоносову? Только факты — например, особенный оборот Риторике Макария, повторенный через десятилетия...

Одно из главных достоинств исследования Р. Лахманн о Риторике Макария состоит в сочетании позитивного анализа памятника с его теоретическим (культурно-семиотическим) осмыслением. Однако отдельные тезисы автора представляются дискуссионными. Логика теоретических построений увлекает и порой приводит к оппозициям слишком четким и категоричным, для того чтобы быть реальными. Таков, на мой взгляд, тезис Р. Лахманн об изменении в XVII веке типа русской культуры: «культура текста» сменяется «культурой правил», с чем связано, в частности, появление свода коммуникативных правил — Риторике Макария. Сформулированная оппозиция «культура текста — культура правил» является, очевидно, более общей, чем указанное Н. И. Толстым противопоставление текстового и кодифицирующего подходов к нормированию литературного языка. Однако остается неясным, какие черты культуры релевантны в данном случае. Например, если считать, что в области права «культура текста» опирается исключительно на прецеденты («тексты») и не кодифицирует законы («правила»), то такое понимание «культуры текста» окажется, разумеется, узким применительно к русской культуре до XVII века. Если же ограничивать оппозицию «культура текста — культура правил» областью филологии, то в этом случае трудно говорить о смене типов культур, поскольку новый кодифицирующий подход к нормированию языковой практики не отменил регламентирующих функций образцовых текстов. Оба подхода сосуществуют, при этом в сфере риторики «тексты» всегда обладали самодовлеющей ценностью (ср. сказанное выше о традиции письмовников; ср. самостоятельное нормативно-обучающее и эстетическое значение иллюстративного материала в гомилетике Галятовского, риторике Прокоповича, «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносова). Таким образом, явившись первым в восточнославянской культуре сводом риторических «правил», Риторика Макария отнюдь не означала обрыва традиции «текстов». Другой вопрос, что на Руси начала XVII века эти заимствованные из латинских риторик правила оказались достаточно далеки от филологических проблем социума. Вместе с тем несомненно, что Риторика Макария способствовала развитию общеевропейских представлений в книжно-письменной культуре восточного славянства.

Говоря о культурном значении Риторике Макария, следует подчеркнуть еще один аспект, выходящий за пределы филологии, — ее логико-психологическую и философскую содержательность. Классическое *inventio* ('нахождение, изобретение, открытие') Цицерона, Квинтилиана и всей европейской риторической традиции; *изобретение* в Риторике Макария; *правила распространения темы* в гомилетике Галятовского; *формы поучения* и *правила расположения доводов* в русских люллианских риториках; *изобретение идей* и *расположение* в последующих риториках от Ломоносова до Кошанского — все это было в первую очередь школой мышления, техникой «открытия» всех пластов содержания в теме, «изобретения» доводов и доказательств, техникой-искусством убеждать. Логико-психологический и философский аспекты риторик составляют их основное содержание; в первую очередь с этим связана не-

обыкновенная популярность риторик в различных культурных традициях до тех пор, пока содержание риторик не оказывалось распределенным между комплексом дисциплин.

¹ См.: Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума.—СПб., 1842, с. 238; Архимандрит Савва [Тихомиров]. Указатель для обозревания Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки.—М., 1858, с. 227; Погорелов В. А. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 2. Сборники и лексиконы.—М., 1899, с. 23; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы.—СПб., 1903, с. 118; Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в.—ТОДРЛ, т. VIII, 1951.

² См.: Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей.—М., 1970, с. 184.

³ Die Makarj-Rhetorik. Herausgegeben von Renate Lachmann.—Slavistische Forschungen, 27/1. Böhlau: Köln, Wien, 1980. (Einleitung—S. 1—74; Reproduction der Handschrift—S. 75—166).

⁴ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка.—М., 1958, с. 120—121.

⁵ См.: Супрун А. Е. Славянская филологическая мысль XI—XII веков как часть культуры древней Славии.—В кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс.—Минск, 1984.

⁶ Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды.—Докл. АН СССР. Серия В, 1931, № 3, с. 49.

⁷ См.: Лопарев Х. М. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности. Ч. I.—СПб., 1892, с. 212.

⁸ См.: Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. Ч. I.—СПб., 1882, с. 167, 345; Демин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности).—ТОДРЛ, т. 20, 1964; Протасьева Т. Н. Описание рукописей синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. I, № 577—819.—М., 1970, с. 206; Метанин В. А. Эпистолография.—Свердловск, 1970.

⁹ См.: Толстой Н. И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.).—В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 259.

¹⁰ См.: Карпов А. Б. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки.—Казань, 1878, с. 155; Соболевский А. И. Указ. соч., с. 118; Бабкин Д. С. Указ. соч., с. 334.

¹¹ Напечатаны в работе: Бабкин Д. С. Указ. соч., с. 335.

¹² Издана в кн.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты.—Л., 1978.

¹³ Глава напечатана в кн.: Вомперский В. П. Указ. соч., с. 188.

¹⁴ Бабкин Д. С. Указ. соч., с. 353.

¹⁵ Die Makarj-Rhetirik... Einleitung, S. 60.

¹⁶ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века.—Л., 1973; Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова.—Прага, 1976.

¹⁷ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VII. Труды по филологии 1739—1758 гг.—М.-Л., 1952, с. 790.

НГУЕН ТХИ ХОАИ НЯН

ВЬЕТНАМСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ТЕКСТАХ

Начавшееся более тридцати лет тому назад и непрерывно развивающееся и крепнущее экономическое, политическое и культурное сотрудничество между советским и вьетнамским народами сопровождается взаимодействием русского и вьетнамского языков. За этот период во вьетнамский язык вошли некоторые русские слова, отражающие советскую действительность: *большевик, комсомол, рубль, БАМ, казак, луноход* и другие. В свою очередь наблюдается определенное влияние и вьетнамского языка на русский, сказывающееся прежде всего на употреблении в русских текстах о Вьетнаме лексики вьетнамской, обозначающей реалии данной страны.

Русские тексты на вьетнамскую тематику состоят из оригинальных и переводных. К оригинальным относятся очерки, репортажи, публицистические статьи советских писателей, журналистов и других деятелей культуры Советского Союза, написанные в результате посещения Вьет-

нама, а также работы советских ученых о Вьетнаме. К переводным текстам относятся художественные, публицистические и научные произведения вьетнамских авторов. С 1946 по 1980 год только художественные произведения в переводе с вьетнамского на русский язык издавались в СССР более 250 раз общим тиражом 10 млн. экз.¹ Кроме этого, в Советском Союзе осуществляется издание многотомной «Библиотеки вьетнамской литературы». Большую роль в ознакомлении широкого круга советских читателей с историей, культурой, бытом, политической и экономической жизнью вьетнамского народа играет издающийся на русском языке с 1959 года ежемесячный журнал «Вьетнам».

Нами обследовано 45 текстов русских авторов, 24 переводных текста вьетнамских авторов и 200 номеров журнала «Вьетнам» (всего более 10 тысяч страниц). Из этих печатных источников выписано около 600 вьетнамских слов, не считая собственных личных имен, фамилий и географических названий. По семантике выписанные вьетнамские слова весьма разнообразны. Они могут быть разделены на три основные тематические группы: 1) слова, обозначающие географические вьетнамские реалии; 2) слова, обозначающие этнографические вьетнамские реалии; 3) слова, обозначающие общественно-политические вьетнамские реалии².

Группа слов, обозначающих географические вьетнамские реалии, состоит из названий ветров и дождей, названий местной фауны (птиц, животных, рыб, креветок, крабов, лягушек), названий местной флоры (деревьев, растений, сельскохозяйственных культур, овощей) и т. д., например: *ном* — влажный муссонный ветер, дующий со стороны Южно-Китайского моря; *нгау* — обычный для Северного Вьетнама затяжной дождь в седьмом месяце по лунному календарю; *бимбин* — похожая на ворона птица с коричневым оперением и красными крыльями; *ри* — маленькая птичка с черным клювом, похожая на скворца; *бо* — порода коров, предназначенных для пашни и мяса; *нук* — маленькая морская рыба, которая обычно используется для приготовления соуса ньюкмама, являющегося главной приправой национальной вьетнамской кухни; *чам* — большая пресноводная рыба, похожая на карпа; *хе* — разновидность больших морских креветок; *зачанг* — очень маленький краб, обитающий на прибрежном морском песке, где часто бывают приливы и отливы; *тяутянг* — разновидность длинноногой лягушки; *эть* — разновидность лягушек, мясо которых считается деликатесом; *гаунгво* — черный водяной жук; *нгао* — съедобная морская ракушка; *шо* — съедобная красная устрица; *вангтэм* — дерево с желтой сердцевиной и исключительно прочной древесиной; *лим* — железное дерево; *чэу* — высокое лиственное дерево, из семян которого добывают масло; *нян* — крупное дерево со съедобными плодами, имеющими коричневую кожуру и сладкую белую мякоть; *шау* — высокое дерево из семейства манговых с кисловатыми плодами; *шо* — разновидность конопли; *бачанг* — сорт риса, созревающего в течение трех лунных месяцев; *неп* — сорт ароматного клейкого риса с крупными зернами, содержащими молочно-белый сок; *муонг* — водяной вьюнок, используемый вьетнамцами для пищи; *кумай* — лесное растение со съедобными клубнями; *матиен* — ядовитое растение, используемое для приготовления лекарств; *бан* — растение семейства бобовых, распространенное в горных районах Северного Вьетнама; *муа* — дикорастущее растение с большими лиловыми цветами, напоминающими пионы; *банг* — высокое дерево с развесистой кроной и крупными листьями; *заунг* — широколистное водяное растение и другие.

Группу слов, обозначающих этнографические вьетнамские реалии, составляют названия разновидностей пищи, напитков, одежды, обуви, головных уборов, украшений, жилых и общественных построек, домашней утвари, орудий труда, профессий, земельных участков, танцев, музыкальных инструментов, видов искусств и фольклора, игр, праздников, праздничных ритуалов, мифологических и культовых понятий, денеж-

ных единиц, мер веса, длины и площади и т. д., например: *нэм* — жареный блинчик с мясной начинкой и специями, завернутыми в круглые тонкие листочки из рисовой муки; *ньюкмам* — соус из соленой рыбы; *баньтзынг* — новогодний по лунному календарю пирог из клейкого риса с начинкой из свинины и фасоли; *ком* — традиционное лакомство из недозревших зерен клейкого, богатого молочным соком риса; *луамой* — вьетнамская рисовая водка; *те* — напиток, приготовленный из муки, гороха или клубней с сахаром; *аозай* — женское национальное платье с двумя длинными подолами, длинными рукавами и маленьким стоячим воротником; *ием* — кусок материи, который прикрывает женскую грудь и завязывается на спине; *кхан* — головной убор в виде повязки, обычно черного цвета; *нон* — национальный головной убор вьетнамских мужчин и женщин, представляющий собой широкую конусообразную шляпу из пальмовых листьев; *кхань* — серебряное украшение в форме полумесяца, которое вешается на грудь детям; *коонг* — медный или серебряный браслет, который носят мужчины и женщины; *динь* — общинный дом в центре деревни или городского квартала; *куан* — небольшая лавка или харчевня, которая иногда служит и гостиницей; *сан* — покрытая лаком и украшенная резьбой или перламутровой инкрустацией жесткая тахта из дерева ценных пород; *тхап* — сосуд из фаянса или глины для хранения чая и сухих плодов арековой пальмы; *гань* — коромысло с двумя корзинами или ведрами; *куткит* — тачка на одном колесе; *лыонги* — врач, владеющий секретами народной медицины; *тянданг* — вьетнамский шахтер-эмигрант на Новых Гебридах; *рэй* — подсечно-огневое земледелие в горах Вьетнама; *ронгтьенг* — танец народностей горного плато Тэйнгуена; *данбау* — музыкальный инструмент виброфон-монохорд; *кхен* — духовой инструмент из собранных в обойму просверленных стволов бамбука различной толщины и длины; *тео* — разновидность музыкально-драматического театра, распространенного в Северном Вьетнаме; *куанхо* — народные песни Северного Вьетнама; *ли* — песенные напевы южного Вьетнама; *казао* — народное песенное стихотворение, построенное на чередовании шести- и восьмисложных строк; *фу* — старинная вьетнамская ритмическая проза; *куок-нгы* — современная латинизированная вьетнамская письменность; *ном* — вьетнамизированное иероглифическое письмо; *Тэт* — новогодний праздник по лунному календарю; *тотом* — азартная карточная игра; *куат* — танец с веерами; *рэланг* — праздничный ритуал победы над врагом у народностей бана; *донг* — основная денежная единица СРВ; *хао* — разменная денежная единица, равная $\frac{1}{10}$ донга; *иен* — старинная мера веса, равная 5 килограммам; *бат* — мера сыпучих тел, равная приблизительно литру; *тхьюк* — старинная мера длины, равная приблизительно 40 сантиметрам; *мау* — мера площади, равная 3600 квадратным метрам, и другие.

Группу слов, обозначающих общественно-политические вьетнамские реалии, составляют названия административно-территориальных единиц, населенных пунктов, органов власти, должностей, титулов, учреждений, сословий и каст, воинских подразделений, воинских званий и т. д., например: *тонг* — низшая административно-территориальная единица в старом Вьетнаме, объединяющая несколько деревень и входящая в уезд; *фу* — крупный уезд в старом Вьетнаме; *бан* — селение в горных районах Северного Вьетнама; *тхон* — поселок, деревня; *фо* — городской квартал; *куан* — общее название феодальных чиновников; *вьонг* — высший титул в феодальном Вьетнаме; *бо* — министерство; *быу-тинь* — почтово-курьерская служба; *чам* — почтовая станция; *динь* — совершеннолетний общинник в феодальном Вьетнаме; *дой* — подразделение армии в феодальном Вьетнаме, состоящее из 50 человек; *лан бинь* — военачальник в феодальном Вьетнаме, возглавлявший провинциальные войска; *конг-виекг* — государственная трудовая повинность в феодальном Вьетнаме; *тиен-тео* — пошлина, вносимая в общинную кассу семьей молодого человека в старом Вьетнаме, и другие.

Как видно из перечня встречающихся в русских текстах вьетнамских слов, все они являются существительными. Это еще раз подтверждает высказанное некоторыми исследователями положение о том, что современным языкам свойственна тенденция к обмену главным образом словами этой лексико-грамматической категории, от которых уже в заимствующем языке образуются по мере необходимости прилагательные и глаголы³.

Вьетнамские слова в русских текстах, как правило, объясняются авторами и переводчиками. Наиболее часто объяснения выносятся в сноски. При этом по своей полноте они бывают неодинаковыми, особенно когда речь идет о реалиях предметных. Вот только отдельные примеры объяснительных сносок к слову *нян*, взятые из различных текстов: «фруктовое дерево» (Нгуен Динь Бей. Рушатся берега. Перевод П. Алешина. М., 1970, с. 29); «фруктовое дерево, распространенное также в Китае под названием «личжи» (Нгуен Динь Тхи. Разгневанная река. Перевод П. Алешина. М., 1973, с. 20); «(лонгановая эуфория) — крупное дерево со съедобными плодами, которые растут гроздьями, имеют коричневую кожицу, черное семечко и сладкую белую мякоть» (Нгуен Гуан. Избранное. Перевод М. Ткачева. М., 1982, с. 215).

Нередко объяснения даются в самом тексте сразу же после введенного вьетнамского слова. Они оформляются или как вставные конструкции, или как приложения, или как самостоятельные пояснительные предложения, например: *Кроме таких музыкальных инструментов, как ни (двухструнный смычковый инструмент), флейта, кхен (многоствольный духовой инструмент), у мыонгов есть еще один своеобразный инструмент — медный гонг* («Вьетнам», 1976, № 4, с. 13); *Предстоит обед по-вьетнамски: на первое — «фо», терпкий суп с лапшой, в который обязательно добавляется «ныок-мам» — соленый соус из рыбы* (Е. В. Кобелев. Вьетнам — любовь и боль моя. М., 1971, с. 10); *Потом находят другое дерево — «шен». Это лаковое дерево* (Юлиан Семенов. Вьетнам — Лаос. 1968. М., 1969, с. 102).

Встречаются также случаи, когда объяснения предшествуют вьетнамским словам. Так бывает обычно при использовании вьетнамских слов как приложений к русским описательным наименованиям соответствующих вьетнамских реалий, например: *Я заказал себе немножечко рисовой водки — «луамой»* (Юлиан Семенов. Вьетнам — Лаос. 1968. М., 1969, с. 96); *Они возвращаются домой, нарвав пушистых соцветий дикого сахарного тростника, что идут на набивку мягких теплых тюфяков — защиты от студеного северного ветра бэк, холодного осеннего ветра хео и сухого резкого ветра хань* (Нгуен Гуан. Избранное. Перевод М. Ткачева. М., 1982, с. 409); *Повзрослев, она опускала на лоб конусообразную белую шляпу из пальмовых листьев — «нон», чтобы никто не видел ее грустных глаз* («Вьетнам», 1982, № 7, с. 28); *У вьетов кроме небольших лодок «линъ» имелись крупные корабли «тулы», а также корабли с высокими палубными надстройками и подводным килем* (А. И. Мухлинов. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977, с. 142).

По степени употребительности в русских текстах вьетнамские слова неодинаковы. Наиболее употребительными являются те, которые обозначают реалии современной жизни вьетнамского народа, а из них — названия видов одежды, пищи, орудий труда, денежных единиц, единиц измерения и некоторые другие. Менее употребительны слова, в самом вьетнамском языке являющиеся историзмами. Они встречаются только в русских текстах о жизни вьетнамского народа прошлых эпох.

Обозначая специфические местные реалии, не поддающиеся или трудно поддающиеся переводу, вьетнамские слова в русских текстах выполняют прежде всего номинативную функцию. Тем не менее велика их роль и как стилистических средств создания вьетнамского национального колорита.

Ни одно из выписанных нами из русских текстов вьетнам-

ских слов не зафиксировано в толковых словарях русского языка. А это свидетельствует о том, что они пока что не стали принадлежностью его лексической системы. Однако можно предполагать, что со временем отдельные вьетнамские слова, процесс освоения которых уже начался, войдут в русский язык. Вот почему всестороннее изучение встречающихся в русских текстах вьетнамских слов как потенциальных слов русского языка и его стилистических средств имеет большое теоретическое и практическое значение.

¹ Социалистическая Республика Вьетнам: Справочник.— М., 1981, с. 102.

² Такая предметная классификация реалий принята некоторыми учеными. См.: Влахов Сергей, Флорин Сидер. Непереводимое в переводе.— М., 1980, с. 51.

³ См.: Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования.— Вестн. АН Каз. ССР, 1959, № 5, с. 43.

ДО ТХИ БАК НИНЬ

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ НА СЛОГОВОМ УРОВНЕ В РУССКОЙ РЕЧИ ВЬЕТНАМЦЕВ

Вьетнамский язык относится к языкам слогового, а русский — фонемного строя. Значит, если в русском языке центральной единицей фонетической системы является фонема, то во вьетнамском — слог. Но такое понимание не исключает наличия фонем как дифференциальных единиц в фонетической системе вьетнамского языка. Именно фонологические особенности и вместе с ними фонетические различия русской и вьетнамской языковых систем вызывают ряд орфоэпических отклонений на всех фонетических уровнях в русской речи вьетнамцев. В данной статье рассматриваются отклонения на слоговом уровне в рамках слова.

Если в русском языке фонема (хотя и не всегда) может выступать на другом, более высоком уровне, как морфема, то во вьетнамском языке аналогичную функцию выполняет слог. Во вьетнамском языке граница слога совпадает с границей морфемы, а в русском языке деление на морфемы не связано с границей слога и не всегда имеет общую границу с фонемой. Русский слог представляет собой, как правило, сочетание согласного (или согласных) и гласного, стоящих последовательно друг за другом в потоке речи, т. е. является синтагматической единицей, а вьетнамский слог выступает как многоступенчатая парадигматическая единица. В состав вьетнамского слога входят три элемента: 1) тон — надсегментная единица, выступающая в функции независимой фонемы, обычно различающей шесть морфем в одном звуковом составе слога, 2) инициаль (начальный согласный), 3) финаль (остальная часть слога). Финаль в свою очередь делится на 1) медиаль (промежуточный звук), 2) централь (слоговой гласный) и 3) завершающий звук¹.

Если в составе слога вьетнамского языка тон и финаль являются обязательными компонентами, то для финали обязательным элементом является слоговой гласный. Таким образом, экспоненты во вьетнамском слоге, выполняющие различительную функцию, входят в состав слога не непосредственно, сами по себе, а объединяются в финаль как целостную единицу, которая имеет свои фонетическую и фонологическую характеристики. Фонологически элементы финали находятся во взаимоотношении между собой. Тесная фонологическая связь элементов финали фонетически выражается сильным примыканием завершающего согласного к предыдущему гласному. Завершающий звук финали, сильно изменяя предыдущий звук, сам подвергается изменению.

Если в русском языке соответствующие начальные и конечные согласные, различаясь акустически и артикуляторно, находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то во вьетнамском языке они не идентичны не только фонетически, но и фонологически. Роль инициали выполняют почти все согласные вьетнамского языка, а роль завершаю-

Тон			
Инициаль	финаль		
	медиаль	централь	Завершающий звук

toan̄ (tuān²)

Второй тон			
t	uān		
	u	a	n

щего звука — только шесть имплозивных согласных $p^>$, $t^>$, $k^>$, $m^>$, $n^>$, $\eta^>$ и два полугласных i и u . Таким образом, во вьетнамском языке первый из двух интервокальных согласных, как правило, относится к предыдущему слогу, делая его закрытым. Иначе говоря, вьетнамскому слогу чуждо стечение согласных, тогда как в русском языке стечение согласных встречается часто. При этом неконечный слог всегда открытый². (Ср. Viet nam во вьетнамском языке и Вьетнам в русском). Причиной открытости неконечного слога в русском языке служит эксплозивное произношение первого согласного из интервокального сочетания согласных.

Фонологические и фонетические структурные различия слога в русском и вьетнамском языках вызывают многочисленные фонетические ошибки в русской речи вьетнамцев. Эти ошибки выражаются прежде всего в нарушении правил слогораздела русского языка. Ошибки в нарушении норм русского слогораздела, допускаемые вьетнамцами, можно объединить в три группы. Первую группу составляют нарушения места слогораздела, которые не сопровождаются другими фонетическими ошибками. Ко второй группе относятся отклонения от норм русского слогораздела, сопровождаемые фонетическими ошибками. В третью группу входят ошибки, возникающие в результате вставки (эпентезы) в русский слог одного из пяти завершающих согласных вьетнамского слога или j , что приводит к превращению русского открытого слога в закрытый. Рассмотрим типичные ошибки каждой из указанных групп.

Отступление от норм русского слога деления обычно происходит в словах типа ро(д[>])-ной, толь-ко, быс-тро, а(ф)-тодело, когда говорящий проводит слогораздел между двумя согласными благодаря маленькой паузе после первого согласного. В этом случае качество согласных остается неизменным, меняется только граница слога деления в составе слова. Нарушение слога деления этого типа обусловлено, во-первых, отсутствием во вьетнамском языке стечения согласных; во-вторых, отсутствием у говорящих привычки произносить слитно многосложные слова русского языка. К первой группе относятся также ошибки, которые являются нарушением правила произнесения открытых слогов. Это связано с тем, что говорящий не овладел в достаточной мере способами распределения дыхания при произнесении русского слова. Истратив выдыхаемый воздух на образование предыдущих слогов, он делает паузу после открытого слога в середине слова, например: девяти-сотом, автодело, металлу-ргического.

Вторую группу ошибок составляют отклонения от норм русского слогораздела, вызываемые искажением артикуляции первого звука из интервокального сочетания согласных. Эти ошибки могут быть фонети-

ческими и фонологическими. Фонетические ошибки наблюдаются, как правило, в сочетаниях согласных, начинающихся одним из звуков *п, т, к, м, н* или *й* в интервокальной позиции. Звуки *п, т, к, м, н* вместо того, чтобы произноситься эксплозивно и в соответствии с законами русского слога деления относиться к следующему слогу (*ла-пша, а-птека, о-ткрытых, Вьет-нам, дире-ктор, э-кскурсия, по-мнить, у-мный, ко-нверт, по-нравиться*) в русской речи вьетнамцев артикулируются импловивно, примыкая к предыдущему гласному по законам строения слога вьетнамского языка (*лап>-ша, ап>-тека, от>-крытых, Вьет>-нам, дирек>-тор, эк>-скурсия, пом>-нить, ум>-ный, кон>-верт, пон>-равиться*). Иными словами, теряя фонологическую независимость, согласные *п, т, к, м, н* в соответствии с законами вьетнамского слога начинают выступать как завершающие элементы финали слога. Зависимость завершающего согласного фонетически выражается его сильным примыканием к предыдущему гласному. Этот образовавшийся слог в русской речи вьетнамцев начинает произноситься с одним из шести тонов, составляющих тональную систему вьетнамского слога. Чаще всего этот слог произносится с пятым тоном. Что касается фонетических ошибок, связанных с произношением согласного *й* в русской речи вьетнамцев, то они проявляются в следующем. Если в русском языке слог может начинаться или заканчиваться звуком *й*, то во вьетнамском слоге *й* выполняет только функцию завершения слога. Поэтому вместо (*м* ^ — *jái*), (*и*^о — *jó*), (*н'*^и — *jó*), в русской речи вьетнамцев наблюдаются (*м* ^ *i—zi*), (*эi—ó*), (*н'эi—ó*).

Фонологические отклонения от правил слогораздела русского языка могут сопровождаться в русской речи вьетнамцев заменой первого согласного из сочетания смежных согласных другой фонемой. Изменение согласных в русской речи вьетнамцев происходит здесь по следующим правилам: *п', б, ф, ф', в* произносятся как *п>* (*приспосо-п'те* → *приспосоп>-те, о-бнял* → *оп>-нял, по-(ф)торять* → *поп>-торять, пригото-(ф')-ся* → *приготоп>-ся, мавзолей* → *мап>-золей*); *т, д, д', с, с'* — как *т>* (*отме-(т')е* → *отмет>-те, по-двал* → *пот>-вал, хо-(д')ба* → *хот>-ба, быстро* → *быт>-тро, пи-с'мо* → *пит>-мо*); *г, γ* как *к>* (*во-(г)зал* → *вок>-зал, ле-(γ)ко* → *лек>-ко*); *л, л'* — как *н>* (*во-лноваться* → *вон>-новаться, факу-(л')тет* → *факун>-тет*); *н* — как *η* (*а-нглийский* → *аη-глийский*); *р* — как *к>*, *к°*, (*△*) (*но-рмально* → *нок>-мально, нок°-мально, Артур* → *Ак>-т(у △), бу-ржуазный* → *б(у △)-жуазный* и др.). Звук *п'* начинает произноситься в речи вьетнамцев как *п>*, потому что теряет мягкость и эксплозивность. Звук *б* превращается в *п>*, потому что во вьетнамском языке в подобной позиции стоит не звонкий, а глухой импловивный *п>*. Произнесение *п>* на месте русских *ф, ф', в* объясняется близостью этих звуков и вьетнамского *п>* по месту образования. Сходством по месту образования или и по месту, и по способу образования объясняется превращение в речи вьетнамцев русских *т, д, д', с, с'* в *т>*, *г, γ* — в *к>*, *л, л'* — в *н>* или смешанный *н* и *л*. Отклонения от нормы в произношении *л* и *л'* встречается почти у всех вьетнамцев, говорящих на русском языке. А артикулирование [η] вместо *н* обычно характерно только для тех вьетнамцев, которые знают другой иностранный язык, обычно английский. Звук *р*, примыкая к предыдущему гласному, в русской речи вьетнамцев произносится как *к>* или как вторая часть дифтонга [у △], что вполне согласуется с правилами слогостроения современного вьетнамского языка.

В третьей группе объединяются нарушения правил слогораздела в русской речи вьетнамцев, связанные со вставкой (эпентезой) нового звука в произносимое слово. Вставка обычно обнаруживается в случае, если в интервокальной позиции стоит один из согласных *п, т, к, м, н* или сочетание согласных, начинающееся одним из указанных консонантов. Начальный согласный сочетания или одиночный согласный здесь произносится вьетнамцами как удвоенный. В результате этого слог, предшествующий удвоению, становится закрытым, например, *те-пло* → *теп>-*

пло, э-то — эт>-то, из университе-та — из университет>-та, на реке → на рек>-ке, уро-ки → урок>-ки, ку-кла → кук>-кла, о-коло → ок>-коло, с гро-мом → с гром>-мом.

Как видим, орфоэпические отклонения на слоговом уровне в русской речи вьетнамцев обусловлены в первую очередь влиянием артикуляционных особенностей вьетнамского языка. Эти нарушения могут быть изжиты в процессе длительной работы учащихся-вьетнамцев над русским произношением.

¹ В данной статье принята схема слога Доан Тхиен Тхуата. См.: Doan Thiên Thuật. Ngu' âm tiếng Việt.— Hanoi, 1977, с. 88.

² См.: Бондарко Л. В., Павлова Л. П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы.— Русский язык за рубежом, 1967, № 4, с. 19.

Н. А. ГОНЧАРОВА

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ У ГЛАГОЛА FACERE (На материале классической и постклассической латыни)

Все многообразие значений глагола *facere* в латинском языке можно свести к определенной сумме лексико-семантических вариантов, определяемых функциональным фактором. Так, например, самостоятельное употребление изучаемого глагола способствует реализации терминативной семантики, которая предполагает достижение предела действия, его результат («сделать что-то, что будет существовать», «изготовить», «создать»: *pavem facere сделать корабль*).

Показателем максимально обобщенного значения *facere* является использование его в качестве глагола-заместителя. В этой роли он выражает своим содержанием любое конкретное действие или состояние: *Varus legiones ex castris educit. Facit idem Curio.* (Caes. B. c. 1,27, 7.) *Вар вывел легионы из лагеря. То же делает Курион.* Характерно, что в данном случае *facere* испытывает на себе семантическое воздействие слов дистантного окружения, с которыми коррелирует по смыслу в силу своего обобщенного значения глагола широкой семантики. Фактитивное или побудительное значение мы наблюдаем при использовании глагола «делать» в некоторых разновидностях служебной функции. Суть фактитива или каузатива заключается в том, что «субъект не сам действует, а заставляет выполнять действие».¹ *Facere* как глагол фактитивный способен выражать своим значением побуждение к действию, или его причину.

Исследование показало, что общее категориальное значение фактитивности проявляется в разной степени у изучаемого глагола и всегда в зависимости от определенной синтаксической сочетаемости. В частности, во всех случаях сочетания с предикативным атрибутом глагол характеризуется внутренней фактитивной окраской, выражающейся в значении «заставить кого-нибудь принимать то или другое состояние или вид»: *facere consulem (felīcem, suum etc.) делать консулом* (счастливым, своим и т. п.). *Me ... consulem fecistis.* (Cic. Leg. agr. 1,3). *Вы сделали меня консулом.* Связывая признак с объектом, *facere* может сочетаться с широким кругом именных частей: прилагательными, существительными, местоимениями, причастиями прошедшего и настоящего времени, выполняя при этом служебную функцию связочного глагола. Е. Таммелин подчеркивает, что *facere* единственный из фактитивных глаголов, который употребляет причастие настоящего времени в качестве предикатива.²

Подлинным каузативом в латинском языке служили глаголы сложные с *facere* типа *calefacio нагреваю, согреваю, fervefacio нагреваю, кипячу* и т. п. Упомянутые глаголы, передающие общее значение «приведение в данное состояние», были весьма продуктивны. В общей сложности на-

считывают 78 таких образований. Высокую продуктивность глаголов типа *calefacio* объясняют потребностью языка в каузативных глаголах. Число других глаголов, способных к передаче побудительного значения, было ограничено в латинском языке двумя глагольными парами, противопоставленными по признаку переходности — непереходности: *fugēre* — *fugāre*, *jacēre* — *jacāre*. Глаголы типа *calefacio* состоят из основы на *-e* и *facēre*. Относительно происхождения основы на *-e* существует интересное в связи с дальнейшим изложением предположение Дееке³, согласно которому она восходит к инфинитиву (*calefacēre* < *calere* + *facēre*). Кстати сказать, единого мнения в научной литературе по этому поводу нет. Основа на *-e* определяет собой лексическое содержание синтетического образования, глагол *facēre* выполняет в нем служебную функцию вспомогательного глагола и привносит общую побудительную окраску. Ср. *calēre* *быть теплым*, *calefacēre* *становиться теплым, нагревать*. В архаической латыни встречаются случаи раздельного написания компонентов, на основании чего можно сделать вывод о сравнительно позднем происхождении синтетических образований: *Ferve bene facito* (Cato. Agr. 157,9). Однако несмотря на раздельное написание, словосочетание характеризуется цельностью номинации. Семантически и функционально оно эквивалентно цельнооформленному глаголу.

Фактитивная окраска в конструкции с предикативным атрибутом, а также каузация глаголов типа *calefacio* могли служить предпосылкой для дальнейшего развития побудительного значения у *facēre*. И действительно, конкретную реализацию это значение получило в конструкциях с конъюнктивом и инфинитивом. Модификация значения *facēre* в сторону его каузации достаточно отчетливо проявилась в литературном латинском языке классического и постклассического периодов, что позволяет отграничить побудительное значение как особый вид значения в семантической сфере глагола и связанного с ним функционирования. Грамматисты отмечают⁴, что литературной конструкцией дополнения при *facēre* со значением побуждения к действию было придаточное предложение с *ut* *objectivum*: ... *tamen faciam, ut intelligas quid hi de te sentiant*. Cic. Cat. 8. 20. *Однако я заставляю тебя понять, что думают о тебе окружающие*.

Следует заметить, что в конструкции с *ut* *objectivum* исследуемый глагол выражает различные оттенки побуждения: «заставить, добиться, стараться»: *Virtus facit, ut eos diligamus, in quibus ipsa inesse videatur*. Cic. Off. 1,56. *Добродетель заставляет нас любить тех, в ком она сама находится*. ...*facies, ut rursus plebs in Aventinum sevocanda esse videatur*. Cic. Mur. 7, 15. *Ты добьешься того, что плебс снова удалится на Авентин*. *Milo ... fecit, ut jus experiretur, vim depelleret*. Cic. Sest. 42, 92. *Милон постарался, чтобы право возобладало, а насилие было устранено*. В отдельных случаях имеет место лишь скрытое значение побуждения, сближающееся со значением при предикативном атрибуте. *Haec magnitudo maleficii facit, ut ... credibili non sit*. Cic. Rosc. 24, 68. *Но сама тяжесть злодеяний делает его невероятным*. Ср. ... *venerabiles ac sanctas (eas) fecit*. Liv. 1, 20, 4. *Он сделал их уважаемыми и неприкосновенными*. Характерное каузативное значение приобретает *facēre* в конструкции с конъюнктивом, употребляясь в форме страдательного залога. На русский язык в таком случае он переводится словами «в результате», «благодаря»: *Factum est opportunitate loci... ut ne unum quidem nostrorum impetum fecerent* ... (Caes. B. G. 19, 3). *В результате выгодного местоположения неприятель не выдержал даже первого нашего натиска*.

В противоположность индикативным формам императивные формы глагола *facēre* могут участвовать в создании бессоюзных сложноподчиненных предложений: *Tu pos fac ames*. Cic. Fam. 5, 9, 2. *Ты люби нас*. *Fac ames* — своего рода описательная конструкция для выражения энергичного приказа. В служебном плане *fac* является лишь формальным показателем модальности следующего за ним глагола. Семантический

анализ показывает, что в конструкции с конъюнктивом *facēre* обладает широким спектром выражения значения побудительности от эксплицитно выраженных («заставить», «добиваться», «стремиться» и т. п.) до скрытых значений, выражающих лишь внутреннюю фактивную окраску. Обладая способностью выражать побуждение вообще, *facēre* может замещать собой различные полнозначные глаголы волеизъявления. Причем, если полнозначные глаголы, относящиеся к семантической группе *studii et voluntātis*, выражают волеизъявление своим собственным лексическим значением в личной форме, то у глагола *facēre* оно обусловлено всей конструкцией в целом.

Наиболее четко и определенно значение побуждения к какому-либо действию выразилось в конструкции *facēre* с инфинитивом. Конструкция привлекала пристальное внимание ученых, занимающихся исследованием как латинского, так и романских языков (Р. Кюннер, Д. Норберг, Ф. Тильманн, Е. А. Реферовская и др.). Большинство ученых придерживается мнения, что данная конструкция возникла и распространилась как субститут конструкции *facēre + ut conjunctivus* в результате семантической близости. В то время как литературной конструкцией в латинском языке было сочетание *facēre* с *ut(ne) objectivum*, народный язык охотно пользовался инфинитивом, что подтверждается примерами из архаической латыни: ... *cum soles eadem facient langiscere longe* (Enn. Ann. 425, 5). *Когда, наконец, жара заставляет изнемогать*. Внутренней причиной возникновения конструкции *facēre + инфинитив* считают необходимость в более кратком, но выразительном способе передачи побудительного значения. Развиваясь на почве народного языка, в литературную латынь конструкция проникала робко и неуверенно. Наблюдения показали, что в классической латыни она лишь спорадически встречается в прозе и несколько чаще в поэзии; в прозе постклассической латыни (Петроний, Апулей) она также встречается крайне редко.

В конструкции с инфинитивом *facēre* приобретает значение, свойственное *verba iubendi*: *nulla res magis... tales oratores videri facit, quales ipsi se videri volunt*. (Cic. Brut. 146). *Ничто не заставляет ораторов казаться таковыми, какими они хотели казаться*. *Nos me telum flere facit*. Ov. Met. 7, 690. *Это копье заставляет меня плакать*. Для языка Петрония и Апулея характерно употребление архаической формы *faxo* в побудительном значении. В конструкции с инфинитивом наблюдается семантическое сближение исследуемого глагола с глаголами модальными: она приобретает значение объективирующего волевого акта. Роль сказуемого выполняет конструкция в целом. *Facēre*, являясь неотъемлемой частью сказуемого, оформляет его с точки зрения общих категориальных значений и привносит в конструкцию характерное побудительное значение. Именно конструктивная обусловленность значения отличает *facēre* от полнозначных модальных глаголов, которые сохраняют свое значение в любом сочетании. *Facēre* с инфинитивом представляют собой единое смысловое и синтаксическое целое. В более типичной для латинского языка конструкции *fac* с *accusativus cum infinitivo* глаголу свойственна утрата конкретного значения. Он уподобляется по своим семантико-функциональным признакам модальному слову («пожалуй», «допустим», «представь себе», «как будто»). *Fac me timidum esse natura*. Cic. Pro S. 22, 56. *Допустим, что я боязлив от природы*.

Итак, можно отметить, что глагол *facēre* в латинском языке был не только главным выразителем материального действия (*verbum operandi*), абстрактного действия (*verbum faciendi*), но и действия побудительного (*verbum studii et voluntātis*). Побудительное значение обуславливалось конструктивно в сочетании с предикативным атрибутом, в *composita* с *facēre*, в сочетаниях глагола с конъюнктивом и инфинитивом. Общая широкая семантика глагола *facēre* способствовала подобному семантическому сдвигу. Действие вообще и побуждение, предполагающее воздействие в широком смысле слова, могли мыслиться как достаточно близ-

кие понятия. Переход от значения «сделать так, чтобы...» к значению «заставить» логически обоснован.

¹ См.: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов.— М., 1960, с. 131.

² См.: Tammelin E. De participiis. Priscæ latinitatis quaestiones syntacticae.— Helsingfors, 1889, s. 65.

³ См.: Deecke. Facere und fieri in ihrer Komposition mit anderen Verben.— Strassburg, 1873.

⁴ См.: Kühner R. Ausführliche Grammatik der lateinische Sprache. Bd. 2, Syntaxis.— Hannover, 1879.

ХАННА ВАДАС-ВОЗЬНЫ

К ВОПРОСУ О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

На основе исследований явления так называемого трансфера¹ в психологии был сделан вывод о том, что человеку присуща способность переносить знания, умения, навыки, приобретенные в одной области, на сходные или аналогичные в другой области. Такой же феномен мы наблюдаем в процессе освоения иностранного языка. Учащиеся проявляют тяготение к переносу ранее усвоенных правил строения фонологических, грамматических, семантических структур на новый, впервые изучаемый языковой материал. Если новый языковой материал тождествен старому, изученному, то можно говорить о положительном трансфере. Если же старый и новый языковые материалы отличаются друг от друга, обычно происходит явление так называемого отрицательного трансфера, **интерференции**. Таким образом, интерференция означает лишь отрицательное влияние языковых умений на процесс освоения нового языкового материала. «Главное отличие переноса от интерференции в его сознательном характере и в определении рамок допустимого трансфера»². Отсюда следует, что интерференция ведет к ошибочному употреблению языковых конструкций или вообще к построению ошибочных, неправильных моделей под влиянием ранее приобретенных умений. Причем это отрицательное влияние нередко имеет двустороннее направление: родной язык оказывает влияние на иностранный и наоборот³. Вслед за Г. Коморовской мы выделяем межъязыковую интерференцию (воздействие в рамках более чем одного языка) и внутриязыковую интерференцию (воздействие только в пределах одного языка — родного или иностранного).

Приведем примеры межъязыковой интерференции, отмеченные нами в зачетных работах студентов-поляков Седльцкого сельскохозяйственно-педагогического института (ПНР). Для описания интерференции мы использовали схему $S \rightarrow R$, предложенную Л. Блумфильдом и разработанную Л. Якобовитсом⁴, где S — стимул, R — реакция. S — это не только внешние, ситуативные возбудители, импульсы, побуждающие субъект к высказыванию, но и весь набор внутренних мотивировок, под воздействием которых субъект произносит речь на иностранном языке даже тогда, когда нет толчка извне. Таким образом, S включает все причины появления у субъекта необходимости что-то сказать (написать) на иностранном языке. В свою очередь, R есть множество всех высказываний учащегося, оформленных на иностранном языке. Эта схема позволяет констатировать, что причины, порождающие интерференцию, сводятся к **обобщению стимула** или же к **обобщению реакции**⁵. Обобщение стимула и есть основная причина возникновения отрицательного трансфера в ходе усвоения, закрепления данного языкового умения, а также в случае влияния ранее усвоенного умения на усваиваемое. Суть обобщения стимула состоит в том, что непосредственно после выработки умения связывать один стимул S_1 с соответствующей речевой реакцией R_1 учащийся стремится к такой же речевой реакции в случае сходных лишь по некоторым признакам стимулов $S_2, S_3, \dots, S_n$. В итоге получают, например, высказывания с неправильным употреблением предлогов: «Я пойду на бас-

сейн — вместо: в бассейн, по аналогии с польским «na basen»; «Baśka poszła na kuchnię — вместо: do kuchni, по аналогии с русским «на кухню»; «2 умножить через 3» — вместо: на 3, по аналогии с польским «przez»; «Данка горит со стыда» — вместо: сгорает от стыда, ср. польск. «palić się ze wstydu».

Нередко наблюдается неправильный порядок слов в предложении, причиной которого является обобщение стимула: «Человеку даны природой органы речевые» — вместо: речевые органы, по аналогии с польск. «narządy głosowe»; «Биологические часы, которых стрелки показывают время точно так же, как часы-будильник» — вместо: «часы, стрелки которых». (Относительное местоимение «который», соединяющее придаточное предложение с главным, в польском языке обычно стоит в начале придаточного предложения, а в русском языке оно всегда следует после главного слова того словосочетания, в состав которого входит.)

Обобщение стимула порождает и такие ошибки, как соединение в речи лексически или синтаксически несочетаемых единиц: «Неандертальца встретила печальная судьба» — ср. польск. «spotkał go smutny los»; «Какие же возможности продолжения жизни человека имеются у нас сегодня?» — вместо: продления, ср. польск. «przedłużyć życie»; «В человеческом организме действительно ходят живые биологические часы» — вместо: идут часы, ср. польск. «zegarek chodzi»; «Степень овладения этих важных умений зависит от воспитателя» — вместо: степень овладения этими важными умениями, ср. польск. «stopień opanowania tych ważnych pawuków»; «Процесс общего развития и достижения через личность полной зрелости продолжается у человека довольно долго» — вместо: процесс достижения личностью полной зрелости, ср. польск. «proces osiągnięcia przez osobnika pełnej dojrzałości».

Наблюдения показывают, что обобщение стимула имеет место до тех пор, пока учащийся отмечает лишь те черты данного стимула, которые характерны и для других стимулов. Трудности исчезают, когда ученик «схватывает» специфические, отличительные черты данного стимула.

Кроме обобщения стимула, как мы уже отметили, допускаются ошибки интерферентного характера, вызванные обобщением реакции. Они встречаются тогда, когда две разные языковые реакции ничем не связаны друг с другом, когда нет никакого связующего элемента. Возникает вопрос: что же тогда вызывает интерференцию? Решающим фактором является частотность употребления учащимися одной из нескольких языковых реакций⁶. Итак, высказывания учащегося нередко содержат элементы языковых конструкций, ранее усвоенных, хотя они никак не связаны с конструкцией, используемой в данный момент. В более выгодном положении находится тот элемент, который лучше закрепился в памяти учащегося. В качестве примера можно привести нередкие случаи недопонимания, когда русские спрашивают у пассажира-поляка: «Вы выходите на следующей остановке?» и тот отвечает: «Нет, я сейчас выхожу!» Оказывается, польский пассажир, несмотря на то, что он осознает разницу между польским «następny przystanek» и русским понятием «следующая остановка», реагирует неправильно.

Подводя итоги нашим рассуждениям, можно сказать, что ошибки интерферентного характера свидетельствуют или о недостатках, связанных с процессом порождения текста (частотность употребления учащимися отдельных языковых структур, конструкций), или о недостаточной языковой компетенции учащихся, вытекающей из восприятия стимула без соответствующего анализа его специфических характеристик.

Межязыковая интерференция и невысокий уровень знания структуры иностранного языка — объективные причины возникновения ошибок в речи говорящего на этом языке. Поэтому учителю необходимо заботиться о «профилактике» интерференции уже на начальном этапе обучения иностранному языку, с тем чтобы впоследствии не переучивать учащихся путем ликвидации застарелых отрицательных языковых навыков (когда они уже автоматизировались). Отсюда огромное значение приоб-

ретают правильный отбор языкового материала и постановка методических задач по обучению неродному языку¹.

¹ См.: Rubinsztein R. L. Podstawy psychologii ogólnej.— Warszawa, 1962.

² Супрун А. Е. Лекции по лингвистике.— Минск, 1980, с. 86.

³ Komołowska Hanna. Nauczanie gramatyki języka obcego a interferencja.— Warszawa, 1980.

⁴ См.: Блумфильд Л. Язык.— М., 1968; Jakobovits L. Foreign Language Learning: A Psycholinguistic Analysis of the Issues.— Rowley, Massachusetts, 1970.

⁵ См.: Komołowska Hanna. Указ. соч., с. 113.

⁶ Там же, с. 114.

⁷ См.: Супрун А. Е. Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе.— Минск, 1974.

О. И. ВАСЮЧКОВА

О ВЛИЯНИИ НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА НА ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ТЕРМИНА

Как известно, общеупотребительная лексика является одним из основных источников формирования терминов. В результате такого образования одна и та же лексема получает возможность параллельного функционирования как в специальном, так и в неспециальном контексте. С целью определения, влияют ли семантические характеристики слов-нетерминов на функционирование образованных от них терминов, нами проанализировано использование английских прилагательных с общим семантическим компонентом формы в контексте так называемых точных наук — математики и физики (будем по традиции называть их точными, хотя уже в целом ряде исследований отмечалось, что точность специального словаря точных наук относительна). Анализу подверглись следующие члены данной микросистемы: round, straight, square, sharp, flat, curved, blunt, oval, oblong, cubic, convex, concave.¹

Эти прилагательные неоднородны по своим семантическим свойствам: первые пять — высокочастотные, широкозначные слова, остальные — слова с более узкой, конкретной семантикой и невысокими частотными показателями.

Анализ фактического материала выявил интересную закономерность: реальная встречаемость рассматриваемых прилагательных в указанных специальных контекстах обратно пропорциональна их частотным показателям: чем более высокий частотный показатель слова, тем ниже число его употреблений в контексте точных наук. Так, на 2000 страниц физико-математических текстов, взятых из оригинальных источников, в основном значении формы прилагательное round используется лишь 4 раза, square — 12 раз (устойчиво сохраняясь только в традиционных терминологических словосочетаниях типа square root, square metre, centimetre), sharp — 4 раза.

Идеальный термин представляется ученым как слово или словосочетание, имеющее «определенное, специально оговоренное предварительно значение, ... в принципе не возбуждающее каких-либо влиятельных добавочных ассоциаций»². Видимо поэтому «не приживаются», если можно так выразиться, многозначные, высокочастотные лексемы в терминосистемах точных наук, образованные от них термины как бы наследуют, по справедливому замечанию Н. Б. Мечковской³, многоплановость специального употребления. Очевидно, бытовые связи, оттесненные терминологическим значением, продолжают свое потенциальное существование, препятствуя тем самым многозначным или же широкозначным словам стать полноценными терминами.

Наблюдения показывают, что «забракованная» лексика заменяется другими, функционально ее компенсирующими средствами: описательными оборотами, интернациональными словами, другими менее частотными

лексемами с тем же значением. Наблюдается «одна из основных тенденций всякого подлинного термина — элиминирование всего «нетерминированного», что и оправдывает термин «terminus», то есть граница»⁴. Так, вместо высокочастотного, широкозначного прилагательного *round* используется его менее частотный латинский эквивалент *circular*, а также описательный оборот *in the form of a circle*; вместо прилагательного *square* широко используется описательный оборот *in the form of a square*, а также слова, принадлежащие к интернациональной лексике — *quadrice*, *quadrate*; вместо *sharp* функционирует его менее частотный синоним *acute*.

Несколько в стороне от описанных находятся лексемы *flat* и *straight*. Будучи также многозначными, высокочастотными прилагательными, они, однако, не подверглись такому же почти тотальному вытеснению из подязыков физики и математики, как другие члены исследуемой ЛСГ с аналогичными характеристиками, но и не являются единственными выразителями соответствующих понятий в данных специальных подязыках, сосуществуя с их менее частотными эквивалентами: *flat* — *plane*, *straight* — *right*. Показательно, что употребление прилагательного *flat* в современных физико-математических текстах значительно ниже, чем, допустим, в аналогичных текстах 30—40-х годов; отмечается предпочтительное использование его менее частотного синонима *plane*. Этот факт можно расценивать как намечающуюся тенденцию к вытеснению многозначного *flat* из подязыков точных наук.

Прилагательное *straight* также имеет ограниченную сферу употребления, в основном, как часть составных терминов *straight line* и *straight angle*, тогда как параллельно с ним широко используется другой синонимический вариант *right*, чаще всего в составе терминологических словосочетаний *right angle* и *right bisectrix*.

На примере синонимической пары *straight* и *right* можно наглядно продемонстрировать нежелательность употребления синонимов в терминотерминах той или иной науки: так, определяя в геометрии одно и то же существительное *angle*, они, однако, соответствуют разным математическим понятиям: если составной термин *straight angle* обозначает развернутый угол, равный 180° (т. е. буквально — угол в виде прямой линии), то *right angle* — угол, равный 90° , т. е. прямой угол, что, однако, не всегда верно интерпретируется при переводе на русский язык (даже в таком авторитетном источнике, каким является «Большой англо-русский словарь» под редакцией И. Р. Гальперина (М., 1977), приводится неверный перевод составного термина *straight angle* как прямой угол, несомненно под влиянием синонимических связей рассматриваемых прилагательных).

Небезынтересно заметить, что в русской языковой традиции с прилагательными формы сложилась несколько иная ситуация: в математических текстах широко употребляются такие высокочастотные, широкозначные прилагательные, как *квадратный*, *круглый*, *острый*, *плоский*, не вытесняясь и не заменяясь какими-либо другими языковыми средствами. Однако, это вполне объяснимо: что касается прилагательного *квадратный*, то этот латинизм не имеет какого-либо обиходного русского эквивалента и его стабильное употребление в специальных контекстах вполне соответствует требованию интернационализации терминологии; прилагательное *круглый* параллельно используется как в специальных, так и в неспециальных контекстах, так как его латинский эквивалент *циркулярный* оказался неконкурентно-способным и был вытеснен из русского языка еще в XVIII веке; объяснением стабильного употребления двух других прилагательных — *острый* и *плоский* может служить следующее замечание Л. Л. Кутиной: «...для русского языка характерно, что в нем заимствованная лексика была сильна, если она приходила на еще пустое место. Математические понятия и представления, получившие уже выражение на русском языке, не уступали, как правило, своим иноязычным

двойникам, либо вытесняя их из языка, либо оттесняя за пределы математической терминологии».⁵

Наблюдения над функционированием прилагательных формы в физико-математическом контексте позволяют отметить, что те члены ЛСГ, для которых не характерны многозначность и высокие частотные показатели, беспрепятственно используются в данных специальных подъязыках (*cubic, concave, convex, curved, triangular, rectangular*), хотя и не свободны от окказиональных морфологических вариантов: *cubic* — *cubical*, *curved* — *curving*. Очевидно, причиной неодинаковой адаптации слов одной ЛСГ к употреблению в качестве терминов является различие их семантических свойств и частотных показателей, что еще раз подтверждает мысль о том, что «...статистическая структура лексики комбинируется с семантической, переплетается с ней, служит для более четкого определения местонахождения слова в лексическом запасе»⁶.

Итак, высокочастотные слова вероятнее всего не являются наиболее употребительными в языке науки, пригодными для терминообразования. В физико-математических текстах также не зафиксировано употребление прилагательных *blunt, oblong* и *oval*, которые не являются ни многозначными, ни высокочастотными. Однако причина их неупотребляемости в данных контекстах совершенно иной природы. Что касается прилагательного *blunt*, то она кроется в его семантике, а именно, в наличии в его семантической структуре семы «индиректность» (округлость), что делает данное прилагательное непригодным для обозначения видового признака, присущего угловатым фигурам (округлая угловатость — типичный случай семантической несовместимости), отсюда употребление для этой цели другой синонимичной лексемы *obtuse*, регулярно воспроизводимой как часть составных терминов *obtuse angle, obtuse triangle* (ср. нетождественную ситуацию в русском языке, где одна лексема *тулой* обслуживает как специальную, так и неспециальную сферы). Относительно прилагательного *oval* можно отметить, что в контексте точных наук предпочтение отдается его греко-латинскому эквиваленту *elliptical*, уже прочно утвердившемуся во многих языках и вошедшему в международный научный обиход. Семантическая диффузность прилагательного *oblong* — возможность соотношения как с округлыми, так и с прямолинейными объектами, т. е. отсутствие такой важной для значения термина характеристики, как четкость, недвусмысленность передаваемого им содержания, обусловило неприятие данного слова подъязыками точных наук. Данные «исключения» не противоречат общей тенденции к вытеснению из числа терминов слов, не отвечающих основному требованию, предъявляемому к терминологической лексике, — требованию определенности выражаемых ею значений.

Наблюдения над функционированием английских прилагательных формы в конкретном специальном подъязыке позволяют утверждать, что нетерминологическая семантика слова оказывает непосредственное влияние на его функционирование в качестве термина и является своеобразным критерием пригодности лексической единицы к приобретению ею терминологического статуса.

¹ Слова в списке для удобства изложения распределены в порядке убывающей частотности; частотные показатели взяты из словаря: Thorndike E. L., Loge I. Teachers' Word Book of 30000 Words. — New York, 1959.

² Булаховский Л. А. Введение в языкознание. — М., 1953, с. 22.

³ См.: Мечковская Н. Б. Принципы исторического изучения терминологии. — В кн.: Методы изучения лексики. Минск, 1975, с. 208.

⁴ Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1968, с. 103.

⁵ Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. — М., 1964, с. 79.

⁶ Супрун А. Е. Лекции по языковедению. — Минск, 1978, с. 68.

КРИТЕРИЙ ОДНОРОДНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ

В частотном словаре разные слова (лексемы или словоформы) упорядочены по невозрастанию частот их употребления в некотором тексте (совокупности текстов) или выборке. При этом лексический состав словаря может быть однородным или неоднородным.

Целью настоящей статьи является выработка статистического критерия для оценки однородности лексического состава частотного словаря, основанного на использовании некоторых общих свойств системы непрерывных распределений, построенной автором. Будем предполагать, что распределение разных слов по частоте их употребления в тексте (в случае однородности лексического состава словаря) может быть описано обобщенным непрерывным распределением, плотность вероятности которого задается формулой ¹

$$p(t) = Nt^{\gamma-1} (1 - \alpha u t^{\beta})^{1/u-1}, \quad (1)$$

где t — расстояние от начала отсчета значений случайной величины T (соответствует номеру слова в частотном словаре); N — нормирующий множитель; α — масштабный параметр; β, γ, u — параметры формы.

Формула (1) описывает систему непрерывных распределений, включающую как частные случаи широко известные классические непрерывные распределения. Кривые распределения, заданные плотностью (1), в зависимости от значений параметров β, γ, u принимают различные формы ². В частности, при $\beta=2, \gamma=1$, а также при $\beta=1, \gamma=1/u$ ($0 < u < \infty$) кривые распределения являются симметричными. Найдем моду распределения (1), т. е. то значение величины t (обозначим его через t_c), при котором выполняется условие $dp(t)/dt=0$. Она оказывается равной

$$t_c = \left(\frac{1}{\alpha} \cdot \frac{\gamma-1}{\beta + \gamma u - \beta u - u} \right)^{1/\beta}. \quad (2)$$

Из формулы (2) следует, что кривые распределения, заданные плотностью (1), имеют моду при $\gamma \geq 1$, причем, при $\gamma=1$ $t_c=0$; при $\gamma > 1$ $t_c > 0$ (здесь предполагается, что начало кривой распределения совпадает с началом координат).

Таким образом, если в качестве критерия однородности совокупности значений случайной величины T принять одновершинность кривой распределения, то этот критерий будет работать только в случае распределений с параметром $\gamma > 1$, так как только у таких распределений мода $t_c > 0$. В случае, если мода равна нулю, нельзя утверждать, что рассматриваемая совокупность значений случайной величины T является однородной. К последнему типу распределений относится распределение слов по частоте их употребления в тексте. Как же в этом случае оценить, является ли данная совокупность (т. е. лексический состав частотного словаря) однородной?

Исследования показывают, что эту задачу можно решить путем преобразования формы кривой распределения таким образом, чтобы преобразованная кривая имела моду $t_c > 0$ при всех значениях $\gamma > 0$.

Преобразуем плотность (1) к виду

$$tp(t) = Ne^{\gamma \ln t} (1 - \alpha u e^{\beta \ln t})^{1/u-1}. \quad (3)$$

Если теперь обозначить $\ln t = x$, $tp(t) = p(x)$, то вместо (3) можем записать

$$p(x) = Ne^{x\gamma} (1 - \alpha u e^{\beta x})^{1/u-1}. \quad (4)$$

Плотность (4) можно получить и другим способом — как распределение функции случайного аргумента T . Если принять $X = \ln T$, то $T = e^x$, $\frac{dt}{dx} = e^x$, $p(x) = p(t) \left| \frac{dt}{dx} \right|$, откуда и получается (4). Мода распределений, заданных плотностью (4), равна

$$x_c = \frac{1}{\beta} \ln \frac{\gamma}{\alpha(\beta + \gamma u - \beta u)}, \quad (5)$$

т. е. существует при $\gamma > 0$. Из (5) следует также, что произведение $tp(t)$ (т. е. та же плотность $p(x)$) достигает максимума в точке $\ln t_c = x_c$ или $t_c = e^{x_c}$. При этом $t_c > 0$ при $\gamma > 0$, в то время как в случае плотности (1) мода t_c могла быть больше нуля только при $\gamma > 1$.

Итак, для того чтобы проверить, является ли рассматриваемая совокупность значений случайной величины T однородной, достаточно построить график зависимости $tp(t) = f(\ln t)$. Критерием однородности будет одновершинность построенного графика.

При наличии дискретных случайных величин (например, при проверке однородности лексического состава частотного словаря) необходимо построить график зависимости

$$rp_r = f(\ln r), \quad (6)$$

где r — ранг слова, p_r — его относительная частота. Последний критерий применим к классу распределений, заданных плотностью (1).

Если статистическое распределение относится к классу распределений, заданных плотностью (4), то критерием однородности в данном случае будет являться одновершинность кривой распределения $p(x) = f(x)$. Таким же способом можно установить критерий однородности для других систем распределений. Пусть, например, случайная переменная Y связана со случайным аргументом T зависимостью $Y = e^T$. Тогда плотность распределения $p(y)$ будет иметь вид

$$p(y) = N \frac{1}{y} (\ln y)^{\gamma-1} [1 - au (\ln y)^\beta]^{1/u-1}. \quad (7)$$

Приведя плотность (7) к форме (4), получим

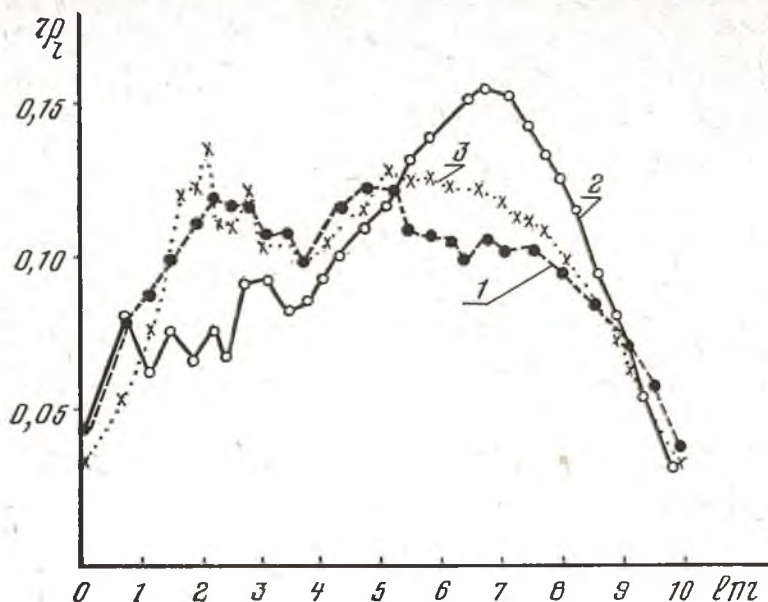
$$y \ln y p(y) = N e^{\gamma \ln \ln y} [1 - aue^{\beta \ln \ln y}]^{1/u-1}. \quad (8)$$

Из (8) следует, что в случае, если статистическое распределение относится к классу распределений, заданных плотностью (7), критерием однородности будет одновершинность графика зависимости $y \ln y p(y) = f(\ln \ln y)$, представляющего собой график кривой распределения. Таким образом, критерий однородности находится в определенной зависимости от того класса распределений, к какому относится исследуемое статистическое распределение.

Рассмотрим примеры. На рис. приведены графики зависимости rp_r от $\ln r$, построенные по данным частотных словарей белорусского языка³. Какие выводы можно сделать на основе анализа приведенных графиков?

Во-первых, лексический состав трех словарей не является однородным, так как кривые не имеют единственной четко выраженной моды. Однако более однородным является словарь публицистики, поскольку кривая № 2 имеет наиболее четко выраженную моду при $\ln r \approx 6,7$ (что соответствует рангу $r \approx 800$). Все кривые имеют впадины при $\ln r \approx 3,4 \div 3,7$, или при $r \approx 30 \div 40$. Слова с рангами от 1 до 40 — в основном служебные.

Во-вторых, графики отчетливо показывают статистические различия между стилями. Наиболее близки между собой графики № 1 и № 3, построенные по частотным словарям художественной прозы и устного народного творчества. График № 2, построенный по частотному словарю публицистики, по форме значительно отличается от двух других графиков.

В-третьих, они позволяют сделать некоторые замечания по поводу так называемого закона Ципфа $p_r = C/r$.

Если бы распределение слов по частоте их употребления в тексте описывалось этим законом, то произведение rp_r было бы величиной постоянной, т. е. вместо приведенных кривых мы имели бы прямые $rp_r = C$. Кривую № 1 на отрезке $1,5 < \ln r < 7,5$ (или $5 < r < 1800$) с большим приближением можно заменить прямой $rp_r \approx 0,11$, т. е. можно сказать, что в данном случае распределение Ципфа справедливо в диапазоне рангов $5 < r < 1800$. С гораздо меньшим основанием подобную замену можно сделать в случае кривой № 3. А кривая № 2 вовсе отрицает существование закона Ципфа. Именно за счет неоднородности лексического состава частотного словаря график зависимости rp_r от $\ln r$ получается с несколькими возвышениями и впадинами (типа графика № 1), в результате чего средняя часть такого графика на некотором отрезке может оказаться близкой к прямой, что создает иллюзию существования закона Ципфа. Но начало и конец графика всегда опущены вниз, при этом координаты последней справа точки зависят от размеров текста и словаря. С ростом длины текста эта точка приближается к оси абсцисс. В случае однородности лексического состава частотного словаря график зависимости rp_r от $\ln r$ представляет собой одновершинную кривую, которую никакой прямой заменить нельзя. Таким образом, справедливость закона Ципфа не подтверждается опытными данными.

В-четвертых, объемы выборок для разных типов текстов должны быть различными для того, чтобы закон распределения разных слов в текстах проявился в одинаковой степени (например, чтобы крайние справа точки имели примерно одинаковые значения ординат, которые рассчитываются по формуле $rp_r = y/2x$, где y — количество разных слов в словаре, x — объем выборки).

¹ См.: Нешитой В. В. Система непрерывных распределений для построения информационных моделей. — Минск, 1976.

² См.: Нешитой В. В. Построение системы непрерывных распределений. — Рук. деп. в БелНИИТИ № 174-80. Деп. от 30.07.80.

³ См.: Мажэйка Н. С., Супрун А. Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Мастацкая проза. — Мінск, 1976; они же. Частотны слоўнік беларускай мовы. Публіцыстыка. — Мінск, 1979; Частотны слоўнік беларускай мовы. Вусная народная творчасць. — Мінск, 1982.

А. А. ПЛАВНИК

ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

За сравнительно короткий срок телевидение стало одним из важнейших средств идейно-политического, нравственного и эстетического воспитания советских людей. Телеэкран прочно вошел в нашу повседневную жизнь. Вопросы деятельности телевидения постоянно привлекают внимание исследователей. Однако проблемы становления и развития телевидения в нашей республике изучены пока недостаточно. Необходимость такого исследования давно назрела: за прошедшие десятилетия Белорусское телевидение накопило огромный опыт создания разнообразных общественно-публицистических программ, многие же важные черты телевизионной пропаганды, которые ныне стали ведущими, определились еще в первые годы. Поэтому исследование процесса становления и развития БТ поможет постичь законы телетворчества, осмыслить накопленный опыт, сделать важные выводы и, таким образом, оказать помощь тележурналистам в решении стоящих перед ними задач. Коммунистическая партия Белоруссии проделала огромную работу по преодолению трудностей создания, становления и развития телевидения в республике. Руководство КПБ обеспечило ему идейную устремленность, общественную значимость. Однако и эти вопросы пока не освещены исследователями.

Рассматривая развитие Белорусского телевидения, мы должны руководствоваться тем положением, что советская телевизионная журналистика в целом «нашла свое воплощение в формах и жанрах, особенности которых четко определились в практике Московского (впоследствии Центрального) телевидения. Местное вещание — республиканское и областное — развивалось по путям, намеченным и проложенным Центральным телевидением, привнося, разумеется, в этот процесс свою окраску, свои особенности»¹. Таким образом, работу Минского (впоследствии Белорусского) телевидения нельзя рассматривать изолированно, вне связи с передачами из Москвы (как это делается иногда при исследовании работы местных студий). Именно в использовании и осмыслении опыта Центрального телевидения, практически в тщательном изучении всего лучшего, что было достигнуто советским телевидением, а не путем слепого копирования, шли на Белорусском телевидении поиски своего творческого лица, своего почерка.

Наша республика начала телевизионное вещание в 1956 году одной из первых среди союзных республик после Украины, Латвии и Эстонии. В процессе развития оно прошло, так же как и в целом советское телевидение, несколько этапов: зарождение, становление и интенсивное развитие. Период зарождения телевидения в республике приходится на пятидесятые годы (1955—1960). На этой стадии оно делает первые шаги от опытных, достаточно простых передач к освоению различных форм вещания и носит локальный характер: работает только один телецентр в Минске, в 1960 году в строй входит второй телецентр в Гомеле (с ноября 1956 года там работала любительская телестудия). Они полностью осуществляют только собственное вещание — республиканское телевидение до 1961 года не имело выхода на Москву.

Первые годы существования Белорусского телевидения можно охарактеризовать как начальный период становления республиканской тележурналистики. Мы можем говорить об истории возникновения и эволюции отдельных видов и жанров программ, освоении телеспецифики, а также о разнообразных формах партийного руководства телевидением. Это было время осознания Белорусским телевидением своих главных задач и основных функций.

На первом этапе телевидение республики отличалось поисковым, экспериментальным характером. Основу первых программ составляли кинофильмы, произведения театра и эстрады. Программы передавались не каждый день, продолжительность их не превышала двух-трех часов. Их вели первые дикторы Т. Бастун и Д. Галкина. На этом этапе телепрограммы выполняли в основном функции «транслятора» произведений кинематографа. Однако велись поиски и собственных форм передач. В телепрограммы стали включаться передачи на общественно-политические темы, в студию приглашались знатные люди республики, партийные и государственные работники, ученые, педагоги. В январе 1959 года была проведена первая событийная передача: трансляция торжественного заседания Верховного Совета БССР и ЦК КПБ, посвященного 40-летию образования БССР. В республике в это время насчитывалось 30 тыс. телевизоров, охват телевизионным вещанием составлял около одного миллиона человек².

Именно в эти годы происходит дифференциация программ. Первым видом вещания, призванным удовлетворить интересы определенной социально-демографической части телезрителей, стали программы для детей. Затем появились программы для молодежи, работников промышленности и сельского хозяйства, для женщин, воинов Советской Армии. Это были первые тележурналы «Пионерский костер», «Искусство», «Физкультура и спорт», «Знание», «Минск музыкальный», «Для вас, женщины», которые заняли основное место в белорусском телевещании. Организация тележурналов привела к тому, что передачи на общественно-политические темы стали планироваться, выходить в эфир не от случая к случаю, и это уже было большим достижением студии.

В 50-х годах в основном выработалась организационная структура Белорусского телевидения, определилась и зрительская аудитория. В эти годы оно находилось в стадии поисков и утверждения жанров и форм вещания. В этот период постепенно белорусская тележурналистика обрела, определяла свои общественные функции. И главную из них — информационно-агитационную. Республиканское телевидение, руководимое Коммунистической партией Белоруссии, постепенно превращалось из средства репродуцирования произведений искусства в средство партийной пропаганды и информации.

В 60-е годы Белорусское телевидение переходит от локального вещания к вещанию на большую часть территории республики. Это период массового развития телевидения, создания сети телевизионных вещательных станций в областных городах, сети ретрансляционных и радиорелейных линий, расширения телеаудитории.

Если 50-е годы для телевидения республики были годами зарождения, возникновения программ, то 60-е — это время становления белорусской тележурналистики, время дальнейшего увеличения объема вещания, возникновения его новых разделов. Оно перестало быть технической новинкой, все больше и больше используются уникальные возможности, заложенные в самой природе телевидения. Становясь центральным звеном системы массовой информации, телевидение «все явственнее обнаруживает внутри себя преимущественное развитие информационно-публицистических жанров и форм»³. Новый этап в развитии советского телевидения был охарактеризован как этап «серьезного расширения политического вещания», которое после XXII съезда КПСС «должно было стать главным видом деятельности советского телевидения»⁴.

Белорусское телевидение как часть общесоюзной системы, естественно, не могло быть в стороне от тех тенденций, которые определяли развитие телевидения страны. Поэтому в структуре белорусской телепрограммы происходят значительные изменения. Если в 50-х годах в ней был велик удельный вес кинофильмов, затем — телеспектаклей, спортивных репортажей, то в начале 60-х годов растет удельный вес информационно-публицистических, культурно-просветительных передач. Вот главное направление деятельности телевидения республики в этот период.

В то же время начинается и качественно новый этап развития Белорусского телевидения: в республике налаживается трансляция первой программы Центрального телевидения, затем второй, т. е. происходит усиление роли Центрального телевидения в белорусской телевизионной системе. Одной из насущных проблем ставится проблема повышения качества республиканского телевидения и координации местных и общесоюзных передач, четкого разделения между ними сфер деятельности. Белорусское телевидение отныне было призвано дополнять своими программами передачи из Москвы, концентрируя основное внимание на углубленной разработке местной тематики.

Главным в развитии белорусской телевизионной публицистики 60-х годов явилось дальнейшее активное утверждение разнообразных рубрик и циклов как наиболее действенных форм общения со зрителем. В этот период на Белорусском телевидении рождаются и закрепляются на длительное время программы «Улицы и площади рассказывают», «Дорогами отцов-героев», «Я—из шестидесятых!», «Герои пламенных лет», «Дневник пятилетки», «Дела комсомольские», «Ленинская эстафета», «В семье единой», «Ветер странствий», сельский клуб «Колос», «Литературная Беларусь», «Вас вызывает Спортландия», «Рабочий клуб», «Клуб деловых встреч», «Телеобъектив на сельской стройке», «Разговор в райкоме», «Человек земли моей», «Ленинские чтения» (впоследствии «Народные чтения»).

Количественный рост рубрик и циклов свидетельствовал, с одной стороны, о расширении тематики публицистических передач. С другой—это означало, что в планировании постепенно изживались элементы случайности, что аудитория расширялась, и главное, становилась постоянной (цикл и рубрика дисциплинировали, организовывали «своего» зрителя), что происходила дифференциация вещания с учетом структуры телеаудитории. Принцип же дифференцированной пропаганды требовал не только создания специальных циклов передач, но и привел к структурным изменениям, к созданию новых редакций, что позволило более глубоко и систематически освещать проблемы, поднять профессиональный уровень передач.

К концу 60-х годов Белорусское телевидение обрело значительный опыт ведения передач. Так, если в 1957 году объем собственного вещания составлял лишь 60 ч, то к 1967 году было уже 880 ч собственного вещания⁵, т. е. за десятилетие этот объем увеличился почти в 15 раз! Оно стало активным и надежным помощником партии в коммунистическом воспитании масс, важным фактором формирования общественного мнения: в 1968 году в нашей республике уже более двух миллионов человек смотрели телепередачи⁶. Главное вещательное время отводится информационным и общественно-политическим передачам (большинство из них—собственного телевизионного производства). Например, в 1968 году за сутки собственные передачи редакций шли в эфир на протяжении: политвещание—1 ч, художественное вещание—25 мин, музыкальных передач—35 мин, передачи для детей—20 мин, теленовости—30 мин⁷.

Успехи в развитии телевидения оказались возможными благодаря постоянной заботе и поддержке Коммунистической партии и правительства республики, рассматривающих его как мощное средство политического воспитания трудящихся, как орудие партийной пропаганды. Программными документами для функционирования республиканского телевидения явились постановления «Об улучшении радиовещания и телевидения в республике», «О работе Минской студии телевидения» (1958), «О мерах улучшения телевизионного вещания в республике» (1960), «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения в республике» (1962). Партийный контроль помогал и помогает сосредоточить творческие усилия работников телевидения на главных направлениях коммунистического строительства в современных условиях, умело использовать накопленный опыт и, таким образом, повышать эффективность, поднимать идейный уровень и улучшать качество передач, повышать профессиональную культуру программ.

В 70-е годы телевидение в стране становится «одной из ударных сил идеологического фронта. Этот период можно охарактеризовать как время обретения телевизионной журналистикой политической, идейно-художественной и профессиональной зрелости»⁸. В БССР роль телевидения в общественной и культурной жизни республики также значительно возрастает, и оно выходит на одно из первых мест среди СМИП. Продолжает

ся совершенствование телевидения. В это время страна и республика переходят на цветное изображение. БССР принимает две московские программы, поэтому перед Белорусским телевидением на этом этапе встают новые задачи. Основное внимание направляется не на увеличение количества собственных передач, а на улучшение их качества, повышение профессионального уровня. Совершенствуется структура редакций, стабилизируется объем вещания, большое внимание уделяется идейно-политической и профессиональной учебе кадров.

80-е годы ознаменованы переходом Белорусского телевидения на собственную программу. По существу, началась новая страница в его творческой биографии, новый этап развития. Он характеризуется дальнейшим возрастанием роли Белорусского телевидения в жизни республики, его влияния на развитие национальной экономики, науки, культуры.

Рассмотрение проблем развития телевидения республики в историческом аспекте показывает, что за прошедшие годы, используя богатейшие традиции печати, радиовещания, кинематографа, оно накопило большой опыт творческой и организаторской деятельности, став под руководством партии мощным средством идеологического воздействия. Оно прочно закрепились в системе национальной культуры и его удельный вес постоянно увеличивается.

¹ Юровский А. Телевидение — поиски и решения. — М., 1975, с. 3.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 71, ед. хр. 186, л. 26.

³ Вестн. Московского ун-та. Сер. X, журналистика, 1970, № 2, с. 70.

⁴ Юровский А. История советской телевизионной журналистики. — М., 1982, с. 40.

⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 71, ед. хр. 307, л. 110.

⁶ Там же,

⁷ Там же, л. 110—111.

⁸ Юровский А. История советской телевизионной журналистики, с. 5.

О. Г. СЛУКА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

В социалистических странах журналистика стала одним из факторов социально-экономического развития, элементом национальной культуры, ответственной общественной деятельностью, как говорил Г. Димитров¹. В каждой из стран на основе опыта советской и международной рабочей и коммунистической печати сложилась определенная система подготовки и переподготовки журналистов. В университетах социалистических стран открыты факультеты, отделения, секции, школы, кафедры журналистики, которые стали центрами подготовки кадров для СМИП. Профессиональные знания журналистов опираются на огромный революционный опыт марксистской печати, традиции талантливых представителей ленинской школы публицистики Ю. Фучика, З. Неедлы, Я. Гашека, Э. Киша, Ф. Держинского, Я. Галана, Э. Тельмана, Г. Димитрова и многих других, чье мастерство, высокая идейность творчества являются хорошей школой журналистики.

Каждая социалистическая страна разрабатывала учебные программы и планы с учетом своих политических, социально-экономических, национальных и культурных задач. Главными среди них были: укрепление народно-демократического строя и построение основ социализма. Перед руководством коммунистических партий стояла задача отобрать для работы в печати идейно убежденных, способных к журналистскому творчеству людей, научить их законам марксистской публицистики, умению правдиво отражать революционную действительность и мобилизовать трудящихся на строительство социализма. Это был начальный период накопления опыта в журналистском образовании в социалистических странах.

К концу 60-х годов в лагере социализма произошли крупные изменения, характеризующиеся новыми социально-экономическими достижениями. Этот процесс сопровождался обострением международной обстановки, а также проявлением сектантства и ревизионизма в коммунистическом движении, антисоциалистических тенденций в отдельных странах. В связи с этим были необходимы конструктивные меры не только по осуществле-

нию партийного руководства прессой, но и по перестройке журналистского образования. В социалистических странах получила развитие новая концепция воспитания и обучения журналиста как политического деятеля. Был взят курс на организацию журналистского образования с учетом структуры и перспектив развития коммунистической печати, радио и телевидения, а также новых достижений общественных наук. В большинстве социалистических стран было признано, что непременным условием работы журналиста является идейно-политическая зрелость, принадлежность к партии, глубокое овладение марксизмом-ленинизмом, общественная активность и профессиональные способности.

В апреле 1968 года Секретариат ЦК БКП принял развернутое постановление «Об обучении молодых кадров для печати, радио и телевидения». В Софийском университете имени К. Охридского на факультете славянской филологии было восстановлено обучение по специальности «журналистика», усовершенствована заочная форма обучения для работающих в СМИП, организована специализация для лиц, имеющих высшее образование и проявивших склонность к журналистской деятельности. В высшей партийной школе были образованы краткосрочные: двух-трех-шестимесячные и годичные курсы. При кафедре журналистики университета был создан научно-исследовательский центр для разработки проблем болгарской и зарубежной печати.

Решением Политбюро ЦК БКП в октябре 1974 года была расширена специализация подготовки журналистов: редакторов книгоиздательского дела, фотопропаганды, киножурналистики, рекламно-информационного дела, зарубежных корреспондентов, предусмотрены меры по совершенствованию научно-исследовательской работы в области СМИП, изданию учебников и учебных пособий по основным дисциплинам. Была подчеркнута необходимость направлять в СССР и другие социалистические страны преподавателей и студентов для изучения опыта журналистики. Особое внимание уделено улучшению отбора студентов по классово-партийному принципу, а также приему на учебу по направлениям.

Перестройка журналистского образования осуществлялась и в других странах. Это было связано с особенно интенсивным развитием СМИП, повышением их роли в экономической и политической жизни, необходимостью более активной борьбы с буржуазной идеологией. В записке отдела пропаганды в Политбюро ЦК ПОРП в октябре 1971 года указывалось, что «уровень квалификации журналистских кадров по-прежнему остается неудовлетворительным»². В связи с этим Политбюро ПОРП обратило внимание на совершенствование идейного и профессионального уровня подготовки журналистов, улучшение узкой специализации и переподготовки работников печати, радио и телевидения. Было установлено, что профессиональной журналистикой могут заниматься только люди с высшим образованием и на этом основании учреждены две формы обучения: стационарная и заочная. На обе формы обучения принимались специалисты с высшим образованием разной специализации, проявившие практические журналистские навыки или сотрудничающие в СМИП. Устанавливался двухлетний срок обучения. Стационарная подготовка осуществлялась институтом журналистики Варшавского университета, заочная — Варшавским, Ягеллонским, Вроцлавским, Познанским и Гданьским.

Однако данная система подготовки журналистов не оправдала себя. Узкоспециализированный подход не позволял воспринять каждому вступающему в журналистику многообразие ее жизненных проявлений, за короткий срок не представлялось возможным прочно усвоить идеологические, философские, экономические, языковые и технические особенности журналистской профессии. В связи с этим в 1975 году ЦК ПОРП обратился к рассмотрению проблем подготовки журналистских кадров и признал необходимым параллельно с существующей системой вновь ввести дневное полное обучение студентов от первого до последнего курса в рамках отделений и институтов политических наук университетов. В основу подготовки студентов-журналистов был положен опыт высшей школы СССР.

Наряду с совершенствованием профессиональной подготовки журналистов в социалистических странах все большее значение приобретало формирование идейного мировоззрения. Эта проблема получила особую остроту после контрреволюционного выступления антисоциалистических сил в ЧССР в 1968 году, когда многие работники СМИП изменили делу социализма. ЦК КПЧ принял меры по оздоровлению кадровой политики в жур-

налистике. В постановлении Президиума ЦК КПЧ «Принципы подбора и воспитания кадров для средств массовой информации» было указано, что «журналистом, творческим работником средств массовой информации и пропаганды Чехословакии может быть только тот, кто стоит на позициях социализма, марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, является морально устойчивым и честным человеком, признает ведущую роль КПЧ в нашем обществе и полон решимости осуществлять ее программу...» По постановлению Секретариата ЦК КПЧ от 5 сентября 1972 года был упразднен факультет социальных наук и публицистики Карлова университета в Праге и открыт новый факультет журналистики.

Утверждались следующие формы журналистского образования: подготовка на дневном отделении для выпускников средних школ; заочное обучение для практических работников со средним образованием; экстернат для журналистов со средним образованием; комбинированное дневное и заочное обучение; постградуальная (краткосрочная) форма обучения для практических работников, имеющих нежурналистское образование и выпускников журналистских факультетов, желающих углубить свою специализацию в одной из отраслей журналистики. Необходимость совершенствования журналистского образования, потребность освоения накопленного публицистического опыта создали предпосылки для объединения усилий ученых стран социалистического содружества в разработке современных концепций подготовки работников СМИП.

В 1972 году в Варшаве, а в 1975 году в Москве прошли международные конференции деканов, руководителей секций и школ журналистики социалистических стран. В 1976 году в Москве состоялся международный симпозиум «Журналистика в социалистическом обществе». Если первая конференция разработала общие принципы сотрудничества учебных центров журналистского образования, то конференция 1975 года обсудила не только вопросы координации действий, но и проблемы совершенствования подготовки работников СМИП в новых условиях. Основой для обсуждения проблем дальнейшего развития журналистского образования стало постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению подготовки и переподготовки журналистских кадров», принятое в январе 1975 года, а также решения центральных комитетов коммунистических партий социалистических стран по проблемам журналистского образования. На конференции в общих чертах была разработана система идеологической интеграции журналистского образования социалистических стран.

С 1975 года начинается новый этап развития журналистского образования в социалистических странах. Устанавливаются контакты между учебными заведениями, учеными, занимающимися исследованием СМИП. Главной формой журналистского образования становится университетское, наполнение профессии — лингвистические, философские, экономические, а также специфические технические знания, опирающиеся на марксистскую методологию, формирующие коммунистическое мировоззрение, высокие профессиональные навыки и прочные идейные убеждения. В практике подготовки журналистов для социалистических стран особое место занимает изучение опыта СМИП СССР, а также стажировка студентов в нашей стране, в частности на факультете журналистики МГУ имени Ломоносова.

Тенденция идеологической интеграции социалистических стран в современных условиях и важный вклад в этот процесс СМИП подтверждают жизненность концепции объединения усилий университетов в подготовке журналистских кадров. Этот процесс будет развиваться и обогащаться, чтобы СМИП социалистических стран соответствовали высокому назначению формирования общественного мнения, глубоко и объективно отражали социалистическую действительность, своевременно разоблачали живые выпады буржуазной пропаганды и боролись за мир, руководствуясь решениями XXVI съезда КПСС и съездов братских коммунистических партий.

¹ Иван Митко. Георгий Димитров и журналистика. — София-пресс, 1981, с. 35.

² Вестник МГУ имени М. В. Ломоносова: Журналистика, 1977, № 2, с. 51.

Педагогіка, психологія

Л. Е. ДЕМЕНТЬЕВА

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ К ЭСТЕТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Эстетическая культура учителя — это не только сторона его педагогической культуры, которая, по мнению А. В. Барабанщикова, представляет собой «синтез психолого-педагогических качеств, педагогической этики и системы многогранных отношений, стиля деятельности и поведения»¹. На наш взгляд, в этом определении отсутствует фундаментальное основание: педагогическая культура не может рассматриваться в отрыве от всей культуры общества на данном этапе исторического развития. Педагогическая культура неразрывно связана с целостной культурой общества и ей присущи лишь собственные характеристики, связанные с распространением и передачей культурных ценностей подрастающему поколению и взрослым людям. Понятие «эстетическая культура учителя» не может рассматриваться вне контекста эстетической культуры личности как своеобразного преломления эстетической культуры социалистического общества.

Определение места эстетической культуры в общей структуре педагогической культуры учителя с учетом значения целостной эстетической культуры личности и общества и является, на наш взгляд, узловой проблемой, требующей в свете накопленных за последние годы в науке данных обстоятельной и детальной разработки. Функционируя в структуре педагогической культуры и будучи опосредованной эстетической культурой общества, эстетическая культура учителя в то же время воздействует на все аспекты самой педагогической культуры, обогащая ее творческим, эмоциональным импульсом, предоставляя в ее распоряжение собственные эстетические средства. Рассмотрение процесса эстетического воспитания в качестве способа превращения эстетической культуры социалистического общества в эстетическую культуру будущего педагога определяет направленность и глобальные задачи эстетического воспитания студентов педагогических специальностей.

Важным свойством процесса эстетического воспитания на занятиях по иностранному языку являются его развивающие, формирующие личность воспитуемого возможности. Эстетическое воспитание в процессе преподавания иностранного языка обладает еще одним важным свойством — управляемостью. По мысли В. А. Сластенина, «воспитание как педагогический процесс есть не что иное, как управление формированием личности. Его назначение состоит в том, чтобы перевести объект управления из одного качественного состояния в другое»². В любой управляемой системе особенно важной для оперативного управления ею становится проблема обеспечения так называемой «обратной связи». Поэтому одной из первоочередных задач, стоящих перед нами, является определение эффективности (результативности, действенности) эстетического воспитания будущего учителя в дидактическом процессе по изучению языка. С этой целью была предпринята попытка построить типологическую модель учителя, обладающего развитой эстетической культурой, и выработаны критерии для определения уровней профессиональной готовности студентов к эстетиче-

скому воспитанию школьников, чтобы при сопоставлении результатов эстетического воздействия на личность в процессе преподавания иностранного языка с эталоном (предложенной моделью) была возможность оценить достигнутые результаты.

Сфера нашего исследования сознательно ограничивалась учебной деятельностью, поскольку она: а) представляет собой основной вид деятельности студента; б) всегда системно организована; в) имеет исходное значение для воспитательной работы и для внеучебной деятельности студентов; г) особые виды деятельности (театрализация, драматизация, ролевые игры) в учебном процессе наиболее эффективны для эстетического воспитания. Объектом исследования явились студенты Московского университета имени М. В. Ломоносова, Белорусского университета имени В. И. Ленина, Белорусского политехнического института и Белорусского института физической культуры.

Нам представляется важным при рассмотрении эстетической культуры учителя учитывать единство внешней (практической) и внутренней (психической) сторон деятельности педагога в области эстетического освоения мира и в сфере эстетического воспитания школьников.

Для нашего исследования, где существует настоятельная необходимость увидеть результат процесса эстетического воспитания студентов, производя время от времени социологические «срезы» при обследовании уровня эстетической культуры будущего учителя, четыре объединенные по определенной направленности группы признаков эстетической культуры представляются наиболее удобными и целесообразными. Каждая группа интегрирует в себе целый ряд признаков и представлений об объекте исследования и становится единицей информации как при построении модели эстетически развитого учителя, так и при измерении результатов эстетического воспитания студентов в процессе преподавания иностранного языка.

Первая группа признаков включает в себя положительное отношение учителя к педагогической профессии, интерес к теоретическим проблемам эстетического воспитания школьников, стремление к осуществлению на практике работы по эстетическому воспитанию, сочетая ее с деятельностью по основной педагогической специальности, желание совершенствоваться в области эстетического воспитания учащихся. Такая направленность личности характеризуется потребностью в образовании, самообразовании, самосовершенствовании, развитии самостоятельности и независимости мышления, стремлении выделять и различать эстетическое в различных явлениях действительности, в любых видах деятельности, особенно в учебном материале своего предмета, в своей профессиональной деятельности.

Во вторую группу входят знания марксистско-ленинской эстетики, теории эстетического воспитания, теории и истории искусства, знание отдельных произведений искусства (у нас — в соответствии со спецификой предмета — в основном искусства англоязычных стран). Наличие знаний дает возможность различать, понимать, определять эстетическое в реальной действительности, в произведениях искусства, в педагогической деятельности. Оно позволяет осознавать сущность эстетического воспитания, его цели, задачи, понимать роль предметов и явлений реального мира, произведений искусства, человеческих отношений в эстетическом воспитании школьников.

Третья группа признаков эстетической культуры учителя включает степень развития эстетической потребности и эстетических вкусов, приверженность и соответствие его эстетического идеала передовым социалистическим эстетическим идеалам, развитую эмоциональную восприимчивость, богатство проявления его эстетических чувств. Наличие этих признаков дает возможность анализировать и оценивать эстетическое в природе, труде, в реальной действительности, в материально-предметном мире, в человеческих отношениях, в человеческой деятельности, в искусстве. Их верное функционирование позволяет учителю стать первым художественным критиком для своих учеников, носителем авторитарных оценок в области эстетического.

Четвертая группа признаков составляет ряд практических проявлений эстетического в деятельности учителя как в сфере эстетического воспитания, так и в сфере эстетического отношения: культуре речи, эстетике поведения, внешнего вида и т. п. Наличие данных признаков показывает определенный уровень владения методикой эстетического воспитания, умения выделять элементы эстетического, создавать эмоциональную атмосфе-

ру в классе, воздействовать собственным примером на эстетическое развитие учащихся.

Отмеченные компоненты эстетической культуры учителя прочно взаимосвязаны между собой. Их искусственное обособление и выделение необходимо лишь в целях измерения полученных результатов эстетического воздействия в процессе занятий по иностранному языку и определения возможных путей формирования эстетической культуры учителя в процессе эстетического воспитания студенческой аудитории. Наиболее общим критерием определения оптимального уровня эстетической культуры студентов педагогических специальностей принято считать объективные потребности социалистического общества, т. е. те требования, которые предъявляются будущему учителю, его соответствие предлагаемой модели эстетической культуры учителя.

Мы полагаем, что показатели, характеризующие эстетическую культуру учителя, не могут быть определены без учета психологических особенностей и закономерностей формирования такого профессионально важного качества, как готовность педагога к деятельности по эстетическому освоению мира и эстетическому воспитанию школьников. Как отмечают некоторые исследователи, профессиональная педагогическая готовность понимается как подструктура личности, которая может и должна быть подвергнута анализу с точки зрения осуществления взаимосвязи педагогики и психологии высшей школы³.

Вопросы содержания и структуры профессиональной готовности учителя к эстетическому воспитанию школьников обстоятельно и достаточно обоснованно рассматриваются Н. К. Коньшевой, которая полагает, что умение оперировать полученными теоретическими знаниями, реализовывать их в практических ситуациях целесообразно рассматривать в качестве основного показателя не только качества усвоенных знаний и степени профессиональной готовности к эстетическому воспитанию, но при помощи его может рассматриваться вопрос о количестве получаемой студентами информации, о ее конкретном содержании, характере и структуре⁴.

Нам представляется такой подход к выявлению критерия, определяющего степень профессионально-эстетической подготовленности учителя, несколько абстрактным, имеющим определенное теоретическое значение, но недостаточным для применения на практике. Умение изложить теоретический материал, приложит его к практической педагогической ситуации, естественно, характеризует степень профессионально-эстетической подготовленности учителя, поскольку исходит из общепедагогического принципа связи теории с практикой. Но возникает вопрос, насколько эффективно можно определить и измерить уровень этой подготовленности у студентов, ориентируясь именно на их умения? Относительно небольшая продолжительность учебной педагогической практики еще не позволяет студентам реализовать свои теоретические знания в педагогических ситуациях. Еще сложнее разработать параметры измерения подобных умений у студентов, а также способа констатации их.

Интересы студентов, выступая как предпосылки соответствующей деятельности, характеризуют их отношение к эстетическому в реальной действительности, педагогической деятельности или искусстве. Они выражаются в отношении, в предпочтении, в готовности, в пристрастии к чему-либо. По глубине интереса можно судить об уровне формирующегося или сформированного качества личности.

По мнению Н. И. Монахова, «убедительным свидетельством воспитанности выступают добровольно совершаемые личностью повторяющиеся действия, привычки, а также результаты, последствия типичных действий и поступков. Именно они говорят о наличии сформировавшихся качеств личности...»⁵ Применительно к нашему исследованию это могут быть добровольность и частота общения студентов с эстетическим: проведение мероприятий по эстетическому воспитанию школьников, посещение театров, концертов, художественных выставок, чтение художественной литературы, эстетика общения, речи, поведения, костюма и пр.

Эстетическая культура студентов проявляется в их эмоциональной отзывчивости, уровне развития их эстетических чувств, вкусов, идеалов, в потребности к общению с эстетическим, стремлении осмысливать и оценивать произведения искусства. Одним из показателей зрелости эстетической культуры студента выступают знания в области теории и истории искусства англоязычных стран, знание отдельных произведений искусства, знания в области эстетики и эстетического воспитания.

Проведение занятий по иностранному языку с актуализированной эстетической направленностью способствует «переводу» значительного числа студентов с так называемых «низших» уровней эстетической культуры на более высокие. Специфика предмета «иностранный язык» позволяет сконцентрировать внимание на эстетических моментах инонациональной культуры, что дает возможность студентам более гибко и тонко понимать и чувствовать эстетическое в собственной национальной культуре, стремиться к эстетическому самообразованию и самовоспитанию.

¹ Барабанщиков А. В. Проблемы педагогической культуры преподавателей вузов.— Советская педагогика, 1981, № 1, с. 72.

² Сластенин В. А. Идея комплексного подхода к воспитанию и подготовка учителя.— В сб.: Формирование личности учителя в системе высшего педагогического образования. М., 1979, с. 5.

³ См.: Дурай-Новакова К. М. Профессиональная готовность студентов как подструктура личности будущего учителя.— В сб.: Формирование личности учителя в системе учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте. М., 1980, с. 62.

⁴ См.: Конишева Н. М. Эстетико-педагогическое образование учителя начальных классов в системе его общепрофессиональной подготовки в педагогическом вузе.— В сб.: Формирование личности учителя в системе учебно-воспитательного процесса в пединституте. М., 1980, с. 79.

⁵ Монахов Н. И. Проблема критериев эффективности воспитания школьников.— Советская педагогика, 1977, № 2, с. 65.

Т. Н. ВОЛЫНЕЦ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕЖЕГОДНИКОВ «НОВОЕ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Чрезвычайно быстрое развитие номинативных средств современного русского языка находит отражение в ежегодниках «Новое в русской лексике», объективно регистрирующих лексические инновации языка. Использование данного материала на практических занятиях по современному русскому языку вносит элементы исследования в познавательную деятельность студентов, помогает определить продуктивные тенденции в развитии лексической системы, показывает реальное функционирование номинативных средств языка. В данной статье предлагаются некоторые типы заданий, использующих словарные статьи ежегодников «Новое в русской лексике»¹.

Первое обращение к материалам ежегодников возможно уже при изучении темы «Многозначность слов в современном русском языке». После анализа семантической структуры многозначного слова и знакомства со всеми способами переноса значений студентам можно предложить следующее задание. Прочитайте словарные статьи из ежегодников для слов *звездочка* (1, 53), *интонация* (1, 56), *комбайн* (1, 62), *аккумулятор* (2, 22), *косметика* (2, 101), *легкие* (2, 108), *буксовать* (3, 43), *газета* (3, 57), *грузовик* (3, 64). Определите, какие признаки данных слов способствовали расширению их семантической структуры. Для каждого из слов укажите способ переноса значения.

В ходе анализа словарных статей (независимо от того, будет проводиться он в аудитории или дома) у студентов закрепляются навыки определения способов переноса значения, расширяются представления о средствах лексической номинации, об изменчивости и гибкости семантической структуры слова. Выполняя данное задание, студенты на практике убеждаются в том, что появление новых значений у старых слов — это живой, непрерывный языковой процесс. Работа с материалами ежегодников при изучении группировок слов по семантическим и материальным отношениям между ними (синонимы, антонимы, омонимы) позволяет углубить знания студентов о характере различных лексических явлений.

Образование новых синонимических рядов и новых слов-омонимов, причины их появления в языке, сложное взаимодействие синонимии и

полисемии, полисемии и омонимии — вот те проблемы, которые придется решать студентам при выполнении следующих заданий.

1. Прочитайте примеры употребления слов-неологизмов *боевито*, *одноликость*, *заземленность*, *пофилонить*, зафиксированных ежегодниками «Новое в русской лексике». Определите значение данных слов. Установите, в какие синонимические ряды они могут быть включены. В каких случаях мы можем говорить о полных синонимах, в каких — о неполных? Мы привыкли к такому Роберту Рождественскому — видящему широко, мыслящему глобально, откликающемуся на злобу дня темпераментно и *боевито* (2, 40). Нет беды в том, что в разных районах или республиках животноводческий комплекс или птицефабрика будут одинаковыми... А в жилищном строительстве опасность «*одноликости*» нельзя не учитывать (2, 145). ...Впечатляет самый размах отечественного кинофорума, демонстрирующего полную полифонию жанров, разнообразие творческих манер, от нарочитой иногда «*заземленности*» до романтического обобщения (3, 87—88). Было... смутное и жалкое чувство каких-то упущенных возможностей, счастья *пофилонить*, пошляться от весны до поздней осени, даже до зимы, по любимой им тогда остро Москве (3, 199).

2. В ежегодниках «Новое в русской лексике» даны синонимические толкования следующих слов: *Вертушка* — 'О вертолете' (в разг. речи) — 1, 34; *Углеруб* — 'То же, что шахтер' — 1, 149; *Уровень* — 'То же, что этаж' (в профес. речи) — 2, 233; *Джинсовка* — 'То же, что деним' (плотная хлопчатобумажная ткань для рабочей одежды, англ. denim) — 3, 72; *Коры* — 'Ботинки, мужские туфли' (жарг.) — 3, 118; *Лялякать* — 'То же, что болтать' (в просторечии) — 3, 130. Укажите причины образования данных синонимических рядов.

3. Сравните значения слов *ползунок*, *художница*, *откататься*, *связка*, *шоколадка*, *запуск*, *мираж*, *походка*, *размыться* в любом Толковом словаре и ежегодниках «Новое в русской лексике» (*ползунок* — 1, 106, *художница* — 1, 154, *откататься* — 2, 149, *связка* — 2, 198, *шоколадка* — 2, 248, *запуск* — 3, 91, *мираж* — 3, 143, *походка* — 3, 199, *размыться* — 3, 216). Установите, в каких случаях перед вами значения одного и того же слова, а в каких — слова-омонимы. Ответ обоснуйте. Определите пути возникновения слов-омонимов.

Данные задания ставят перед студентами вопросы, требующие сопоставления, дифференциации и обобщения языкового материала, умения разграничить пересекающиеся языковые явления (полисемия и омонимия), привлекают внимание к различным видам отношений между словами, показывают возникновение и развитие лексических микросистем.

Изучение лексических пластов, выделяемых с точки зрения происхождения лексики, открывает большие возможности для организации самостоятельной работы студентов с материалами ежегодников. Так, после анализа состава заимствованной лексики в современном русском языке в качестве домашнего задания студентам можно предложить провести небольшое исследование, целью которого является определение самого активного языка-источника современных заимствований. Данное исследование должно включать в себя следующие этапы: 1) выборка из ежегодников «Новое в русской лексике» заимствованных слов, подсчет их общего количества; 2) классификация заимствований по подгруппам в зависимости от языка-источника; 3) определение количественного соотношения данных подгрупп в пределах общей группы заимствованной лексики; 4) формулировка общего вывода о степени активности каждой из подгрупп заимствований. Для уменьшения объема работы группу студентов можно разбить на три подгруппы, поручив каждой из них анализ одного выпуска. Результаты, полученные разными подгруппами, студенты обобщают самостоятельно при проверке домашнего задания.

Конечно, из учебной и научной литературы студентам известно об

интенсивном проникновении английской и американской лексики в словарный состав современного русского языка, но, выполняя подобное домашнее задание, они получают практическое подтверждение теоретических знаний, творчески осмысливают анализируемый материал, приобретут опыт анализа языковых явлений с использованием различных научно-исследовательских методов (наблюдение, классификация, количественная обработка материала, обобщение).

Естественным является использование ежегодников при изучении активных и пассивных групп лексики современного русского языка. Обращение к лексическим инновациям 70-х годов при характеристике неологизмов способствует более глубокому пониманию и усвоению причин, способов и средств номинации в современном русском языке.

Для работы в аудитории студентам могут быть предложены следующие типы заданий: 1. Определите причины возникновения новых слов, зарегистрированных ежегодниками «Новое в русской лексике», например: *Венероход* — 'Автоматический самоходный аппарат для передвижения по планете Венера' — 1, 34; *МАИРСК* — 'Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур' — 1, 70; *Одноэтажка* — 'Одноэтажный дом' (в разг. речи) — 1, 96; *Макияж* — 'Искусство декоративной косметики' — 2, 113; *Микрокафе* — 'Небольшое кафе' — 3, 138.

2. Определите, какие способы номинации представлены следующими неологизмами, зафиксированными в ежегоднике «Новое в русской лексике. Словарные материалы-78». Укажите лексические и грамматические средства номинации: *Армада* — 'О множестве, большом скоплении чего-нибудь'; *Батник* — 'Женская блузка (или мужская сорочка) покроя мужской рубашки, облегающая, с жесткими и отстроченными воротником и манжетами, отстроченной планкой для пуговиц, застегивающаяся донизу', англ. button; *Дом новосела* — 'Специализированный магазин для въезжающих в новые квартиры'; *Комбикормовоз* — 'Специальная машина для перевозки комбикормов'; *Педотряд* — 'Педагогический отряд'; *Оттранспортировать* — 'Переместить куда-либо с помощью того или иного средства передвижения'.

Выполняя первое задание, студенты получают представление о действии на развитие языка вне- и внутрисистемных факторов, практически убеждаются в том, что изменения в словарном составе происходят либо в результате возникновения новых реалий объективного мира, либо в результате действия собственных внутренних закономерностей развития языка: а) тенденции к экономии языковых средств; б) потребности в дополнительных, функционально различающихся средствах выражения, стремлении к дифференциации явлений и точности наименований; в) порождающей функции языковой системы, обуславливающей постепенное появление отсутствующих членов словообразовательных гнезд; г) тенденции к обобщению, т. е. к использованию в процессе номинации известных и активно употребляющихся слов. Работа над вторым заданием предполагает закрепление теоретических знаний о способах номинации, способствует формированию навыков дифференциации словообразовательной, лексической и синтаксической номинации, требует от студентов умения определить не только способ образования неологизмов, но и средства, используемые в процессе создания новых слов.

Намеченные в данной статье формы и методы работы с материалами ежегодников «Новое в русской лексике», безусловно, могут меняться в процессе обучения, но неизменными останутся ее результаты: умелое использование материалов ежегодников позволит в значительной мере усовершенствовать учебный процесс, благодаря анализу конкретного словарного материала студенты увидят динамику важнейших системных изменений в лексике, получат представление о продуктивных тенденциях в развитии словарного состава русского языка, овладеют различными методами научно-исследовательской работы.

¹ См.: Новое в русской лексике: Словарные материалы-77 / Под ред. Н. З. Котеловой.— М., 1980; Новое в русской лексике: Словарные материалы-78.— М., 1981; Новое в русской лексике: Словарные материалы-79.— М., 1982. Далее в тексте статьи при указании источника цифра 1 обозначает первый выпуск серии (1980), 2 — второй выпуск (1981), 3 — третий выпуск серии (1982), затем указана страница.

В. А. БОСЬКО

НОТ В КРУЖКОВОЙ РАБОТЕ

Приобщение к технике, изучение ее в различных кружках не только способствует творческому отношению к труду, развитию технического мышления, но и является хорошей школой, профессиональной ориентации, к тому же приучает правильно, с пользой для себя и для общества проводить свой досуг. Исходя из этого, очень важно, чтобы постановка работы технических кружков была правильной, целенаправленной. В обеспечении наиболее целесообразного использования учебного времени и правильной нагрузки подростков в кружках большую роль играет планирование учебных занятий. Планирование работы кружков имеет ряд общих принципов. Во-первых, это индивидуальность плана, т. е. его пригодность лишь для данного вида кружка. Этот принцип требует учета как характера конкретного дела, так и индивидуальных качеств педагога-руководителя. Во-вторых, обоснованность, реальность плана, т. е. уяснение условий, возможных препятствий, а также факторов, способствующих успешному выполнению предстоящей работы. Этот принцип требует, чтобы план исходил не из благих намерений и пожеланий, а из точного расчета и учета реальных возможностей внешкольного учреждения. Следующим принципом является последовательность всех звеньев структуры плана, соответствие их установленным нормам, а также согласованность и взаимосвязь частей по месту, времени, ожидаемым результатам. И, наконец, принцип высокой эффективности. Соблюдение его позволяет обеспечить надежное достижение намеченной цели с наименьшей затратой материалов, средств, времени.

Процесс планирования мы подразделяем на четыре этапа. Первый этап включает ориентировочное планирование. Здесь предварительно продумываются и оцениваются возможности достижения цели. На этом этапе важно учесть все пожелания подростков. Игнорирование их может привести к значительному отсеву желающих заниматься в кружке. Ориентировочное или предварительное планирование оказывает существенную помощь в составлении поурочных планов. Здесь руководитель кружка видит и место конкретного занятия в изучении темы, и его место в общей программе занятий. Следующий этап планирования — организационный. Здесь анализируются условия и организационные формы предстоящей работы (время, место, оснащение и т. д.). После решения организационных вопросов наступает этап планирования исполнения, т. е. мысленное моделирование процесса предстоящей работы из составляющих ее компонентов: приемов, действий. В дальнейшем учебный план постоянно дополняется и уточняется, что находит отражение в квартальных планах кружка. Важным условием выполнения намеченного плана является самоконтроль педагога-руководителя собственных действий и их результатов для целенаправленного регулирования дальнейшей работы.

В настоящее время к организационной стороне занятий предъявляются довольно высокие требования. Поэтому структура каждого занятия должна быть четкой, со строгим переходом от одной части к другой в соответствии с целью урока. Основным элементом этой структуры должна быть деятельность подростка под руководством педагога. Важно, чтобы организация каждого занятия, его структура способствовали формированию у подростков не только знаний, но и умений наблюдать, анализировать трудовые процессы.

Изучение опыта работы руководителей кинофотокружков Витебского областного Дворца пионеров и школьников, Республиканской станции юных техников и других кружков позволяет нам сделать вывод: заметных успехов добиваются там, где строят уроки комбинированно, со сменой видов деятельности, что способствует повышению работоспособности и усвояемости материала. Как правило, здесь после теоретической части занятия, которая продолжается не более 15 минут, кружковцы пере-

ходят к практической работе, т. е. проявляют кинонегативы, занимаются контрольной фотопечатью и т. д. Все эти виды работ заранее предусмотрены годовым и квартальным планами.

Важным фактором обеспечения эффективности учебной деятельности в кружке являются условия труда подростка. Они органически взаимосвязаны с его режимом дня и организацией рабочего места.

В процессе учебной деятельности подросток испытывает воздействие различных производственных факторов. Все они могут быть объединены в следующие группы: санитарно-гигиенические условия, определяющие внешнюю производственную среду (состояние воздуха, шум, освещение и т. д.); эстетические факторы, способствующие формированию положительных эмоций у подростка (художественное оформление интерьера помещения, оборудование, оснащение рабочего места и рабочей одежды, применение музыки); социально-психологические факторы, обусловленные конкретным содержанием трудовой деятельности. К ним относятся физическая и нервно-психическая нагрузки, монотонность, утомление, ритм учебного занятия.

Несоблюдение санитарно-гигиенических условий может не только затормозить физическое и умственное развитие, но и привести к серьезным заболеваниям. Санитарная гигиена имеет важное значение и как фактор культуры труда.

Большое значение в создании благоприятной производственной обстановки имеет окраска помещений, оборудования. Они должны способствовать снижению зрительного и общего утомления. Одежда подростков для занятий в кружках тоже должна отвечать санитарно-гигиеническим требованиям, она должна быть проста и удобна.

Психофизиологическую основу учебного труда составляет работоспособность, т. е. способность организма выдерживать в ходе занятий соответствующую нервно-психическую нагрузку и обеспечивать нормальную активность подростка в течение определенного промежутка времени. Динамические изменения психофизиологических функций, возникающие как непосредственный результат процесса труда и вызывающие снижение активности, называют утомлением, или усталостью. В целях предупреждения и снятия утомления необходимо учитывать закономерные колебания работоспособности подростка в течение учебных занятий. Поэтому возникает необходимость в разработке комплексов физических упражнений для детей разных возрастов и разных физических возможностей.

Для стимулирования учебной деятельности подростков и снижения их утомляемости применяется функциональная музыка. Она вызывает положительное эмоциональное возбуждение центральной нервной системы подростка, а при определенном ритме — снижение излишнего напряжения. Элементы функциональной музыки используются в кружках мягкой игрушки Дома пионеров и школьников Октябрьского района г. Минска, машинописи Республиканской станции юных техников. Но применение музыки должно осуществляться специалистами с учетом требований художественности и педагогической целесообразности (учить чему-то полезному, воспитывать роль, т. е. способствовать формированию идейных убеждений и эстетического вкуса).

В сложном комплексе мероприятий, обеспечивающих наиболее целесообразное использование рабочего времени, навыков, умений каждого подростка, значительное место занимает организация рабочего места. Здесь скрыты резервы повышения качества учебного труда. Правильно поставить фотоувеличитель или верстак — не значит оборудовать рабочее место. Рациональный подход к рабочему месту — это максимум удобств и простоты при соблюдении физиологических и санитарно-гигиенических требований и техники безопасности, особенно при работе с электрооборудованием.

Под техникой личного труда подростка понимается комплекс автоматизированных приемов, простейших, но совершенных приспособлений и технических средств, достаточных для того, чтобы повысить уровень организации самостоятельной учебной работы подростка в соответствии с современными требованиями. Техника учебного труда учащегося — это органическая часть НОТ.

Технику и организацию труда строго разграничить не всегда удастся. Это особенно сложно в учебном процессе. Однако к технике труда, не-

сомненно, можно отнести: технику организации времени, комплекс приемов умственных и практических действий по использованию простейших приспособлений и технических средств в учебном процессе.

В. А. ПОЛИКАРПОВ

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПОНИМАНИЯ

В изучении понимания мы опираемся на выдвинутый Б. Ф. Ломовым методологический принцип единства общения и деятельности. Применительно к нашей проблеме это означает, что понимание надо изучать как психологическое условие совместной в процессе непосредственного или опосредованного общения деятельности субъектов с одним и тем же объектом. Тем самым оно оказывается важнейшим интегрирующим фактором совокупного субъекта деятельности. Исследуя формирование понимания в условиях непосредственного общения, мы исходили из положения, что «именно эта его форма является генетически исходной и наиболее полной. Все другие не могут быть поняты без ее детального изучения»¹. Методом исследования мы избрали лабораторный эксперимент. Он проводился по известной методике подсказок, применяемой в исследовании мышления², но несколько модифицированной с учетом изучения понимания. Главной особенностью создававшейся нами экспериментальной ситуации было то, что мыслительную задачу предлагалось решать не одному, а сразу двум испытуемым, соответственно и очередная подсказка предлагалась не одному испытуемому, а одновременно двум. По тому, как использовались или не использовались испытуемыми подсказки, можно было объективно характеризовать соответствующие уровни формирования их мыслительных процессов, а выделенные уровни, в свою очередь, соотносить с фактами понимания или непонимания ими друг друга, с фактами их общего или различного видения объекта, непосредственно отраженного в их речевом общении. Последнее протоколировалось с помощью магнитофона. Испытуемым предлагалась для решения следующая основная задача: «Приклейте маленький огарок свечи на дно стеклянной банки. Зажгите огарок, накройте банку крышкой и проследите за пламенем в двух случаях: 1) банка покинется; 2) банка свободно падает с высоты 2—3 м на кучу песка (чтобы не разбилась при падении). Объясните разницу в форме и яркости пламени в этих двух случаях». Ответ: при свободном падении в банке возникает невесомость, которая исключает конвекцию воздуха, что приводит к затуханию свечи. Решение предлагавшихся в экспериментах более простых вспомогательных задач-подсказок тоже основано на принципе конвекции. Таким образом, испытуемым предлагались задачи, которые объективно нельзя решить без теоретических, хотя и не очень сложных, рассуждений. Для решения этих задач нет непосредственно очевидных, чисто наглядных критериев правильности находимого результата, как в случаях решения графических задач. Это заставляло испытуемых все больше актуализировать свой теоретический опыт и признавать решение правильным только в тех случаях, когда с ним соглашались оба партнера, что требовало стремления к полному взаимопониманию.

Протоколы экспериментов обрабатывались с помощью микросемантического анализа, позволяющего видеть семантику живой устной речи человека в динамике³. Приведем, с некоторыми сокращениями, анализ одного протокола. Испытуемые М. К. и А. Н. — студенты гуманитарного факультета. После прочтения условия М. К. тут же дает решение для первого случая. А. Н. сразу понимает и принимает его. Предлагается следующее решение: банка закрыта, углекислый газ, выделяющийся при горении, не может покинуть ее. Возрастание концентрации углекислого газа в банке гасит свечу. Это решение предполагает следующую пространственно-временную структуру отношений заданного в задаче объекта. Основным (оно задано уже в условии задачи) является отношение закрытой банки к горению свечи. Таким образом, закрытая банка (сильно ограниченное пространство) и горение свечи являются предшествующим и последующим членами основного отношения. В данном решении утверждается, что существование сильно ограниченного пространства вокруг свечи приведет к ее погашению. Погашение пламени, прекращение горения — это и есть отношение сильно ограниченного пространства к горению: наличие сильно ограниченного пространства вызывает прекращение горения.

Это каузальное отношение. Конкретным носителем основного отношения в рассматриваемом решении считается углекислый газ. Предполагается, что накопление углекислого газа, выделяемого при горении свечи, и его скопление в банке приведет к погашению свечи. Однако носитель основного отношения в этом решении найден неправильно. И хотя ответ дан верно, задача не может считаться решенной. Свечу гасит не углекислый газ, а отсутствие кислорода. Тем не менее данная в решении структура принимается обоими испытуемыми и выступает для них как смысловая. Заметим, что в данном акте понимания сформированная смысловая структура является общей для обоих испытуемых.

Перейдя ко второй части задачи, оба испытуемых сразу делают одинаковый прогноз. А. Н.: «Может, крышка слетит?» М. К.: «Нет. Здесь же действуют законы инерции. Крышка будет немножко приподниматься». Этот прогноз основан на предположении такого носителя основного отношения, как размыкание замкнутого объема, хотя характер влияния этого носителя определяется вначале по-разному. А. Н. считает, что свеча будет гореть ярче, М. К. считает, что она погаснет. Однако М. К. сразу принимает мнение А. Н.: «Ярче, да?» М. К.: «Нет». А. Н.: «Что, нет?» М. К.: «Крышка банки будет приподниматься и завихрение воздуха будет гасить свечу. Значит, во втором случае свеча будет гореть ярче...»

В результате этого достигается полное взаимопонимание. Приняв общий прогноз и двигаясь в одном направлении, испытуемые совершают одинаковые аналитико-синтетические шаги. У них формируется общая, т. е. одинаковая для одного и другого смысловая структура. М. К.: «Значит, во втором случае у нас пламя будет ярче за счет...» А. Н. перебивает: «Будет длиннее». М. К.: «Будет длиннее». Далее экспериментатор предлагает четко сформулировать предложенное для второго случая решение. Испытуемые говорят о нем очень осторожно, а в итоге вообще оставляют его. Не сформированы еще критерии искомого. А. Н.: «А может быть, так как она в конце концов упадет, она может быстрее потухнуть?» Будучи вынужденным отказаться от выбранного прогноза, А. Н. переносит на ситуацию с падающей банкой решение для ситуации с покоящейся. Он предполагает, что условия в падающей и покоящейся банках будут одинаковыми.

Дальнейшая часть протокола представляет собой спор. М. К. пытается сделать новый прогноз и отходит от решения, развиваемого А. Н. По существу, он становится на правильный путь. Стимулом для этого послужил вопрос экспериментатора: «Как углекислота будет там накапливаться? Будет ли отличие в протекании этого процесса в покоящейся банке и падающей?» Этот вопрос содержит проблемную часть необходимого прогноза и указывает правильное направление решения, которое и пытается реализовать М. К. Анализируя дальше ситуацию задачи, он открывает конвекцию. А. Н. остается на прежних позициях. В споре, таким образом, сталкиваются два прогноза: 1) ничто не изменится и 2) будут какие-то отличия. М. К.: «Но здесь большая скорость. Тут надо учитывать то, что банка летит. Форма...» А. Н.: «Да, форма, форма язычка пламени будет ли другая?» М. К.: «Подожди. Продукты горения поднимаются вверх. Подожди, сейчас». А. Н.: «Мягкая куча песка. По-моему, вверх будет». М. К.: «Так». А. Н.: «А будет ли она вообще, разница в форме и яркости? Что-то я сомневаюсь. Не будет никакой разницы». М. К.: «Нет, ну здесь просто будет более интенсивное перемешивание воздуха». А. Н.: «Какое там перемешивание? Она же будет свободно лететь, пойми. Что там его будет перемешивать? У нас банка — в полете». М. К.: «Свободно падает». А. Н.: «Да, свободно падает. Что от этого может измениться?» М. К.: «Ничего». А. Н.: «Ну, вообще, ничего». М. К.: «Да». А. Н.: «Ну и что? Мы к тому пришли, что разницы не будет вообще». М. К.: «Да». Внимательно следя за аналитическими шагами друг друга, испытуемые синтезируют их в разных направлениях, каждый в пользу своего прогноза. Это порождает противоречие. Смысловая структура никак не может замкнуться, пока один не сдастся. Тем не менее решение на этом этапе ускоряется. Именно в процессе спора испытуемые делают наиболее глубокий анализ ситуации задачи. Необходимость отстоять перед оппонентом правильность своей позиции заставляет субъекта углублять анализ. Тем самым он делает больше, чем надо для его индивидуальной практики. Все это подготавливает появление коллективного инсайта (!), который последует дальше. Пока экспериментатор предлагает контрольную задачу на конвек-

цию, которая подтверждает, что это явление им хорошо знакомо. Э.: «Скажите, почему в холодном помещении зябнут прежде всего ноги?» А. Н.: «Ноги?» М. К.: «Потому что холодный воздух внизу находится. А теплый за счет конвекции поднимается вверх. И поэтому ноги мерзнут». После этого экспериментатор повторяет в развернутой форме свой предыдущий вопрос, в ответ на который испытуемые воспроизводят пока принятый ими обоими ответ: Э.: «Итак, вы не видите разницы в горении свечи во время свободного падения банки и когда она стоит?» М. К.: «Нет». А. Н.: «Мы, вообще, не физики, но, кажется, что нет». М. К.: «Ведь законы физики не зависят от такого ускорения. Нет даже таких законов». Впрочем, они сомневаются в этом решении. А. Н.: «Мы давно уже физику проходили». После всего этого происходит коллективный инсайт. Э.: «Ну, мне придется вам подсказать. Когда какое-нибудь тело падает, оно находится в невесомости». М. К.: «Все ясно». А. Н.: «Все ясно. Тут мысль еще была, что углекислота тяжелее, чем воздух, когда банка стоит, а там будет одинаковый вес их. В смысле, когда банка будет падать». М. К.: «А там будет, это самое, продукты...» А. Н.: «Когда падает, быстрее потухнет».

Этот инсайт должен был произойти по крайней мере у одного — у М. К. Именно он отстаивал это направление решения. Однако А. Н., который с ним спорил, пережив тот же инсайт, берет на себя инициативу развития появившейся мысли. Это значит лишь одно. Споря, испытуемые движутся по одним и тем же смысловым единицам и открытые ими свойства и отношения заданного в задаче объекта принадлежат им обоим. Создается как-бы общий банк решения. Можно даже сказать, наверное, что А. Н. пережил своего рода криптомнезию, очень странную, ибо вспомнил не свою мысль. Такой спор ускоряет анализ. Инсайт произошел потому, что испытуемыми в процессе предыдущего совместного решения и последующего спора были открыты все необходимые элементы для формирования адекватной смысловой структуры. Не хватало только понятия невесомости. Оно было подсказано экспериментатором, и структура замкнулась.

В итоге экспериментов мы пришли к следующим выводам. Понимание, являющееся главным психологическим условием совместной деятельности, главным условием интеграции конкретной группы или совокупного субъекта, в последнем случае — вхождения человека в социум, т. е. его социализации, возникает не сразу и не остается чем-то неизменным. Даже в условиях развернутой коммуникации и активной совместной деятельности понимание, возникнув на каком-то этапе, все время формируется, развивается, периодически переходит в непонимание, уточняется и перестраивается, т. е. существует как процесс. На основании этого можно говорить, что группу, или совокупный субъект, интегрирует не само по себе понимание, а стремление к пониманию. Познаваемый объект всегда существует в определенной системе реальных отношений. Аналитико-синтетическое взаимодействие субъекта с объектом направлено на выделение тех реальных отношений объекта, которые являются существенными для данной деятельности субъекта. Члены каждого отношения всегда выделяются в качестве переменных, конкретное значение которых определяется той смысловой структурой, с которой они соотносятся (синтезируются). В ходе экспериментального исследования удалось установить, что именно эти конкретные значения переменных и являются теми семантическими элементами видения, переформулирования условия задачи, вокруг которых формируется речевое сообщение, адресованное себе или партнеру по совместному решению. В логическом анализе мышления они выступают как понятия.

В научной литературе отмечалось, что «у разных людей на разных этапах решения одни и те же переменные выступают в очень разных конкретных значениях»⁴. Наши эксперименты показывают, что в таких случаях снижается понимание партнерами друг друга. На фоне этого факта понимание выступает как процесс сближения мыслительных процессов различных индивидов через выделение общих значений переменных, как процесс формулирования общей для них смысловой структуры, что и соответствует их одинаковому видению объекта. Этот вывод является, на наш взгляд, центральным для экспериментального изучения понимания в любой его конкретной форме.

Совпадение неизвестного искомого в несовпадающих прогнозах обоих

партнеров приводит к возникновению спора, ускоряющего процесс решения. В таких случаях появляется общий банк решения, который влияет на развитие мышления обоих партнеров, что подтверждается появлением коллективных инсайтов. Здесь важно отметить, что необходимость отстоять свою позицию, обосновать ее правильность заставляет субъекта углублять анализ. Тем самым он делает больше, чем ему надо для его индивидуальной практики. В этом проявляется социальность мышления. Присутствие другого в условиях непосредственного общения как конкретного оппонента, или в условиях опосредствованного общения как оппонента предполагаемого, абстрактного оживляет мыслительный процесс, т. е. дает ему внутренние источники развития, самодвижения, создавая ему тем самым относительно независимость от внешних стимулов и наделяя самостоятельным онтологическим статусом.

¹ Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1977, с. 80.

² См.: Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования.— М., 1958.

³ См.: Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование.— М., 1979, с. 203.

⁴ Там же, с. 146.

Н. М. СМЕРНОВА

РАЗВИТИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

История социалистической школы в ГДР является прежде всего историей становления и развития дружбы и братского сотрудничества с Советским Союзом. Школа первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства, руководствуясь марксистско-ленинской теорией воспитания, учитывая опыт учебно-воспитательной работы других социалистических стран, вносит свой вклад в процесс подготовки сознательных борцов за социализм и коммунизм.

Успехи школьного образования в ГДР можно в полной мере оценить только в сопоставлении с тем, каким оно было раньше. В конце XIX и начале XX веков система образования в Германии носила строго дуалистический характер. «Там, — писала Н. К. Крупская, — существует «народная» школа, которую посещают дети трудящихся, и существует средняя школа (не являющаяся продолжением народной...), предназначенная для детей зажиточных классов»¹.

С приходом к власти нацистов учебные заведения превратились в казармы, прусский офицер и солдат были объявлены идеалами германской системы воспитания. Разгром гитлеровского фашизма в 1945 году проложил путь к мирному и демократическому развитию Германии, включая создание демократической системы образования и воспитания. Развитие страны происходило в очень трудных условиях. Правительство фашистской Германии было ликвидировано, развалилась вся система подконтрольных ему организаций. Пресса, радио, школа и другие средства массового воздействия не функционировали. Широкие массы населения находились в состоянии депрессии. Крах рейха они восприняли как конец Германии. Советские оккупационные органы, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма и социалистического гуманизма, своей главной задачей считали оказание помощи немецкому народу в создании миролюбивого и демократического государства. 11 июня 1946 года ЦК КПГ опубликовал воззвание, призывавшее немецкий народ направить все усилия на проведение антифашистско-демократических преобразований в стране. В этом воззвании первоочередными задачами провозглашались — создание новой системы воспитания и образования, свободной от фашистской и реакционной идеологии, создание действительно демократической, прогрессивной и свободной школы. Нужно было в кратчайшие сроки освободить значительную часть населения, и в первую очередь молодежь, от влияния фашистской идеологии, создать новые программы и учебники, нейтрализовать влияние старых учителей, которые в большинстве своем являлись членами нацистской партии, а многих вообще отстранить от преподавания.

Школа находилась в тяжелом материальном положении. Из 22.730 школьных классов, имевшихся в Берлине в 1938 году, уцелели

только 3044, а из 13 тыс. учителей, которыми располагал город в довоенное время, осталось около 2600 человек². Несмотря на это, советская военная администрация сделала все возможное, чтобы уже в 1945 году возобновились школьные занятия. В 1945—1946 годах в школы пришло более 40 тыс. новых учителей-выдвиженцев из среды рабочих, крестьян, служащих.

В первый послевоенный год была решена главная задача антифашистско-демократической школы—воспитание и образование получило новую политическую и идеологическую направленность. Первый антифашистский школьный «Закон о демократизации немецкой школы» вступил в силу в мае-июне 1946 года. Основная цель школьного образования и воспитания была сформулирована так: «Немецкая демократическая школа должна воспитывать молодежь самостоятельно мыслящими и сознательно действующими людьми, которые способны и готовы целиком поставить себя на службу всего народа. Ее задача как проводника культуры состоит в том, чтобы воспитывать молодежь свободной от нацистских и милитаристских взглядов, в духе миролюбивого и дружественного сосуществования народов. Она дает, исходя из общественных потребностей, каждому ребенку, невзирая на различия в имущественном положении, вере или в его происхождении, полноценное образование, соответствующее его склонностям и способностям»³. С 1945 по 1949 год, в период создания единой демократической школы, она была отделена от церкви, успешно осуществлялись подготовка новых и перевоспитание старых учительских кадров.

Образование 7 октября 1949 года ГДР «означало, — указывал Э. Хонеккер, — что в истории нашего народа произошел коренной поворот, имевший одновременно огромное значение для будущего всей Европы»⁴. Постепенный переход от антифашистского строя к созданию основ социализма выдвинули перед школой новые требования: она из антифашистской демократической преобразуется в социалистическую. III съезд СЕПГ (июль 1950 года) в целях усиления воспитательного и идеологического воздействия школы принял решение о введении с 5 по 8 класс преподавания основ политических знаний. С 1951/1952 учебного года обучение осуществлялось по новым учебным планам и программам. В целях повышения качества знаний учащихся съезд предложил создать 10-летнюю среднюю общеобразовательную школу, рассматривая ее как новый тип школы, который постепенно заменит 8-летнюю. Большое место в школьной политике партии 50-х годов занимала борьба за реализацию фундаментального принципа социалистической школы—укрепления связи с жизнью, теории с практикой, обучения с производительным трудом. Укрепление связи школы с жизнью осуществляется через политтехнизацию обучения. На необходимость политтехнизации обучения указывали IV съезд (1954) и III конференция СЕПГ (1956). В апреле 1958 года состоялась созванная по инициативе ЦК СЕПГ республиканская конференция по вопросам школьного образования, обсудившая проблемы политтехнического обучения в общеобразовательных школах. Введение с 1958/1959 учебного года политтехнического обучения способствовало значительному укреплению связи школы ГДР с жизнью. В средних школах были обновлены учебные программы, расширены определенные разделы по предметам естественно-математического цикла, введены новые предметы, было скорректировано соотношение предметов гуманитарного и естественно-математического циклов в пользу последнего.

Основные направления дальнейшей перестройки школы были изложены в «Законе о социалистическом развитии школьного образования в ГДР» от 2 декабря 1959 года. Закон зафиксировал неразрывную связь образования и воспитания с производительным трудом, утвердил политехническое образование как основу и составную часть обучения и воспитания на всех ступенях, нацелил школу к переходу на всеобщее 10-летнее образование.

Среди мер по совершенствованию социалистического народного образования в ГДР особое место занимает «Закон о единой социалистической системе образования» от 25 февраля 1965 года, который предусматривает завершение создания единой школы к середине 70-х годов. «Целью единой социалистической системы образования, — гласит закон, — является высокий уровень образования всего народа, образование и воспитание всесторонне и гармонически развитой личности, которая сознательно организует общественную жизнь, изменяет природу и ведет полнокровную, счастли-

вую, достойную человека жизнь»⁵. Для всех граждан гарантируется широкое, общее, бесплатное образование во всех типах школ, начиная от дошкольных учреждений и кончая высшими учебными заведениями. Составными частями единой социалистической системы образования ГДР являются: учреждения дошкольного воспитания, 10-летняя общеобразовательная политехническая средняя школа с тремя ступенями: младшей (1—3 классы), средней (4—6), старшей (7—10 классы); учебные заведения профессионального образования на базе 10-летней школы с двухгодичным сроком обучения и на базе 8-летней с трехгодичным сроком; расширенная политехническая школа с двухлетним обучением на базе 10-летней, дающая выпускникам право прямого поступления в вузы; техникумы на базе средней школы, профессиональные школы, дающие законченное среднее образование; университеты и институты. Основным ядром системы является 10-летняя общеобразовательная политехническая школа. Закон 1965 года допускает, что слабоуспевающие учащиеся могут окончить только 8 классов этой школы и завершить среднее образование в системе профессиональной подготовки.

В период с 1965 по 1972 год в школах ГДР постепенно внедрялись учебные программы, в которых отразилось качественно новое содержание общего образования с учетом общественного развития. Все обучение в школе основывается на принципах единства науки и идеологии, научности и партийности, тесной связи учебы с участием в борьбе за построение социалистического общества, связи с жизнью.

Решение СЕПГ и правительства завершить к 1975 году переход ко всеобщему 10-летнему среднему образованию социалистическая школа успешно выполнила. X съезд СЕПГ (апрель 1981) дал высокую оценку успехам школы-десятилетки. «С ее созданием была положена основа для достижения нашей воспитательной цели — формирования всесторонне развитой личности. Она дает высокую научно-обоснованную общеобразовательную подготовку»⁶.

Содержание образования в школах ГДР основано на правильной концепции, которой можно руководствоваться в дальнейшем для достижения высокого качества преподавания и воспитания молодежи в духе мировоззрения и морали рабочего класса, преданности идеям социализма и коммунизма.

¹ Крупская Н. К. Пед. соч. в 10-ти томах. — М., 1958, т. 1, с. 344.

² См.: Кайдерлинг Г., Штульц П. Берлин 1945—1975. — М., 1974, с. 50.

³ За антифашистскую демократическую Германию. — М., 1969, с. 248.

⁴ Правда, 1980, 7 октября.

⁵ Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem vom 25.02.1965. — Berlin, 1965, S. 83.

⁶ X съезд СЕПГ. — М., 1982, с. 101.

Н. К. ТУРАЙКЕВИЧ, Г. Е. ДУНАЕВСКАЯ

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ ПЕРЕВОДУ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Подготовка специалиста, способного непрерывно пополнять и углублять свои знания, повышать свой идейный, теоретический и профессиональный уровень, активно участвовать в развитии научно-технического прогресса — важнейшая задача советской высшей школы. Одним из путей активного обучения является развитие и совершенствование самостоятельной работы студента.

Самостоятельная работа студента над учебным материалом является на заочном факультете основной формой учебной работы. Контингент студентов здесь существенно различается по возрасту, жизненному опыту, продолжительности перерыва в обучении. Поэтому все виды самостоятельной работы должны осуществляться под методическим руководством преподавателей, которые помогают правильно организовать самостоятельную работу студентов, оказывают им квалифицированную помощь в учебной деятельности.

В современных условиях широкого развития международных связей

практическое владение иностранными языками приобретает большое значение для специалистов различных областей науки, техники и культуры. Программа по немецкому языку для неязыковых высших учебных заведений в качестве главной задачи предусматривает практическое владение иностранным языком. Для реализации этой задачи нужно различать и применять два вида работы: чтение и адекватный перевод.

Чтение — основной вид работы по извлечению информации. Поэтому очень важно научить студентов поэтапно определять и осмысливать значение слова и фразы, а затем предложения и текста в целом. При этом важно отвлечь студента от дословного перевода текста и сосредоточить его внимание на передаче смысла. При этом нельзя игнорировать лексико-грамматический анализ, так как перевод и лексико-грамматический анализ дополняют друг друга и являются двумя сторонами единого процесса — выражения средствами родного языка того, что выражено на иностранном языке.

Следует заметить, что конструкции немецкого научного текста являются характерными, типичными, постоянно повторяющимися, что и облегчает постепенное усвоение навыков перевода. Перевод должен быть точным, т. е. в точности воспроизводить высказывания и воплощенные в них мысли автора со всеми оттенками, с использованием соответствующей терминологии и соблюдением стилистических норм родного языка. Перевод, удовлетворяющий этим требованиям, будет адекватным, т. е. равноценным подлиннику. Но точность перевода нельзя смешивать с буквальностью. При буквальном переводе сохраняются грамматические конструкции и порядок слов оригинала, т. е. буквальный перевод предполагает наличие полного соответствия между элементами обоих языков. Известно, что лексический и грамматический строй языка подлинника и языка перевода нередко настолько отличаются друг от друга, что попытка буквального перевода приводит к искажению подлинного текста и мысли автора. Буквальный перевод никогда не будет и не может быть точным переводом.

При обучении переводу специальной литературы преподавателю следует обратить внимание на особенности языка и стиля научно-технической литературы. Стиль научной литературы характеризуется логической последовательностью изложения, стремлением автора к точности, сжатости и однозначности выражения. Здесь широко используются инфинитивные и причастные обороты, распространенные определения, различные виды придаточных предложений, конструкции с инфинитивом. Характерной чертой стиля научных статей является насыщенность терминами, в частности интернациональными.

Приступая к переводу, необходимо прежде всего ознакомиться с общим содержанием текста или статьи, попытаться установить, какой именно конкретный вопрос там рассматривается (прочтёте краткое резюме после статьи, если оно имеется). Заголовки рекомендуется переводить после текста. Когда студент уже знает его содержание, ему легче найти лучший вариант для заголовка. Кроме того, бывают случаи, когда заголовок вообще нельзя перевести без точного знания содержания всей статьи.

При обучении адекватному переводу необходимо учитывать грамматические трудности, а поэтому особое внимание на занятиях следует уделять изучению тех грамматических явлений и конструкций, которые характерны для стиля литературы по данной специальности и непрочное знание которых является причиной наиболее типичных ошибок при переводе с немецкого языка на родной. Студенту необходимо научиться узнавать ту или иную грамматическую конструкцию и правильно переводить ее на родной язык.

Для правильного понимания текста важно установить связь составляющих этот текст предложений, их логическую последовательность. Не вызывает сомнения, что в основе должны лежать прочные знания тех структурных особенностей языка, которые раскрываются на уровне предложения. Особенно важно безошибочно узнавать сложные глагольные формы, зависимый инфитив, инфинитивные причастные обороты, придаточные предложения, распространенное определение и т. д. От этого зависит скорость зрительного восприятия немецкого текста. Работа со словарем не может находиться вне поля зрения преподавателя. Он должен показывать на конкретных примерах, что незнание отдельного слова в принципе гораздо менее опасно, чем неумение увидеть и понять языковую структурную и логическую связь.

В. А. Ш о ш и н. Литература народов СССР. Пособие для учителя.— М.: Просвещение, 1982.— 221 с.

Становление интернационалистского пафоса многонациональной советской литературы, углубление и развитие органического единства всех ее национальных литератур—магистральная, стержневая тема рецензируемой книги. Строго следуя школьной программе курса «Русская советская литература», автор, естественно, не разворачивает широкой, многоплановой панорамы развития всей советской многонациональной литературы. Четыре основных раздела книги: «Все—именем революции», «Чувство семьи единой», «Вся Отчизна встала для отпора» и «Коммунизм—это молодость мира» вобрали в себя, соответственно, четыре основных этапа истории страны Советов: от Октября и 20-х годов до периода Великой Отечественной войны и наших дней. Поэтому логично обоснованными выглядят в книге Шошина сжатые, лаконичные обзорные характеристики этапных периодов литературного развития, с одной стороны, и краткие монографические очерки жизни и творчества известных прозаиков и поэтов национальных литератур, с другой.

Осмысливая самые разные направления художественных поисков, автор на примере конкретных произведений писателей национальных литератур доходчиво и лаконично, как того требует учебное пособие, выявляет своеобразный сгусток тем и мотивов революции и гражданской войны, социалистического строительства и героического подвига, современности и борьбы за мир. И наряду с этим дает глубокое литературоведческое истолкование всего художнического многообразия решения проблем, которые вносила в повестку дня история страны.

Углубляя содержание предыдущего издания, Шошин шаг за шагом, от раздела к разделу концентрирует вни-

мание учителя-словесника на органическом единстве интернационалистского духа и жизнеутверждающего, гуманистического пафоса всех наших 78 национальных литератур. При этом автор детально рассматривает проблемы межнационального содружества, постоянно акцентирует внимание на вопросах взаимовлияния и взаимообогащения братских литератур. В последнем он видит одно из главных условий ускоренного развития современного литературного процесса. Говоря, например, о сегодняшнем развитии национальных литератур в контексте с литературой русской, исследователь приходит к выводу, что именно социалистическое общество «обуславливает единство художественных открытий». В качестве примеров он использует произведения Р. Гамзатова и О. Берггольца, Ю. Смуула и В. Солоухина, Ю. Шесталова, С. Крутилина и других авторов.

По-новому освещена в работе Шошина и наиболее острая сегодня проблема нравственного выбора, поиска героем подлинных духовных ценностей. Отмечая произведения, созданные в последние годы Г. Марковым и Ч. Айтматовым, И. Шамякиным и Н. Думбадзе, Ю. Бондаревым и В. Быковым, П. Загребельным и А. Ивановым, Г. Гулямом, Дж. Мулдагалиевым, И. Друцэ и др., автор книги подчеркивает тот факт, что «духовный опыт человека XX столетия предстает все более философски углубленным, житейски насыщенным, социально многогранным». Естествен, замечает он, и поворот всех без исключения литератур народов СССР к художественному осмыслению таких моральных критериев в нравственно-духовном облике героя-современника, как честь и человеческое достоинство, принципиальность и человеческая доброта, чистота поступков и моральный максимализм. Жаль только, что, видимо, из-за ограниченности объема книги разговор об одной из главных тем мно-

гонациональной советской литературы свелся, по существу, к констатации отдельных фактов. Не проанализированы лучшие произведения последних лет в контексте современного литературного процесса, не дано их типологического сопоставления. Специфика развития национальных литератур, особенно в последние два десятилетия, требовала, на мой взгляд, выделения разговора о современной многонациональной литературе в самостоятельный раздел.

Жаль, что и в новом издании книги по-прежнему не нашлось места ряду известнейших писателей. В частности, почему-то обойден вниманием классик белорусской литературы Якуб Колас. Вне поля зрения автора остались известный молдавский писатель Емилиан Буков и народный поэт Литвы Юстинас Марцинкявичюс.

Второе издание книги Владислава Шошина «Литература народов СССР» пришло к читателю. Содержательное, добротно изданное, богато иллюстрированное, оно будет надежным помощником не только школьного учителя, но и каждого, кто интересуется многонациональной советской литературой.

И. М. Ключенович

Der altrussische Kondakar' / Herausgegeben von Antonin Dostál und Hans Rothe unter Mitarbeit von Erich Trapp. — Giessen: W. Schmitz Verlag, 1976 — 1983.

Публикация и монографическое изучение письменных памятников — одна из актуальных задач славистики. Невозможно восстановить достаточно полную и ясную картину прошлого славянской духовной культуры без расширения круга опубликованных, а следовательно, реально используемых различными специалистами источников, в том числе древнеславянских переводов разнообразных греческих оригиналов. В этой связи можно указать на недавнее издание «Апракос Мстислава Великого» под редакцией Л. П. Жуковской (М.: Наука, 1983).

Как известно, древнеславянские тексты кондаков полностью и в удовлетворительном для современных требований виде изданы не были. Издание И. В. Ягича в составе Новгородской минеи 1095 года дало лишь часть

кондаков, издание же А. Бугге содержит только фотографическое воспроизведение одного из текстов (Успенского кондакаря 1207 года), издание Амфилохия, осуществленное в прошлом веке, устарело. Поэтому предпринятое в серии «Материалов к истории литературы у славян», издаваемой гиссенским издательством В. Шмитца, как часть (т. 8) ее эдиционного раздела издание древнерусского кондакаря вносит существенный вклад в изучение древнеславянской книжности. Издание древнерусской части подготовили Г. Роте и А. Достал, греческие тексты подобрал Э. Трапп. Издание рассчитано на 9 выпусков по 200—300 страниц, из которых уже вышли из печати 4. Первый выпуск включающий исследование и индексы, облегчающие пользование изданием, будет опубликован в завершение серии. Вторым выпуск включает факсимильное фотовоспроизведение Новгородского Благовещенского кондакаря XI—XII веков, ныне хранящегося в Ленинградской публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (рукопись Qp 1 32). После сжатой информации об основах эдиционной техники, примененной в издании, в выпусках 3—6 помещается кондакарь в наборном воспроизведении по указанному списку с перечнем разночтений по семи другим древнейшим текстам, греческий текст — соответствие (но не оригинал перевода, так как подобрать точные греческие оригиналы не всегда удавалось, а иногда и просто невозможно) с указанием важных вариантов, а также немецкий объяснительный перевод. В выпусках 3—5 печатаются кондаки по датам церковного года, выпуск 6 будет содержать материалы по подвижному календарю праздников. В выпусках 7 и 8 намечается публикация дополнений по отдельным спискам. Девятый выпуск будет содержать словарь.

В техническом отношении издание осуществляется образцово. В серию не предполагается включать музыкальную нотацию, но факсимиле в выпуске 2 ее, естественно, воспроизводит. Таким образом, издание будет полезным для специалистов по славянским древностям различного профиля: историков языка, литературы, включая поэтику и переводческое искусство, историков музыки, религии.

А. Е. Супрун

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна», серыя IV (філалогія, журналістыка,
педагогіка, псіхалогія) у 1983 годзе

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Булацкая Н. А. С. М. Степняк-Кравчинский о Л. Н. Толстом</i>	1	6
<i>Головко Н. В. Некоторые вопросы поэзии в интерпретации Н. А. Некрасова</i>	1	3
<i>Енихен Іоланта. Мария Конопницкая и детская литература</i>	3	16
<i>Жук І. В. Да пытання аб суаднесенасці катэгорый партыйнасці і грамадзянскасці ў літаратуры</i>	2	3
<i>Карпава Л. У. Станаўленне гераічнай асобы ў творчасці Кузьмы Чорнага перыяду Вялікай Айчыннай вайны</i>	2	9
<i>Кулак В. М. Формы авторского «я» в литературе ГДР (на материале прозы Франца Фюмана)</i>	3	20
<i>Ковалева Т. В. Достоевский и Жорж Санд (Опыт сравнительно-типологического исследования)</i>	3	12
<i>Мушчинина Л. Н. Лирический герой поэзии Гиппонакта</i>	2	13
<i>Праневіч Г. М. Скарынінскі прататып у творчасці Максіма Багдановіча</i>	2	5
<i>Скоропанова І. С. «Научная поэзия» Л. Мартынова</i>	3	6
<i>Тимошенко М. И. Вячеслав Иванов в жизни Александра Блока</i>	3	9
<i>Чыерын І. П. Да пытання далейшага вывучэння літаратурных арганізацый 20-х гадоў</i>	3	3

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Авласенко Н. А. Образно-метафорическое функционирование словосочетаний с наречиями</i>	3	33
<i>Алехина А. И. Проблема исследования системной организации фразеологии</i>	1	46
<i>Белявская О. Н. Структурно-семантические особенности немотивированных глаголов с общим корнем в русском и белорусском языках</i>	1	23
<i>Бурак І. Л. Канкрэтызацыя злучніка і ў сучаснай беларускай мове</i>	1	33
<i>Бурак Л. І. Сінтаксічная аднароднасць як вынік структурнага пашырэння сказа</i>	3	22
<i>Ваяхіна А. В. Возможности восприятия незаконченного предложения (НП)</i>	1	41
<i>Ваяхіна А. В. Соотношение понятий неполноты и незаконченности предложения</i>	3	45
<i>Дмитриева Е. А. Способы выражения олицетворения в ранней лирике Б. Л. Пастернака</i>	2	35
<i>Зуев М. Л. Паранамазія ў творах сучаснай беларускай літаратуры</i>	3	30
<i>Киклевич А. К. К вопросу о необратимости сочинительных конструкций (на материале русского и польского языков)</i>	1	16
<i>Кудрэўка З. М. Няпоўныя сказы ў байках Кандрата Крапівы</i>	2	33
<i>Кучук І. М. Дзярвацыйныя асаблівасці прыметнікаў з суфіксам -лів- у сучаснай беларускай літаратурнай мове</i>	2	29
<i>Леонава Л. В. Общая сопоставительная характеристика лексики сербско-хорватского и русского языков</i>	2	42
<i>Лепешай І. Я. Сінанімічныя фразеалагізмы і іх стылістычная дыферэнцыяцыя</i>	1	30
<i>Лукша Т. Г. К вопросу о знаковом характере просодии</i>	2	53
<i>Мухамед Абдельхалим. Функционирование глаголов движения в лингвистическом тексте</i>	1	44
<i>Наркевіч А. І. Словазлучэнні і члены сказа</i>	2	22
<i>Норман Б. Ю. Лексический стимул и структура порождаемого высказывания</i>	3	41
<i>Плотников Б. А. О соотношении рода существительных в белорусском и чешском языках</i>	1	13
<i>Саніковіч В. А. Белорусское воздействие на систему консонантизма островного русского говора</i>	1	27
<i>Сенюта Т. В. Наблюдения над словообразованием имен существительных и имен прилагательных в детской речи</i>	2	39
<i>Сумана Канэ. Присубстантивные и прикомпаративные нерасчлененные предложения (в русском языке и языке бамана)</i>	2	47
<i>Супрун А. Я. Супастаўляльнае (канфрантацыйна-тыпалагічнае) вывучэнне лексікі славянскіх моў</i>	1	10
<i>Сямешка Л. І. З'явы аналітызму ў скланавых формах лічэбнікаў у беларускай мове</i>	3	30
<i>Трембовольский Я. Л. К семиотической интерпретации сочинения черноризца Храбра «О писменехъ»</i>	1	19
<i>Черкас М. А. О семантической дифференциации имен класса nomina agentis</i>	2	50
<i>Чумак Л. Н. О синтаксической функции примыкающего инфинитива</i>	3	38

Шакун Л. М. Словаўтваральны статус запазычанняў у сучаснай беларускай мове	2	18
Шкраба І. Р. Асаблівасці выражэння катэгорыі ліку назоўнікаў у беларускай мове	2	26
Яцкевіч Л. Г. О разграничении лексической и словообразовательной многозначности слова	1	38

ЖУРНАЛІСТЫКА

Беленький И. И. Динамика жанров в белорусской печати	2	58
Мяснікоў А. Ф. Вобраз перадавіка сацыялістычнай вытворчасці на старонках рэспубліканскіх газет	1	54
Радкевіч Я. Р. Асаблівасці ўзаемадзеяння Усесаюзнага і Беларускага радыё ў адзінай сістэме	2	55
Руденкова С. С. Комсомольско-молодежная печать Белоруссии в годы Великой Отечественной войны	2	61
Стрельцов Б. В. Эффективность очерковых текстов	3	49
Толстик Н. Н. Освещение областной печатью Белоруссии некоторых вопросов качественного роста парторганизаций	1	51

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

Беляев В. И., Бушило И. Д., Урбанович Н. И. Использование средств экранной информации при обучении общетехническим дисциплинам	2	67
Водейко Р. И., Мазо Г. Е. Влияние сокращенного варианта аутогенной тренировки на некоторые показатели психофизиологической саморегуляции	2	64
Водейко Р. И., Валиева Р. Н. Влияние музыки на восприятие времени при выполнении умственной и физической работы	1	63
Максюта Г. В. Влияние осмысленности материала на объем образной памяти	1	67
Мурина Л. А. Формирование умений и навыков культуры русской речи у учащихся-белорусов	3	52
Новик Е. К. К вопросу организации учебно-воспитательного процесса на педагогическом факультете Белорусского государственного университета (1922—1931)	1	57
Саватеева Л. А. Формирование педагогического мастерства в процессе обучения студентов	3	56
Сундукова Л. В., Кадушина А. А. Подготовка учительских кадров в ЧССР	3	57
Тиво М. Д., Шарупич В. С. Специфика образования взрослых	2	68
Янчук В. А. О двух типах внушаемости	1	60

РЭЦЭНЗІІ

Ажахоўска Х. Г. А. Цыхун. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала	3	62
Бурмистрова К. И. С. А. Лысенко. Романтика борьбы и созидания. Романтическое стилевое течение в советской драматургии 20—30-х гг.	1	77
Вейзе А. А., Лузгина С. В. М. В. Ляховицкий. Методика преподавания иностранных языков	2	76
Гончарова Н. А. А. Ч. Козаржевский. Учебник латинского языка (для филологических гуманитарных факультетов)	2	77
Гримоть А. А., Короткина Т. К., Мещеряков В. П., Босько В. А. М. У. Пискунов. Организация учебного труда студентов	2	77
Короткая Л. Л. В. В. Кусков. История древнерусской литературы	3	64
Красней В. П. Гістарычны слоўнік беларускай мовы	1	74
Кулешов Ф. И., Кипко Ю. В. В. В. Основин. Драматургия Л. Н. Толстого	2	70
Лысенко С. А. М. Пархоменко. Горизонты реализма	2	74
Михневич А. Е., Манаenkova А. Ф. Ф. П. Филин. Очерки по теории языкознания	1	75
Мяснікоў А. Ф., Барановскі П. М. Праблематыка газетных выступленняў	3	65
Наркевіч А. І., Шыдлоўскі А. В. І. Р. Вихованець. Прийменикова система української мови	1	76
Наркевіч А. І., Шыдлоўскі А. В. А. Н. Шаранда. Сравнительная типология категории предлога	3	63
Наумович А. Н. Русский язык	2	75
Рагойша В. П. А. А. Рысак. Животворный источник духовного вдохновения (Поэзия Леси Украинки в русских переводах)	2	73
Симонова Т. Г. В. Шошин. Интернационалисты — мы! К проблеме взаимодействия национальных литератур	3	64
Супрун А. Е. Профессор Никита Ильич Толстой	3	61
Хромчанка К. Р. І. О. Денисюк. Розвиток української малої прози XIX — поч. XX ст.	2	72

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Ефрасіння Леанідаўна Бондарава (Да 60-годдзя з дня нараджэння)	1	78
Федор Івановіч Кулешов (К 70-летію со дня рождэння)	1	79

ХРОНІКА

Карпов В. А. Трэці беларуско-болгарскі сімпозіум	1	71
Навумовіч У. А. Творчая спадчына Янкі Купалы і Якуба Коласа і развіццё славянскіх моў і літаратур	1	72

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

Борис Павлович Мицкевич	3	60
-------------------------	---	----